

ЗОЛОТАЯ КЛАССИКА

ИВАН
ВО

ПРИГОРЦІНЯ
ПРАХА

Annotation

Видный британский прозаик Ивлин Во (1903–1966) точен и органичен в описании жизни английской аристократии. Во время учебы в Оксфорде будущий писатель сблизился с золотой молодежью, и эти впечатления легли в основу многих его книг. В центре романа «Пригоршня праха» — разлад между супругами Тони и Брендой, но эта, казалось бы, заурядная житейская ситуация под пером мастера приобретает общечеловеческое и трагедийное звучание.

- [Во Ивлин](#)
 - [ГЛАВА ПЕРВАЯ](#)
 - [ГЛАВА ВТОРАЯ](#)
 - [ГЛАВА ТРЕТЬЯ](#)
 - [ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ](#)
 - [ГЛАЗА ПЯТАЯ](#)
 - [ГЛАВА ШЕСТАЯ. DU COTE DE CHEZ TODD\[25\]](#)
 - [ГЛАВА СЕДЬМАЯ. АНГЛИЙСКАЯ ГОТИКА III](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)

- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке Royallib.ru](#)

[Все книги автора](#)

[Эта же книга в других форматах](#)

Приятного чтения!

Во Ивлин Пригоршня праха

*...И я покажу тебе нечто отличное
От тени твоей, что утром идет за тобою,
И тени твоей, что вечером хочет
подать тебе руку:
Я покажу тебе ужас в пригоршне праха.*

Т.С. Эллиот «Бесплодная земля»^[1].

ГЛАВА ПЕРВАЯ

DU COTE DE CHEZ BEAVER^[2]

— А жертвы были?

— Слава богу, нет, — сказала миссис Бивер, — только две горничные сдуру выбросились через стеклянную крышу на мощный дворик. Им ничего не угрожало. Боюсь, что пожар так и не добрался до спален. Но без ремонта им не обойтись: там все покрыто копотью и насквозь промокло: у них, к счастью, оказался старомодный огнетушитель, который портит решительно все. Так что жаловаться не приходится. Главные комнаты выгорели дотла, но все было застраховано. Надо добраться до них пораньше, пока их не перехватила эта стервоза миссис Шаттер.

Миссис Бивер, грея спину у камина, поглощала свою ежеутреннюю порцию простокваши. Она держала картонный стаканчик под самым подбородком и жадно хлебала простоквашу ложкой.

— Господи, какая гадость. Я бы хотела, чтоб ты приохотился к ней, Джон. У тебя последнее время такой усталый вид. Не знаю, как бы я продержалась без простокваши.

— Но, мамчик, я ведь не так занят, как ты.

— Это правда, сын мой.

Джон Бивер жил с матерью в доме на Сассекс-гарденз, куда они переехали после смерти отца. Дом этот не имел ничего общего с теми сурово элегантными интерьерами, которые миссис Бивер создавала для своих клиентов. Он был набит непродажной мебелью из двух больших домов, не претендующей на принадлежность ни к одному определенному стилю и менее всего — к нынешнему. Предметы получше, а также те, которые были дороги миссис Бивер по сентиментальным соображениям, стояли в Г-образной гостиной наверху.

Бивер являлся обладателем темноватой маленькой гостиной (на первом этаже, за столовой) и отдельного телефона. Пожилая горничная приглядывала за его гардеробом. Она же вытирала пыль, начищала, поддерживала в порядке и симметрии стоявшую на

письменном столе и на комодке коллекцию мрачных и громоздких предметов, украшавших прежде туалетную комнату его отца; не знающие сносу подарки к свадьбе и совершеннолетию, одетые в слоновую кость и бронзу, обтянутые свиной кожей, граненые и оправленные в золото доспехи дорогостоящей мужественности эдвардианских времен — фляги для бегов и фляги для охоты, ящики для сигар, банки для табака, высокие сапоги, вычурные пенковые трубки, крючки для пуговиц и щетки для шляп.

В доме было четверо слуг, все женщины, и все, за исключением одной, пожилые.

Когда Бивера спрашивали, почему он живет здесь, а не поселится отдельно, он иногда отвечал, что матери так лучше (несмотря на всю ее занятость, ей было бы тоскливо одной), а иногда, что он экономит на этом по меньшей мере фунтов пять в неделю.

Учитывая, что его недельный доход равнялся шести фунтам, экономия была довольно существенная.

Ему шел двадцать шестой год. По окончании Оксфорда он, пока не начался кризис, работал в рекламном агентстве. С тех пор никому не удалось подыскать ему место. Итак, он вставал поздно и почти весь день просиживал у телефона в ожидании звонка.

Если дела позволяли, миссис Бивер попозже отлучалась на час из лавки. Она пунктуальнейшим образом являлась туда к девяти и к половине двенадцатого уже нуждалась в отдыхе. Так что если не ожидался важный покупатель, она садилась в свой двухместный автомобиль и ехала на Сассекс-гарденз. Бивер обычно уже успевал одеться, и ей со временем стал просто необходим их утренний обмен сплетнями.

— Как провел вечер?

— В восемь позвонила Одри и пригласила на обед. Десять человек в «Эмбасси», тоска смертная. Потом поехали всей компанией к даме по фамилии де Тромме.

— А, знаю ее. Американка. Она еще не заплатила за набивные чехлы на стулья, которые мы ей сделали в прошлом апреле. У меня тоже был неудачный вечер: ни одной хорошей карты, — и в результате четыре фунта десять проигрышу.

— Бедный мамчик.

— Я обедаю у Виолы Казм. А ты? Я не заказала дома обеда, ты уж извини.

— Пока нигде. Правда, я всегда могу пойти к Брэтту.

— Но это так дорогоо. Я думаю если мы попросим Чэмберс, она тебе что-нибудь принесет. Я была уверена, что ты приглашен.

— Что ж, меня еще могут пригласить: ведь нет и двенадцати.

(Бивер чаще всего получал приглашения в последний момент, а то и позже, уже приступая к одинокой трапезе с подноса... «Джон, лапочка, тут вышла неувязка — Соня явилась без Реджи. Будь добр, выручи меня, пожалуйста. Только поторопись, мы уже садимся за стол». Тогда он опрометью кидался за такси и появлялся с извинениями после первой перемены блюд... Одна из его немногих за последнее время, ссор с матерью произошла, когда он таким образом удалился с устроенного ею обеда.)

— Куда ты поедешь на воскресенье?

— В Хеттон.

— А кто там живет? Я что-то забыла.

— Тони Ласт.

— Ах да, как же, как же. Она красотка, он зануда. Я и не знала, что ты с ними знаком.

— Ну, какое там знакомство. Тони пригласил меня вчера вечером у Брэтта. Он мог и забыть.

— А ты напомни — пошли телеграмму. Это лучше, чем звонить. Так им будет труднее отвертеться. Пошли телеграмму завтра, прямо перед отъездом. Они мне задолжали за стол.

— Что ты о них знаешь?

— Я с ней часто встречалась, пока она не вышла замуж. Она в девичестве — Бренда Рекс, дочь лорда Сент-Клауда, белокурая, этакая ундина на вид. По ней тогда многие с ума сходили. Одно время все считали, что она выйдет за Джока Грант-Мензиса. Тони Ласт ее не стоит, он сухарь. Ей пора бы и заскучать. Они женаты пять или шесть лет. Состояние у них немалое, но все деньги уходят на дом. Я его никогда не видела, но, по слухам, он большой и страшно уродливый. Один ребенок у них есть — это точно, а может, и больше.

— Мамчик, ты просто чудо. Ты все про всех знаешь.

— Просто надо слушать, что говорят вокруг. Это большое подспорье.

Миссис Бивер выкурила сигарету и отбыла в лавку. Какая-то американка купила два стеганых лоскутных одеяла, по тридцать гиней каждое. Леди Метроленд справилась относительно потолка в ванной, незнакомый молодой человек заплатил наличными за подушку; в перерыве между этими делами миссис Бивер успела спуститься в подвал, где две павшие духом девицы упаковывали абажуры. В подвале стоял холод и стены были сырые, хоть он и обогревался маленькой печкой. Девицы управляют хоть куда, с удовлетворением отметила миссис Бивер, особенно та, что покоренастей, она ворочает ящики не хуже мужчины.

— Так держать, Джойс, — сказала она, — у тебя неплохо получается. Я тебя скоро переведу на работу поинтереснее.

Пусть поторчат в упаковочной, пока не взбунтуются, решила миссис Бивер. С такой внешностью им нечего делать наверху. Обе девицы немало заплатили за право обучаться у миссис Бивер ее ремеслу.

Бивер засел у телефона. Раздался звонок.

— Мистер Бивер? — услышал он. — Подождите, пожалуйста, у телефона, сэр. С вами хотела поговорить леди Типпинг.

Наступившую паузу Бивер провел в приятном ожидании. Леди Типпинг давала сегодня обед, это он знал; вчера вечером они долго разговаривали, и он был в ударе. Значит, в последний момент кто-то подвел...

— О мистер Бивер, мне так неприятно вас беспокоить. Вы не могли бы сказать, как зовут молодого человека, которого вы представили мне вчера вечером у мадам де Тромме? Того, с рыжеватыми усиками. Кажется, он член парламента.

— Вы, очевидно, имеете в виду Джока Грант-Мензиса.

— Да, да, вы угадали. Вы случайно не знаете, где его можно найти?

— Его адрес есть в книге. Но вряд ли он сейчас дома. Его можно поймать у Брэтта около часу. Он почти всегда там.

— Джок Грант-Мензис, Брэтт-клуб. Большое вам спасибо. Вы очень любезны. Надеюсь, вы как-нибудь заглянете ко мне. Всего, всего вам хорошего.

И телефон замолчал.

В час Бивер отчаялся. Он надел пальто, перчатки, котелок, взял аккуратно свернутый зонтик и отбыл в клуб на самом дешевом автобусе, шедшем до угла Бонд-стрит.

Старинный вид, которым Брэтт был обязан изысканному георгианскому фасаду и элегантной панельной обшивке комнат, был чистой воды подделкой, ибо клуб этот — вполне недавнего происхождения — возник вследствие эпидемии общительности, разразившейся сразу после войны. Предполагалось, что это будет клуб для молодых людей, где они могли бы скакать через кресла и колобродить в ломберной, не рискуя навлечь недовольство старших членов. Теперь основатели сами подошли к среднему возрасту, со времени демобилизации они обрюзгли, полысели, лица их приобрели багровый оттенок, но жизнерадостность им не изменила, и они, в свою очередь, приводили в трепет своих преемников, порицая их за отсутствие качеств, необходимых мужчине и джентльмену.

Шесть широких спин загораживали бар. Бивер расположился в соседней комнате на одном из кресел и стал перелистывать «Нью-Йоркер», выжидая, не подвернется ли кто из знакомых.

Наверх поднялся Джок Грант-Мензис. Мужчины у стойки приветствовали его: «Джок, старина, что будешь пить?» или попросту: «Так как, старина?» По молодости лет он не мог участвовать в войне, но мужчины у стойки его признавали, они относились к нему куда лучше, чем к Биверу, которого, по их мнению, вообще не стоило пускать в клуб. Однако Джок остановился поболтать с Бивером.

— Привет, старина, — сказал он, — что пьешь?

— Пока ничего. — Бивер посмотрел на часы. — Но, пожалуй, пора пропустить рюмочку. Бренди с имбирным элем. Джок подозвал бармена, потом сказал:

— Кто эта старуха, которую ты подсунул мне вчера вечером?

— Леди Типпинг.

— Я так и подумал. Теперь все понятно. Мне внизу передали, что дама с такой фамилией приглашает меня на обед.

— Ты пойдешь?

— Нет, не люблю званых обедов. И потом я еще утром решил поесть здесь устриц. Бармен принес заказ.

— Мистер Бивер, сэр, по книге за вами числится должок в десять шиллингов за последний месяц.

— А, спасибо, Макдугал, не забудьте мне как-нибудь напомнить, ладно?

— Слушаюсь, сэр.

Бивер сказал:

— Я завтра еду в Хеттон.

— Вот как? Передай привет Тони и Бренде.

— Какие там порядки?

— Все тихо-спокойно.

— По мишеням не стреляют?

— Нет, нет, ничего подобного. Бридж, триктрак и покер по маленькой с соседями.

— А как с удобствами?

— Не так уж плохо. Выпивки полно. Ванн маловато. К завтраку вставать не обязательно.

— Я не знаком с Брендой.

— Бренда тебе понравится, она молодчина. Я часто думаю, какой счастливчик Тони. Денег ему хватает, он любит Хеттон, у него единственный сын, которого он обожает, преданная жена — и никаких забот.

— Завидная участь. Ты не знаешь, кто еще к ним едет, а? Я вот думаю, кто бы меня туда подбросил.

— Увы, не знаю. Туда легко добраться поездом.

— Да, но машиной приятнее.

— И дешевле.

— Да, надо думать, и дешевле... Что ж, пойду обедать. Не хочешь еще по одной? Бивер уже встал.

— Пожалуй, не откажусь.

— Вот как. Прекрасно. Макдугал, еще по одной, пожалуйста.

Макдугал сказал:

— Записать за вами, сэр?

— Да, если нетрудно.

Позже Джок рассказывал в баре:

— А я выставил Бивера на рюмку коньяку.

— Вот уж, наверное, горевал.

— Чуть не лопнул с досады. В чушках что-нибудь понимаете?

— Нет. А вам зачем?

— Да мой округ засыпает запросами.

Бивер спустился вниз, но, перед тем как пойти в столовую, велел швейцару позвонить домой и узнать, что нового.

— Несколько минут назад звонила леди Типпинг, спрашивала, не можете ли вы у нее сегодня отобедать.

— Позвоните, пожалуйста, леди Типпинг и передайте, что я с огромным удовольствием у нее отобедаю, но, возможно, на несколько минут опоздаю.

Чуть позже половины второго Бивер покинул Брэтт-клуб и быстрым шагом направился к Хилл-стрит.

ГЛАВА ВТОРАЯ АНГЛИЙСКАЯ ГОТИКА I

Между деревнями Хеттон и Комптон-Ласт раскинулся обширный парк

Хеттонского аббатства. В прошлом одно из самых замечательных зданий

графства, аббатство было полностью перестроено в 1864 году в

готическом стиле и в настоящее время никакого интереса не

представляет. Парк открыт для посетителей ежедневно до заката солнца,

для осмотра дома требуется предварительно испросить разрешение в

письменной форме. Есть несколько хороших картин и мебель. С террасы

открывается прекрасный вид.

Этот отрывок из путеводителя по графству не слишком огорчал Тони Ласта. Ему доводилось слышать и более неприятные отзывы. Его тетка Фрэнсис, озлобленная неукоснительной строгости воспитанием, заметила как-то, что план дома, должно быть, создан мистером Пексниффом по чертежам сиротского приюта, разработанного одним из учеников. Но каждый глазированный кирпич и разноцветный изразец был дорог сердцу Тони. Управлять таким домом было нелегко, это он знал, но разве бывают большие дома, которыми легко управлять? Дом не вполне отвечал современным представлениям о комфорте; но Тони наметил множество маленьких усовершенствований, которые осуществит, как только выплатит налог на наследство.

Однако сам вид и дух Хеттона — очертания зубчатых стен на фоне неба, главная часовая башня с курантами, которые каждые четверть часа не будили разве что самых крепких сонь; огромная зала с колоннами шлифованного гранита и обвитыми лозой капителями,

поддерживавшими крестовые своды потолка, расписанного красными и золотыми ромбами, церковный мрак которой днем не мог рассеять скудный свет, проникавший сквозь украшенные гербами стрельчатые витражи, а вечерами — огромная газовая люстра из меди и сварочного железа, переделанная на электрическую, с двадцатью лампочками вместо рожков; вихри горячего воздуха, вырывающиеся из допотопного нагревательного аппарата через чугунные решетки в форме трехлистников и внезапно охватывающие ноги; подвальный холод далеких коридоров, где он в целях экономии кокса приказал отключить отопление; трапезная с деревянными стропилами кровли и хорами из смолистой сосны; спальни с медными кроватями и фризами с готическим текстом, названные в честь Мэлори, Изойды, Элейн, Мордред, Мерлина, Гавейна и Бедивера, Ланселота, Персиваля, Тристрама, Галахада,^[3] его туалетная — Морган ле Фэй, Гиневра — Бренды, где кровать стоит на возвышении, стены увешаны гобеленами, камин похож на гробницу тринадцатого столетия, а из эркерного окна в ясные дни видны шпили шести церквей, — Тони вырос среди этих вещей, и они были для него постоянным источником восторга и восхищения, будили в нем нежные воспоминания и горделивые чувства собственника.

Готика была теперь не в моде, это Тони понимал. Двадцать лет назад сходили с ума по средневековым домишкам и оловянной утвари, теперь пришел черед урн и колоннад, но настанет час, возможно, в дни Джона Эндрю, когда общественное мнение вернет Хеттону подобающее место. Его уже называли занятым, и очень вежливый молодой человек попросил разрешения сфотографировать его для архитектурного обозрения.

Потолок в Моргане ле Фэй нуждался в ремонте. Чтобы придать ему вид кессона, на штукатурку крест-накрест набили формованные перекладыны. Они были расписаны сине-золотым орнаментом. Клетки между ними поочередно заполняли тюдоровские розы и геральдические лилии. Но один угол потек, и позолота там потемнела, а краска облупилась; в другом деревянные дранки покоробились и торчали из штукатурки. Десять минут, отделявших пробуждение от того момента, когда он протягивал руку к звонку, Тони посвящал серьезным размышлениям, лежа в постели, он изучал эти изъяны, снова и снова обдумывая, как их устранить. И задавался вопросом,

сможет ли он найти мастеров, способных выполнить такую тонкую работу.

Моргана ле Фэй стала его комнатой с тех пор, как он перешел из детской. Его поместили тут, потому что отсюда ему было удобно звать родителей (неразлучных в Гиневре), так как он очень долго был подвержен ночным кошмарам. С тех пор как он поселился в этой комнате, он ничего не выбрасывал из нее и с каждым годом что-нибудь добавлял, так что тут образовался своего рода музей, где были представлены все периоды его развития — изображение дредноута, извергающего дым и пламя из всех пушек (цветное приложение к «Чамз»^[4] в рамке), групповая фотография (с соучениками по частной школе), горка под названием «Хранилище», набитая плодами множества случайных увлечений: яйцами, окаменелостями, монетами; портрет родителей в кожаном диптихе, стоявший у его изголовья в школе; фотография Бренды восьмилетней давности, снятая в ту пору, когда он ухаживал за ней; Бренда с Джоном на руках после крещения; гравюра Хеттона, каким он был до того, как его снес прадед Тони; несколько полок с книгами: «Бевис»,^[5] «Работа по дереву в домашних условиях», «Фокусы для всех». «Малые гости»,^[6] «Что нужно знать о законах землевладельцу и арендатору», «Прощай, оружие».

По всей Англии люди просыпались, подавленные и озабоченные. Тони блаженно возлежал десять минут, размышляя, как он обновит потолок. Затем потянулся к звонку.

— Ее милость звонила?

— Да, сэр, четверть часа назад.

— В таком случае я буду завтракать у нее в комнате. Тони надел халат и шлепанцы и прошел в Гиневру. Бренда лежала на возвышении. Она потребовала для себя современной кровати. Около нее стоял поднос, на одеяле валялись конверты, письма и газеты. Под головой у нее была крошечная подушечка, ее ненакрашенное лицо казалось почти бесцветным, перламутрово-розовым, лишь немного более глубоким по тону, чем шея и руки.

— Ну как? — сказал Тони.

— Целуй.

Он сел рядом с подносом, у изголовья, она наклонилась к нему (нереида, вынырывающая из бездонной глубины прозрачных вод). Она не

подставила губ, а потерлась щекой о его щеку, как кошка. Такая у нее была манера.

— Что-нибудь интересное? Он взял несколько писем.

— Ничего. Мама просит няню прислать мерку Джона. Она ему что-то вяжет к рождеству. Мэр просит меня что-то там открыть в следующем месяце. Можно, я не буду, ну пожалуйста?

— Нет, по-видимому, придется согласиться: мы давно для него ничего не делали.

— Ладно, только речь напишешь сам. Я уже состарилась для той девической, которая у меня была на все случаи жизни. Еще Анджела спрашивает, не хотим ли мы приехать к ней на Новый год.

— Тут ответить просто: ни за что на свете.

— Я так и думала... хотя, похоже, у нее будет забавно.

— Если хочешь, поезжай, а я никак не смогу вырваться.

— Все в порядке. Я знала, что ты откажешь, еще до того, как вскрыла письмо.

— Не понимаю, что за радость тащиться в Йоркшир посреди зимы...

— Милый, не злись. Я знаю, мы не едем. Я ничего не говорю. Просто мне казалось, что было б занятно для разнообразия посидеть на чужих хлебах.

Горничная Бренды принесла второй поднос. Тони велел поставить его на подоконник, и стал вскрывать письма. Он выпянул в окно. В это утро были видны только четыре шпиля из шести.

— Кстати, я, наверное, смогу вырваться в этот уикенд, — вдруг сказал он.

— Милый, это не слишком большая жертва?

— Пожалуй, нет.

Пока он завтракал, Бренда читала ему газеты.

— Реджи опять произнес речь... Вот потрясающая фотография Бейб и Джока... Женщина в Америке родила близнецов от двух разных мужей. Как, по-твоему, это возможно? Еще два парня отравились газом... девочку удавили на кладбище шнурком... пьеса, которую мы с тобой видели, та, о ферме, сходит со сцены...

Потом она ему читала роман с продолжением. Он закурил трубку.

— Я вижу, ты не слушаешь. Отвечай: почему Сильвия не хочет, чтобы Руперт получил это письмо?

— А? Что? Видишь ли, она на самом деле не доверяет Руперту.

— Так я и знала. Там нет никакого Руперта. Никогда больше не стану тебе читать.

— По правде говоря, я задумался.

— Вот как?

— Я думал, как замечательно, что сегодня суббота и к нам никто не придет.

— Ты так думаешь?

— А ты?

— Знаешь, мне иногда кажется бессмысленным содержать такой огромный дом, если не приглашать время от времени гостей.

— Бессмысленным? Не понимаю, о чем ты. Я соержу этот дом вовсе не для того, чтобы сюда приезжали разные зануды перемывать друг другу косточки. Мы всегда тут жили, и я надеюсь, что после моей смерти Джону Эндрю удастся сохранить дом. В конце концов у меня определенные обязательства и перед служащими и перед самим Хеттоном... Поместья составляют неотъемлемую часть английского образа жизни, и мы нанесли бы непоправимый урон... — тут Тони осекся и посмотрел на кровать. Бренда зарылась лицом в подушку, и теперь из-под простынь выглядывала только ее макушка.

— О господи, — сказала она. — За что?

— Кажется, я опять ударился в пафос? Она повернулась на бок, так что из-под одеяла показались только один глаз и нос.

— Ох нет, милый. Это даже не пафос. Это бог знает что такое.

— Извини. Бренда села:

— Ну не сердись. Я не то хотела сказать. Я тоже рада, что никто не придет.

(За семь лет супружеской жизни такие сценки случались нередко.)

Стояла мягкая английская погода; туман в лощинах и бледное солнце на холмах; заросли высохли — безлистые ветки не удержали недавнего дождя, зато подлесок, влажный и темный в тени, сверкал и переливался там, где на него падало солнце; лужайки под ногами чавкали, по канавам бежала вода.

Джон Эндрю сидел на своем пони торжественно и прямо, как телохранитель, пока Бен ставил препятствие. Громобоя он получил в подарок от дяди Реджи в день своего шестилетия. После долгих совещаний Джон сам выбрал имя для пони. Первоначально пони звали Кристабель, но Бен сказал, что это имя подходит скорее для собаки, чем для пони. Бен знал когда-то чалого по кличке Громобой, который убил двух всадников и четыре года кряду побеждал в местных скачках с препятствиями. Отличный был конек, рассказывал Бен, пока на охоте не пропорол себе брюхо и его не пришлось пристрелить. Бен знал множество историй о разных лошадях. На одном коне, по кличке Нуль он как-то раз в Честере выиграл пять монет при ставке десять к трем. А еще он во время войны видел мула по кличке Одуванчик, который сдох оттого, что выпил запас рома на всю роту. Но Джон не хотел давать своему пони кличку какого-то пропойцы мула. Так что в конце концов, несмотря на миролюбивый нрав пони, они остановились на Громобое.

Это был темно-гнедой пони с длинным хвостом и гривой. Ноги ему Бен оставил лохматыми. Он щипал траву, невзирая на попытки Джона поднять ему голову. До Громобоя уроки верховой езды проходили совсем по-другому. Джон трусил по загону на шетлендском пони по кличке Кролик, а няня, пыхтя, тащила рядом, вцепившись в уздечку. Теперь он ездил как настоящий мужчина. Няня усаживалась на складном стульчике с вязаньем в руках вне пределов слышимости. Бен соответственно получил повышение. Из рабочего на ферме он прямо на глазах преобразился в конюшего. Шейный платок он заменил галстуком, который закалывал булавкой в форме лисьей головы. Бен был человек бывалый, он много чего повидал на своем веку.

Ни Тони, ни Бренда не охотились, но им очень хотелось приучить к охоте Джона. Бен предвидел время, когда конюшни заполнятся лошадьми, а управляющим назначат его; непохоже, чтоб мистер Ласт взял на такое место чужака.

Бен раздобыл два шеста с просверленными дырками и побеленную жердь и соорудил с их помощью посреди поля препятствие вышиной в два фута.

— Теперь полегонечку! Давай галопом и помедленней, а когда она снимется, пригнись — и перелетишь, как птичка. Держи ей

голову на препятствие.

Громобой прорысил вперед, прошел два шага легким галопом, но перед самым препятствием сбавил шаг и, снова перейдя на рысь, обогнул его. Джон удержался в седле, бросив повод и обеими руками вцепившись в гриву; он виновато посмотрел на Бена, тот закричал: «На кой черт тебе ноги дадены, а? Вот, держи, хлестнешь ее, когда до дела дойдет». И передал Джояу хлыст.

У ворот няня перечитывала письмо от сестры.

Джон отвел Громобоя назад и снова попытался взять препятствие. На этот раз они пошли прямо на жердь.

Бен крикнул: «Ноги!», Джон ударил пятками и потерял стремяна. Бен воздел руки к небу, словно ворон пугал. Громобой прыгнул, Джон вылетел из седла и шлепнулся на траву.

Няня в ужасе вскочила.

— Что случилось, мистер Хэккет? Он убится?

— Ничего ему не будет, — сказал Бен.

— Ничего, мне не будет, — сказал Джон. — Громобой, по-моему, споткнулся.

— Еще чего, споткнулся. Просто ты распустил ноги, ядри их в корень, и сел на жопу. В другой раз не бросай повод. Так ты всю охоту загубишь.

С третьей попытки Джон взял препятствие и, взволнованный и дрожащий, потеряв стремя и вцепившись, как прежде, одной рукой в гриву, обнаружил, что усидел в седле.

— Ну, каково? Перелетел что твоя ласточка. Повторим?

Еще дважды Джон с Громобоем перепрыгивали через жердь, а потом няня велела идти домой пить молоко. Они отвели пони в конюшню. Няня сказала:

— О господи, курточку-то как измазал. Бен сказал:

— Ты у меня вскорости на скачках призы будешь брать.

— Всего вам хорошего, мистер Хэккет.

— И вам, миссис.

— До свиданья, Бен. Можно, я вечером приду на ферму, посмотрю, как ты чистишь лошадей?

— Не мне решать. У няни спроси. Но знаешь что: у серой ломовой глисты завелись. Хочешь посмотреть, как я лекарство ей даю?

— Очень хочу. Нянь, можно я пойду, ну можно?

— Спроси у мамы. А теперь идем, хватит с тебя на сегодня лошадей.

— Не хватит, — сказал Джон, — совсем не хватит.

Дорогой он спросил:

— А можно, я буду пить молоко у мамы в комнате?

— Посмотрим.

Няня всегда давала уклончивые ответы вроде: «Поживем — увидим», «Это еще что за вопрос?», «Подрастешь — узнаешь», резко отличавшиеся от решительных и грубоватых суждений Бена.

— А что смотреть?

— Мало ли что...

— Ну, например?

— Например, посмотрим, будешь ты задавать глупые вопросы или нет.

— Глупая потаскуха, старая потаскуха.

— Джон! Как ты смеешь? Это еще что такое?

Вдохновленный успехом своей вылазки, Джон вырвался у няни из рук, пустился перед ней в пляс, распевая: «Старая потаскуха, глупая потаскуха», и таким манером дошел до боковых дверей. Когда они поднялись на порог, няня молча сняла с него гамаши; ее мрачный вид несколько отрезвил Джона.

— Ступай прямо в детскую, — сказала няня. — А я поговорю о твоём поведении с мамой.

— Няня, прости меня. Я не знаю, что это значит, но я не хотел это сказать.

— Ступай прямо в детскую.

Бренда наводила красоту.

— С тех пор, как Бен Хэкет стал его учить ездить верхом, ваша милость, с ним просто сладу нет.

Бренда плюнула в тушь.

— И все же, няня, что именно он сказал?

— Ой, да мне и выговорить стыдно, ваша милость.

— Чепуха, говорите. Иначе я могу подумать, что он сказал что-нибудь похуже.

— Уж хуже некуда... он назвал меня старой потаскухой, ваша милость.

Бренда поперхнулась в полотенце.

— Он вас так назвал?

— И не раз. Он выплясывал передо мной до самого дома и распевал во весь голос.

— Понятно... Что ж, вы совершенно правильно сделали, сказав мне об этом.

— Благодарю вас, ваша милость, но раз уж зашел разговор, я вам скажу, что, по моему разумению, Бен Хэкет очень уж торопится с этой ездой. Так недалеко и до беды. Сегодня утром мальчик упал с лошади и чуть не убили.

— Хорошо, няня. Я поговорю с мистером Ластом. Она поговорила с Тони. Оба хохотали до упаду.

— Милый, — сказала она, — поговорить с ним надо тебе. Ты в серьезном жанре выступаешь куда лучше.

— А я считал, что «потаскуха» очень хорошее слово, — возражал Джон, — и потом Бен всех так называет.

— И напрасно.

— А я больше всех на свете люблю Бена. А он всех вас умнее.

— Ты же понимаешь, что не можешь любить его больше мамы.

— Все равно люблю больше. Куда больше.

Тони почувствовал, что пора прекратить пререкания и приступить к заранее приготовленной проповеди.

— Послушай, Джон. Ты поступил очень плохо, назвав няню старой потаскухой. Во-первых, ты ее обидел. Вспомни, сколько она для тебя каждый день делает.

— Ей за это платят.

— Помолчи. И, во-вторых, люди твоих лет и твоего положения в обществе не употребляют таких слов. Люди бедные употребляют известные выражения, которые не подобают джентльменам. Ты джентльмен. Когда ты вырастешь, этот дом и много других вещей станут принадлежать тебе. И ты должен научиться разговаривать как будущий владелец всего этого, научиться быть внимательным к тем, кто не так счастлив, как ты, и в особенности к женщинам. Ты меня понял?

— А разве Бен не такой счастливый, как я?

— Это к делу не относится. А теперь иди наверх, извинись перед няней и пообещай никого так не называть.

— Ладно.

— И раз ты сегодня так скверно себя вел, я не разрешаю — тебе завтра кататься верхом.

— Завтра воскресенье.

— Ладно, тогда послезавтра.

— Ты сказал «завтра», так нечестно.

— Джон, не препирайся. Если ты не возьмешься за ум, я отошлю Громобоя дяде Реджи и скажу ему, что не считаю возможным оставлять пони такому нехорошему мальчику. Тебе бы это было неприятно, верно?

— А зачем дяде Реджи пони? Он на нем не сможет ездить, он слишком тяжелый. И потом он всегда за границей.

— Он ее отдаст другому мальчику, и вообще это не относится к делу. А теперь беги, попроси у няни прощения.

Уже в дверях Джон сказал:

— Так мне можно кататься в понедельник? Ты же сказал «завтра».

— Да, видимо, так.

— Ура! Громобой сегодня прекрасно шел. Мы прыгнули высоко-высоко. Он сначала закинулся, а потом перелетел, как птичка.

— И ты не упал?

— Ага, один раз. Но Громобой тут ни при чем. Просто я распустил ноги, ядри их в корень, и сел на жопу,

— Ну как твоя лекция? — спросила Бренда.

— Ужасно, просто ужасно.

— Беда в том, что няня ревнует к Бену.

— Боюсь, и мы станем к нему ревновать в самом скором времени.

Они обедали за маленьким круглым столиком, стоявшим посреди огромной столовой. Обеспечить ровную температуру в этой комнате оказалось делом невозможным: даже когда один бок поджаривался в непосредственной близости к камину, другой леденили десятки перекрестных сквозняков. Бренда поставила множество опытов с ширмами и переносным электрорадиатором, но особых успехов не достигла. Даже сегодня, когда повсюду было тепло, в столовой стоял пронизывающий холод.

Хотя Тони и Бренда отличались прекрасным здоровьем и нормальным телосложением, они сидели на диете. Это сообщало некоторую пикантность их трапезам и спасало от двух варварских

крайностей, грозящих одиноким едокам, — всепоглощающего обжорства и бессистемного чередования яичниц и бутербродов с непрожаренным мясом.

Сейчас они придерживались системы, которая исключала сочетание протеина и крахмала в одной трапезе. Они завели себе каталог, в котором было обозначено, какие продукты содержат протеин и какие крахмал; в большинство нормальных блюд входило и то и другое, так что Тони и Бренда немало забавлялись, выбирая меню. Обычно кончалось тем, что они заказывали какое-то блюдо «в порядке исключения».

— Я убежден, что оно мне очень полезно.

— Да, милый, а когда нам это прискучит, мы сможем перейти на алфавитную диету и каждый день есть продукты, начинающиеся на другую букву. На «з» мы здорово наголодаемся: весь день ничего, кроме заливных угрей и земляничного желе... Ты что собираешься делать днем?

— Ничего особенного. В пять придет Картер просмотреть еще раз счета. А после обеда я, может, съезжу в Пигстэнтон. Похоже, у нас арендуют лоуотеровскую ферму, она долго пустовала, и мне надо посмотреть, какие там нужны переделки.

— А я б не отказалась от киношки.

— Идет. Лоуотер вполне подождет до понедельника.

— А потом мы можем зайти к Вулворту, ну как? Так что, принимая во внимание милую обходительность Бренды и здравый смысл Тони, не приходится удивляться, что друзья считали их примерной парой, весьма успешно разрешившей проблему совместного существования. Пуддинг без протеина оказался неаппетитным. Пять минут спустя принесли телеграмму. Тони вскрыл ее и сказал:

— Вот чертовщина.

— Гадости?

— Гораздо хуже. Вот погляди.

Бренда прочла: «Приезжаю три восемнадцать нетерпением жду встречи. Бивер».

— Кто такой Бивер? — спросила она.

— Один молодой человек.

— А что, звучит заманчиво.

— Вот уж нет. Посмотрим, что ты скажешь, когда увидишь его.

— А зачем он к нам приезжает? Ты его приглашал?

— Наверное, приглашал, но вполне неопределенно. Я зашел как-то вечером к Брэтту, кроме него, там никого не оказалось, мы с ним выпили, и он вроде сказал, что хотел бы посмотреть наш дом...

— Ты, наверное, был пьян.

— Не очень, и потом я никак не предполагал, что он мне это припомнит.

— Ну и поделом тебе. Вот что получается, когда ты уезжаешь по делам в Лондон, а меня оставляешь одну. Но кто он такой все-таки?

— Просто молодой человек. У его матери еще эта лавка.

— Я была с ней когда-то знакома. Она гнусная баба. Кстати, помнится, мы ей должны деньги.

— Слушай, давай сразу же позвоним ему и скажем, что мы заболели.

— Поздно, он уже давно в поезде и поедает железнодорожный завтрак, без удержу смешивая крахмал и протеин за свои три шиллинга шесть пенсов... Его можно сунуть в Галахада. Еще не было случая, чтобы гость провел там ночь и приехал снова: видно, тамошнюю кровать никто не выдерживает.

— И все-таки что мы будем с ним делать?

— Ты поезжай в Пигстэнтон. А я займусь им. В одиночку это проще. Вечером его можно довести в кино, а завтра ты покажешь ему дом. Если нам повезет, он уедет вечерним поездом. Ему надо на работу в понедельник утром?

— Понятия не имею.

3.18 — далеко не самый удобный поезд. Приезжаешь без четверти четыре, и если ты, как Бивер, не свой человек в доме, не знаешь, куда девать время до чая; однако в отсутствие стеснявшего ее Тони Бренда справлялась со своими обязанностями не без грации, а Бивера настолько редко принимали радушно, что он не заметил некоторой сдержанности встречи.

Она ждала его в комнате, по старой памяти называвшейся курительной; это было, пожалуй, наименее мрачное место в доме. «Как мило, что вы к нам выбрались. Я должна вас с ходу предупредить, что вы наш единственный гость. Боюсь, вам у нас будет скучно... Тони пришлось уехать по делам, но он скоро вернется...

Поезд был переполнен? По субботам всегда так... Не хотите выйти на воздух? Скоро стемнеет, так что давайте ловить солнце, пока не поздно...» и так далее. При Тони ей было б куда труднее — она, перехватила бы его взгляд, и все ее манеры хозяйки замка дошли бы насмарку. Бивер умел поддерживать разговор, так что они вышли через французские окна на террасу, спустились в голландский садик, обогнули оранжерею и вернулись в дом, не испытав и минутной неловкости. Бренда вдруг услышала, как она рассказывает Бивсу, что его мать одна из ее стариннейших приятельниц.

Тони успел к чаю. Он извинился, что не смог встретить гостя, и почти сразу же удалился в кабинет совещаться с управляющим. Бренда расспрашивала Бивера о Лондоне и о том, какие за последнее время состоялись приемы. Бивер проявил невероятную осведомленность.

— Полли Кокперс скоро дает прием.

— Да, я знаю.

— Вы приедете?

— Скорее всего нет. Мы последнее время никуда не выезжаем.

Шутки, обошедшие за последние шесть недель весь город, имели для Бренды прелесть новизны, повторение придавало им отточенность, и Бивер смог преподнести их довольно эффектно. Он рассказал Бренде о многочисленных переменах в личной жизни ее друзей.

— А что у Мэри с Саймоном?

— Неужели не знаете? Полный разрыв.

— И давно?

— Началось это еще детом, в Австрии...

— А Билли Ангмеринг?

— Пустился в жуткий загул с девицей по имени Шила Шрабб.

— А что слышно у Хелм-Хаббардов?

— У них тоже не ладится... Дейзи открыла новый ресторан. Он пользуется успехом... Еще появился новый ночной клуб под названием «Садок»...

— О господи, — сказала Бренда в заключение. — Живут же люди!

После чая появился Джон Эндрю и тут же завладел разговорен.

— Здравствуйте, — сказал он. — Я не знал, что вы приедете. Папа сказал: как хорошо раз в кои-то веки провести воскресенье без гостей. Вы охотитесь?

— Давно не охотился.

— Бен говорит, что все, кому позволяют средства, должны охотиться для блага страны.

— Наверное, мне средства не позволяют.

— А вы бедный?

— Ради бога, мистер Бивер, не разрешайте ему вам докучать.

— Да, очень бедный.

— Такой бедный, что можете называть всех потаскухами?

— Да, такой.

— А как вам удалось стать таким бедным?

— Я всегда был бедным.

— А! — Джон потерял интерес к теме. — А у серой ломовой на ферме глисты.

— Откуда ты знаешь?

— Бен сказал. А потом, это по навозу видать.

— Боже мой, — сказала Бренда, — что бы сказала няня, если б тебя слышала?

— А сколько вам лет?

— Двадцать пять. А тебе?

— А чем вы занимаетесь?

— Ничем особенным,

— На вашем месте я бы чем-нибудь занялся, чтоб — заработать деньги. Тогда бы вы могли охотиться.

— Но тогда я не мог бы называть всех потаскухами.

— В этом все равно проку нет.

(Позже, за ужином в детской, Джон сказал:

— По-моему, мистер Бивер ужасно глупый, а по-твоему?

— Откуда мне знать? — сказала няня.

— По-моему, из всех, кто к нам приезжал, он самый глупый.

— Гостей хулить — Бога гневить.

— Все равно в нем ничего хорошего нет. У него глупый голос и глупые глаза, глупый нос и глупая голова, — Джон как литургию пел, — глупые ноги и глупое лицо, глупые руки и глупое пальто...

— А теперь кончай ужинать, — сказала няня.)

В этот вечер, перед ужином, Тони подошел к Бренде, которая сидела у туалетного столика, и, склонившись над ее плечом, скорчил в зеркале рожу.

— Я страшно виноват перед тобой — кинул на тебя Бивера и удрал. Ты была с ним ужасно мила. Она сказала:

— Это было не так уж тяжело. Он довольно забавный. А в это время в конце коридора Бивер обследовал свою комнату со всей основательностью многоопытного гостя. Настольная лампа отсутствовала. Чернила в чернильнице пересохли. Огонь в камине давно потух. Ванная, как он уже отметил, была черте те где, в башенке, куда надо карабкаться по узкой лестнице. Кровать ему не понравилась — ни на вид, ни на ошупь; когда он для пробы прилег, пружинный матрас, продавленный посередине, угрожающе задрезжал. Обратный билет в третьем классе стоит восемнадцать шиллингов. А еще чаевые надо давать.

Тони чувствовал свою вину перед Бивером, и поэтому к обеду было подано шампанское, которого ни он, ни Бренда не любили. Не любил его, как оказалось, и Бивер, но тем не менее он был польщен. Шампанское перелили в высокий кувшин и передавали по кругу как символ гостеприимства. После того они отправились в Пигстэнтонский кинотеатр, где шел фильм, который Бивер видел несколько месяцев тому назад. По возвращении их ждал в курительной поднос с грогом и сандвичами. Они поболтали о фильме, и Бивер утаил, что смотрел его во второй раз Тони проводил Бивера до дверей сэра Галахада.

— Надеюсь, вам здесь будет хорошо спаться.

— Нисколько не сомневаюсь.

— Вас утром разбудить? Как вы привыкли?

— Удобно будет, если я позвоню?

— Разумеется у вас есть все, что нужно?

— Да, благодарю вас Спокойной ночи.

— Спокойной ночи,

Однако, вернувшись в курительную, Тони сказал:

— Знаешь, меня совесть мучит из-за Бивера.

— Брось, с Бивером полный порядок, — сказала Бренда. Однако Бивер в данный момент чувствовал себя неуютно, он ворочался на постели, терпеливо пытаясь найти положение, в котором смог бы заснуть, и думал, что раз он не собирается сюда больше приезжать, он ничего не даст дворецкому и только пять Шиллингов приставленному к нему лакею. В конце концов ему удалось приладиться к

пересеченному ландшафту матраса, и он заснул прерывистым, беспокойным сном до утра. Однако новый день начался с неприятного сообщения, что все воскресные газеты уже отнесли в комнату ее милости.

По воскресеньям Тони неизменно облачался в темный костюм и белый крахмальный воротничок. Он шел в церковь, садился на большую сосновую скамью, поставленную сюда еще его прадедом в ту пору, когда он перестраивал Хеттон, и «снабженную высокими алыми подушками для коленопреклонений» Каминном с причитающейся ему чугунной решеткой и маленькой кочергой, которой отец Тони, бывало, громыхал, когда какое-нибудь место в проповеди вызывало его неодобрение. После смерти отца Огня в камине не разводили, но Тони намеревался возродить к следующей зиме этот обычай. На рождество и на благодарственной молебне в честь жатвы Тони читал тексты из священного писания с аналоя, украшенного медным орлом. После службы он любил еще несколько минут постоять на паперти с сестрой викария и кое с кем из деревенских. Потом возвращался через поля тропкой, ведущей к боковому входу в альпийский садик.

Он наведывался а оранжереи, выбирал себе бутоньерку, останавливался у садовничьих домиков поболтать (из дверей его обдавало теплыми, все забивающими запахами воскресных обедов) и в завершение выпивал в библиотеке стакан хереса. Таков был простои, но не слишком строгий обряд его воскресного утра, который сложился более или менее стихийно на базе куда более суровых обычаев его родителей; Тони придерживался его с огромным удовольствием. Если Бренда ловила его на том, что он изображает честного богобоязненного джентльмена старой школы, она смеялась над ним, и Тони не обижался, но это отнюдь не умаляло радости, которую ему доставлял еженедельный ритуал, или неудовольствия, когда присутствие гостей нарушало его привычки.

Вот почему сердце у него оборвалось, когда, выйдя в четверть одиннадцатого из кабинета в залу, он застал там Бивера; тот был одет и явно ожидал, когда его начнут развлекать; огорчение Тони, правда, было недолгим, ибо, приветствуя гостя, он заметил, что тот изучает железнодорожное расписание.

— Надеюсь, вам хорошо спалось?

— Великолепно, — сказал Бивер, хотя его бледный вид свидетельствовал об обратном.

— Очень рад. Я и сам здесь всегда хорошо сплю. Но что это? Вы смотрите расписание? Уж не собираетесь ли вы нас покинуть?

— Увы, мне придется уехать сегодня вечером.

— Как неудачно. Я вас почти не видел. К тому же по воскресеньям плохо с поездами. Самый удобный отправляется в пять сорок пять и прибывает в девять. Он идет со всеми остановками, и в нем нет вагона-ресторана

— Мне он подойдет.

— Вы никак не сможете остаться до завтра?

— Никак.

До парка разносился звон церковных колоколов.

— Что ж, мне пора в церковь. Полагаю, вы вряд ли захотите ко мне присоединиться?

Бивер в гостях всегда старался угодить хозяевам, даже если визит оказывался таким безотрадным, как этот.

— Что вы, с превеликим удовольствием.

— Нет, правда, я бы на вашем месте ни за что не пошел. Что вам за радость. Я и сам иду более ли менее по необходимости. Оставайтесь здесь Сейчас спустится Бренда. Когда захотите выпить — позвоните.

— Что ж, не стану возражать.

— Тогда до скорого свидания.

Взяв в прихожей шляпу и палку. Тони вышел из дому.

«Ну вот, я снова был нелюбезен с этим молодым человеком», — подумал он.

В подъездной аллее звонко и призывно звучали колокола, и Тони поспешил на зов. Вскоре звон прекратился, раздался один удар, предупреждающий деревню, что через пять минут органист начнет первый гимн. Тони нагнал няню с Джоном, они тоже шли в церковь. Джон был сегодня на редкость доверителен, он сунул Тони маленькую ручку в перчатке и без лишних слов приступил к рассказу, которого ему хватило до самых церковных дверей: это была история мула Одуванчика, который выпил весь ротный запас рома под Ипром в 1917 году; рассказывал он не переводя духа, потому что бежал вприпрыжку

рядом с отцом, стараясь не отстать. Когда рассказ кончился, Тони сказал:

— Какая грустная история.

— Вот и я так думал, но на самом деле совсем наоборот. Бен говорит, у него были смеху полные штаны.

Колокол замолк, органист из-за занавески следил, когда появится Тони. Тони прошел по проходу вперед к своей скамье, няня и Джон следовали за ним. Он сел в кресло; они расположились на лавочке за его спиной. Он на полминуты склонил голову на руки; когда он откинулся назад, органист взял первые такты гимна: «Не входи в суд с рабом твоим, о господи!» Служба пошла своим чередом. И, вдыхая приятный, слегка отдающий плесенью запах, привычно садясь, вставая и кланяясь, Тони витал мыслями где-то далеко, с событиями прошлой недели перескакивая на будущие планы. Временами какая-нибудь примечательная фраза в литургии возвращала его к действительности, но в основном в это утро его занимал вопрос о ваннах и уборных: сколько их еще можно встроить, не нарушая общего стиля дома.

Деревенский почтальон подошел с кружкой для пожертвований. Тони бросил заранее заготовленные полкроны, Джон и няня свои пенни.

Викарий с трудом взобрался на кафедру. Это был пожилой человек, почти всю жизнь прослуживший в Индии. Отец Тони дал ему приход по просьбе своего зубного врача. Викарий обладал благородным, звучным голосом и считался лучшим проповедником на много миль в округе.

Проповеди, созданные им в расцвете сил, первоначально предназначались для гарнизонной часовни; он никак не пытался приспособить их для новой паствы, и они по большей части заканчивались обращением к далеким очагам и далеким семьям. Прихожане этому нисколько не удивлялись. Немногое из того, о чем говорилось в церкви, имело, как они замечали, отношение к их жизни. Они очень любили проповеди своего викария и знали, что, когда викарий заводит речь о далеким очагах, пора отряхивать пыль с колен и искать зонтики.

— «...И вот теперь, в этот торжественнейший час недели нашей, когда мы стоим здесь, обнажив головы, — читал он, изо всех сил

напрягая свой мощный стариковский голос перед концовкой, — вспомним милостивую государыню нашу королеву,^[7] чью службу мы несем здесь, и помолим господу о том, чтоб минула ее чаша сия и не пришлось бы ей посылать нас во исполнение долга нашего в отдаленнейшие уголки земли, подумаем об очагах, ради нее оставленных, и о далеких семьях наших и вспомним о том, что хотя между нами и лежат пустыни и океаны, никогда мы не бываем к ним так близки, как поутру в воскресенье, когда, несмотря на разделяющие нас пески и горы, мы едины в преданности властительнице нашей в общем молебствовании о ее благоденствии; мы гордые подданные ее скипетра и короны».

(«Преподобный Тендрил ужас как уважает королеву», — сказала как-то Тони жена садовника.)

Хор стал во фронт, спел последний гимн, паства с минуту постояла молча, склонив головы, и потянулась к дверям. Прихожане не здоровались, пока не высыпали на кладбище, и только там приветствовали друг друга — участливо, сердечно, словоохотливо.

Тони поговорил с женой ветеринара и с мистером Партриджем из лавки, затем к нему подошел викарий.

— Леди Бренда, надеюсь, не заболела?

— Ничего серьезного, легкое недомогание, — Тони неизменно отвечал так, когда появлялся в церкви без Бренды. — Очень интересная проповедь, викарий.

— Рад, что она вам понравилась, мой дорогой мальчик. Это одна из моих любимых. Неужели вы никогда раньше ее не слышали?

— Нет. Уверяю вас.

— Да, последнее время я ее здесь не читал. Но когда меня приглашают замещать, я неизменно останавливаю свой выбор на ней. Сейчас справлюсь — у меня отмечено, когда я ее произносил, — и старик открыл большую рукописную книгу, которую нес под мышкой. Черный переплет ее обветшал, а страницы пожелтели от старости. — Так, так, вот она здесь. Первый раз я ее читал в Джелалабаде, когда туда прибыли кольдстримские гвардейцы,^[8] потом в Красном море, когда в четвертый раз возвращался с побывки, потом в Сндмуте, Ментоне, Уинчестере, на летнем слете вожаков герл-скаутов в 1921 году... В гильдии церковных актеров в Лестере... Дважды зимой 1926 года в Борнмуте, когда бедная Ада так болела... — Да, пожалуй, я не

читал ее здесь с 1911 года, а вы тогда были слишком малы, чтобы ее оценить.

Сестра викария завязала с Джоном беседу. Он рассказывал ей про мула Одуванчика.«...Бен говорит, он бы оклемался, если б мог блевать, только мулы не могут блевать, и лошади не могут...»

Няня схватила его за руку и потащила к дому.

— Сколько раз я тебе говорила, чтоб ты не смел повторять, что говорит Бен Хаккет! Мисс Тендрил неинтересно про Одуванчика. И чтоб я больше от тебя не слышала такого слова — «блевать».

— Это же значит, что его тошнило...

— Мисс Тендрил неинтересно знать, как кого тошнило. Когда группки между папертью и кладбищенскими воротами стали распадаться, Тони направился в сад. В оранжереях был сегодня богатый ассортимент бутоньерок, он выбрал лимонно-желтые гвоздики с алыми кружевными краями для себя и Бивера и камелию для жены.

Лучи ноябрьского солнца, проникая через стрельчатые и круглые витражи, окрашивались расписными гербами в зелень, золото, червлень и лазурь, дробились освинцованными эмблемами на бесчисленные цветные пятна и точки. Бренда ступенька за ступенькой спускалась по плавной лестнице, попадая то в сумрак, то в радужное сияние. Обеими руками она прижимала к груди сумочку, шляпку, незаконченную вышивку по канве и растрепанную кипу воскресных газет; из-за всего этого словно из-за чадры выглядывали только глаза и лоб. Внизу из тьмы вынырнул Бивер в остановился у подножья лестницы, глядя на Бренду.

— Вам помочь?

— Нет, спасибо, я справлюсь. Как вы спали?

— Великолепно.

— Пари держу, что нет.

— Видите ли, я вообще плохо сплю.

— В следующий раз, как вы приедете, вам отведут другую комнату. Но только вряд ли вы приедете. У нас такое редко случается. А это очень печально, потому что без гостей скучно, а живя здесь, невозможно завести новых друзей.

— Тони ушел в церковь.

— Да, он это любит. Он скоро вернется. Давайте выйдем на несколько минут — такая прелестная погода. По возвращении Тони застал их в библиотеке. Бивер гадал Бренде на картах.

— А теперь еще раз снимите, — говорил он, — и посмотрим, что будет, что случится... Вот... вас ждет нечаянная радость и деньги из-за чьей-то смерти. Вернее, вы убьете человека. Не могу сказать кого — мужчину или женщину... Потом вам предстоит дальняя дорога по морю, потом вы выйдете замуж за шестерых негров разом, родите одиннадцать детей, отпустите бороду и умрете.

— Чудовище. А я-то думала, вы всерьез. Привет, Тони. Что в церкви? Наслаждался вволю?

— Вполне. Как насчет хереса?

Когда перед самым обедом они остались вдвоем, Тони сказал:

— Детка, ты просто героиня — приняла весь удар на себя.

— Что ты, я люблю давать представления, и, по правде говоря, я его бессовестно завлекаю.

— Так я и понял. Что ж, я займусь им после обеда, а вечером он уедет.

— Разве? Мне даже жалко. Знаешь, в чем разница между нами: когда к нам приезжает какой-нибудь жуткий тип, ты тут же скрываешься, а мне даже доставляет удовольствие мести перед ним хвостом и любоваться, как здорово это у меня выходит. И потом, Бивер не так уж плох. В некоторых отношениях он такой же, как мы.

— Только не такой, как я, — сказал Тони. После обеда Тони предложил:

— Если вам действительно интересно, я могу показать вам дом. Я знаю, теперь этот стиль не в моде, — моя тетка Фрэнсис говорит, что это подлинный Пекснифф, — но, по-моему, в своем роде он хорош.

Осмотр занял два часа. В тонком искусстве осмотра домов Бивер не знал себе равных; ведь он был буквально воспитан на этом, он с детства сопровождал мать, которая всегда увлекалась интерьерами, а позже, когда обстоятельства переменились, сделала из них профессию. Он рассыпал хвалы к месту, так что Тони, и без того любивший показывать свои сокровища, просто расцвел.

Колоссальное строение это родилось в последнем всплеске готического возрождения, когда течение растеряло всю фантазию и причудливость и стало тоскливо логичным и тяжеловесным.

Они осмотрели все: гостиную с окнами, закрытыми ставнями, напоминавшую школьный актовый зал; монастырские коридоры, темный внутренний дворик, часовню, где до воцарения Тони ежедневно зачитывали молитвы домочадцам, буфетную и контору, спальни и чердаки, резервуар для воды, спрятанный среди зубчатых стен; взобрались по винтовой лестнице к часовому механизму и дождались, пока пробьет половина четвертого. Вслед за тем со звоном в ушах спустились вниз и перешли к коллекциям слоновой кости, печаток, табакерок, фарфора, позолоченной бронзы, перегородчатой и прочих эмалей; постояли перед каждым портретом в дубовой галерее и обсудили все их родственные связи; брали с полок в библиотеке наиболее примечательные фолианты, рассматривали гравюры Хеттона до перестройки, расходные книги старого аббатства, путевые дневники предков Тони. Временами Бивер замечал: «У Тех-То и Тех-То есть похожая Там-То и Там-то». И Тони неизменно отвечал: «Да, я ее видел, но моя более ранняя». В конце концов они возвратились в курительную, и Тони перепоручил Бивера Бренде.

Бренда, свернувшись в кресле, коротала время над вышивкой.

— Ну как? — спросила она, не поднимая глаз от вышивки. — Что скажете?

— Великолепно.

— Знаете, мне вы можете этого не говорить.

— Ну, есть много поистине прекрасных вещей.

— Да, вещи действительно недурны.

— Разве вы не любите Хеттон?

— Кто? Я? Да я его ненавижу... то есть я, конечно, шучу... но иногда ужасно хочется, чтоб он не был так ужасающе и фундаментально безобразен. Только я б. скорее умерла, чем призналась в этом Тони. Разумеется, мы не могли бы жить нигде, кроме Хеттона. Тони просто помешан на доме. Смешно. Никто из нас не рвал на себе волосы, когда мой брат Реджи продал наш дом, а он, знаете ли, был построен Ванбру.^[9] Мы вроде бы считаемся счастливыми, раз можем содержать Хеттон. Знаете, во что нам обходится жизнь здесь? Мы были б очень богаты, если б не Хеттон. А так нам приходится содержать пятнадцать слуг при доме, не считая садовников, плотников, ночного сторожа, множества работников на ферме и еще всяких поденщиков, которые то и дело заявляются то

часы завести, то сварганить счета, то вычистить ров, а мы с Тони часами ломаем себе голову, прикидываем, как дешевле поехать на вечер в Лондон — машиной или по экскурсионному билету. Я б не так досадовала, если б дом был красивый, как, к примеру, дом моих родителей... но Тони здесь вырос и, разумеется, видит все другими глазами...

К чаю вышел Тони.

— Не сочтите за намек, — сказал он, — но если вы хотите поспеть на этот поезд, вам пора собираться.

— Все в порядке, я уговорила его остаться до завтра.

— Если вы, конечно, не возражаете...

— Вот и прекрасно. Я очень рад. В такое время тяжело ехать, особенно этим поездом.

Вошел Джон «А я думал, мистер Бивер уезжает», — сказал он.

— Нет, он остается до завтра.

— А.

После обеда Тони читал газеты, а Бренда и Бивер играли, пристроившись на диване.

Они решали кроссворд. Потом Бивер говорил: «Я загадал», а Бренда задавала вопросы, пытаясь узнать, что он задумал. Он задумал ром, которым упился мул Одуванчик. Джон поведал ему эту историю за чаем. Бренда тут же догадалась. Потом они играли в «Аналогии», сначала об общих знакомых, потом друг о друге.

Они попрощались, вечером: Бивер уезжал поездом 9.10.

— Когда приедете в Лондон, непременно дайте о себе знать.

— Может, я и выберусь на этой неделе.

Утром Бивер дал обоим — дворецкому и лакею по десять шиллингов. Тони, которого, несмотря на героическое представление, выданное Брендой, все еще мучила совесть, спустился к завтраку попрощаться с гостем. Затем вернулся в Гиневру.

— Наконец-то сбыли с рук. Ты была неподражаема, детка. По моему, он уехал в полной уверенности, что ты от него без ума.

— Ну, не такой уж он ужасный.

— Нет, не такой. Должен сказать, он выказал вполне осмысленный интерес, когда мы осматривали дом.

Когда Бивер вернулся домой, миссис Бивер ела простоквашу.

— Кто у них был?

- Никого.
- Никого? Бедный мальчик.
- Они меня не ждали. Поначалу все шло ужасно, но потом стало легче. Ты их точно описала. Она прелесть, он почти не раскрывал рта.
- Мне очень жаль, что я ее никогда не вижу.
- Она говорила, что хотела бы снять квартирку в Лондоне.
- Вот как? — Переделка конюшен и гаражей в квартиры занимала немаловажное место в делах миссис Бивер. — А что именно ей нужно?
- Что-нибудь попроще. Две комнаты с ванной. Но она еще толком ничего не решила. Она пока не говорила с Тони.
- Я уверена, что смогу подыскать ей квартиру.

II

Если Бренде надо было поехать на день в Лондон за покупками, к парикмахеру или костоправу (последним она особенно увлекалась), она ехала в среду, потому что в этот день билеты шли в полцены. Она уезжала в восемь утра и возвращалась вечером, в начале одиннадцатого. Ездила она обычно третьим классом, и вагоны по большей части бывали переполнены, потому что остальные домохозяйки, жившие по этой линии, тоже не упускали случая воспользоваться дешевым проездом. Обычно она проводила день со своей младшей сестрой Марджори, которая была замужем за кандидатом консервативной партии от избирательного округа, по преимуществу голосовавшего за лейбористов. Марджори была не такая хрупкая, как Бренда. Газеты называли их не иначе как «прелестные сестры Реке». Марджори и Аллан были стеснены в средствах, но имели широкий круг знакомств; они не могли позволить себе ребенка; они жили в маленьком домике поблизости от Портмен-сквер, откуда было рукой подать до Пэджингтонского вокзала. У них был китайский мопс по кличке Джинн.

Бренда приехала с налету, поручив дворецкому позвонить Марджори и предупредить о ее приезде. Она выпорхнула из поезда, проведя два с четвертью часа в вагоне, где жалось по пять человек на скамейке, такая свежая и изящная, словно только что появилась из

роскошных апартаментов отеля, где над ней трудилась целая армия массажисток, педикюрш, маникюрш и парикмахерш Она обладала способностью никогда не выглядеть средне; когда она действительно выматывалась, что бывало часто после наездов в Лондон, то распадалась прямо на глазах и превращалась в халду; тогда она сидела еле живая у камина с чашкой размоченного в молоке хлеба до тех пор, пока Тони не уводил ее спать.

Марджори в шляпке сидела за письменным столом и колдовала над чековой книжкой и пачкой счетов.

— Детка, что за чудеса делает с тобой деревенский воздух? Ты выглядишь бесподобно. Скажи, где ты купила этот костюм?

— Не знаю, в каком-то магазине.

— Что нового в Хеттоне?

— Все то же. Тони работает феодала. Джон Эндрю ругается как извозчик.

— А как ты?

— Кто? Я? Я — прекрасно.

— Кто приезжал?

— Никто. На прошлой неделе гостил друг Тони мистер Бивер.

— Джон Бивер?.. Как странно. Никогда б не подумала, что он может нравиться Тони.

— Ты не ошиблась... А что он такое?

— Я его почти не знаю. Вижу иногда у Марго. Он мастак ходить в гости.

— А мне он показался довольно забавным.

— Да, уж это точно. Ты на него кинула глаз?

— Господи, разумеется, нет.

Они повели Джинна на прогулку в парк. Пес был жутко неблагодарный, он не желал глядеть по сторонам, и его приходилось тащить волоком за упряжь; они сводили его к уоттсовской «Физической мощи»,^[10] когда его спускали с поводка, он стоял, неподвижно, угрюмо уставясь в асфальт, до тех пор, пока они не поворачивали домой; только один раз он выказал некое подобие чувств: цапнул какого-то ребенка, когда тот захотел его погладить; вслед за тем он потерялся и нашелся в нескольких ярдах под стулом, где сидел, таращась на клочок бумаги. Он был совершенно

бесцветный, с розовым носом, губами и розовыми кругами голой кожи вокруг глаз.

— Он, по-моему, начисто лишен человеческих чувств, — сказала Марджори.

Они поговорили о своем костоправе, мистере Кратуэлле, и о новом курсе лечения Марджори.

— Мне он этого никогда не делал, — позавидовала Бренда и тут же спросила: — А как, ты думаешь, у мистера Бивера обстоит с сексом?

— Откуда мне знать. Представляю, какая это тоска. Значит, ты все-таки на него кинула глаз?

— Сдаюсь, — сказала Бренда, — не так уж часто я вижу молодых людей.

Они оставили собаку дома и отправились за покупками — полотенца для детской, консервированные персики, часы для одного из привратников, отмечавшего шестидесятилетний юбилей службы в Хеттоне, банку отечественных креветок, любимых Тони; записались на дневной прием к мистери Кратуэллу, поговорили о предстоящем приеме у Полди Кокперс.

— Непременно приезжай. Там наверняка не соскучишься.

— Может, и выберусь... Если удастся подыскать кавалера. Тони на дух не переносит Полли. А в моем возрасте уже неприлично разъезжать одной.

Обедать они пошли в новый ресторан на Олбемарл-стрит, который только что открыла их приятельница Дейзи.

— Тебе везет, — сказала Марджори, едва они переступили порог, — здесь родительница твоего мистера Бивера.

За большим круглым столом в центре зала миссис Бивер занимала компанию человек в восемь; делала она это не бескорыстно — Дейзи, чей ресторан не оправдывал ожиданий, оплачивала обед, и миссис Бивер был обещан подряд на весенний ремонт и обновление интерьера, если ресторан до этого времени не прогорит. Компания подобралась случайная — людей этих свели вместе не потому, что их что-то объединяло, и менее всего привязанность к миссис Бивер или друг к другу, а потому лишь, что имена их были широко известна: среда них был не спесивый, хотя еще и не вполне опустившийся герцог, незамужняя девица, прославившаяся своими похождениями,

танцовщица и романист, театральный художник, застенчивый помощник министра, который осознал, как он влип, когда было уже слишком поздно, и леди Кокперс.

— Господи, ну и сборище, — сказала Марджори, радостно махая им рукой.

— Придете на мой прием, лапочки? — разнесся на весь ресторан скрипучий голос Полли Кокперс. — Только, чур, никому ни слова. Это будет совсем маленький интимный прием. Всего несколько человек — больше в моем доме не поместится, — только самые старые друзья.

— Все б отдала, чтоб посмотреть, какие у нее настоящие старые друзья, сказала Марджори. — Она ни с кем дольше пяти лет не знакома.

— Жаль, что Тони не понимает ее прелести.

(Хотя состоянием своим Полли была обязана мужчинам, популярностью она пользовалась главным образом у женщин, которые восторгались ее туалетами и скупали по дешевке ее поношенные платья; первые шаги по пути вверх Полли сделала в кругах столь неприметных, что не нажила врагов в том мире, до которого потом возвысилась; несколько лет назад она вышла замуж за добродушного графа, на которого тогда почему-то никто не посягал, и с той поры она вскарабкалась разве что не на самые вершины всевозможных социальных лестниц.)

После обеда миссис Бивер проследовала через зал к их столику:

— Мне ужасно некогда, но я просто не могла не подойти к вам. Мы так давно не виделись; Джон рассказывал мне, как дивно он провел у вас уикенд.

— Мы живем так тихо и скромно.

— Именно это он обожает. Бедный мальчик в Лондоне сбивается с ног. Скажите, леди Бренда, вы правда подыскиваете квартиру? Похоже, у меня есть именно то, что вам нужно. Сейчас дои ремонтируется, но к рождеству он будет готов. — Миссис Бивер посмотрела на часы. — О господи, надо бежать. А вы никак не могли бы заскочить сегодня ко мне на коктейль? Я бы вам все-все рассказала.

— Пожалуй... — сказала Бренда неуверенно.

— Непременно приходите. Жду вас к шести. Вы, наверное, знаете, где я живу? — и сообщив адрес, миссис Бивер отбыла.

— Что это она там говорила о квартире? — спросила Марджори.

— Да так, есть у меня одна сумасбродная идея...

Позже, раскинувшись в неге на столе костоправа, под сильными пальцами которого ее позвонки трещали, как защелки, Бренда гадала, будет ли Бивер вечером дома.

«Скорее всего нет, если он так любит светскую жизнь, — думала она, — да и потом, что толку?..»

Но он был дома, невзирая на два приглашения. Она получила все сведения о квартирке. Миссис Бивер свое дело знала.

— Человеку надо, — говорила она, — чтоб было где переодеться и позвонить.

Она разгораживала домик в Белгрейвии на шесть квартир — каждая из комнаты с ванной, по три фунта в неделю за все; ванны будут просто шикарные, горячая вода в неограниченном количестве, все новейшие заокеанские усовершенствования, а в комнате поместится огромный стенной шкаф с электрическим освещением изнутри и останется место для постели. «Это решит давно назревшую проблему» — сказала миссис Бивер.

— Я посоветуюсь с мужем и дам вам знать.

— Только побыстрее, ладно? На них просто невероятный спрос.

— Я вам очень быстро дам знать.

Когда Бренде пришло время уезжать, Бивер отправился с ней на станцию. Обычно она ела в вагоне булочки с шоколадом» они вместе сходили за ними в буфет. До отправления поезда оставалось много времени, и вагон был почти пуст. Бивер прошел в вагон и сел рядом с Брендой.

— Вам наверняка хочется уйти.

— Вовсе нет.

— У меня есть что читать.

— Но я хочу посидеть с вами.

— Очень мило с вашей стороны. — Потом она сказала довольно робко: ей никогда не приходилось просить о таком. — Вы б, наверное, не согласились повезти меня к Полли?

Бивер заколебался. Перед приемом у Полли предполагалось несколько обедов, и его почти наверняка пригласили бы на один из них... если он свяжется с Брендой, ее придется повести или в «Эмбасеа», или в другой роскошный ресторан... на это уйдет по меньшей мере три фунта... и еще надо будет возиться с ней,

проводить ее домой... и если верить ей, она и в самом деле растеряла за последнее время всех знакомых (иначе зачем бы он ей понадобился?), значит, он к тому же еще будет связан по рукам и ногам на весь вечер...

— Мне очень жаль, — сказал он, — но я уже обещал обедать в одном доме.

Бренда заметила его колебания.

— Я так и думала.

— Но мы там встретимся.

— Да, если я поеду.

— Я бы очень хотел повести вас.

— Что вы, что вы... Я просто так спросила.

Веселое настроение, с которым они покупали булочки, бесследно прошло. Минуту они посидели молча. Потом Бивер сказал:

— Что ж, я, пожалуй, пойду.

— Да, бегите. Спасибо, что проводили.

Бивер пошел по платформе к выходу. До отхода поезда оставалось еще восемь минут. Вагон внезапно набился битком, и Бренда почувствовала, как она вымоталась.

— С какой стати бедному мальчику связываться со мной? — подумала она. Но он мог бы отказаться и поаккуратнее.

— Ну как, хоть сейчас к Барнардо?^[11]

Бренда кивнула.

— Шел по улице малютка, — сказала она, — и совсем, совсем пропал.

Она сидела, склоняясь над чашкой, и безучастно помешивала хлеб с молоком. Чувствовала она себя премерзко.

— Весело прошел день? Она кивнула.

— Видела Марджори и ее гнусного пса. Кое-что купила. Обедала у Дейзи, в ее новой забегаловке. Ходила к костоправу. Только и всего.

— Знаешь, мне бы хотелось, чтобы ты отказалась от двойных поездок в Лондон. Ты от них очень устаешь.

— Кто? Я? Я в полном порядке. Просто я хочу умереть — вот и все. И ради бога, Тони, милый, только ничего не говори о постели, потому что я и пальцем пошевелить не могу...

На следующий день пришла телеграмма от Бивера. «Удалось отмотаться обеда 16 Вы еще свободны».

Она ответила: «Семь раз отмерить всегда хорошо Бренда». До сих пор они избегали называть друг друга по имени.

— Ты сегодня как будто в хорошем настроении, — сказал Тони.

— Я себя прекрасно чувствую. Я считаю, это из-за мистера Кратуэлла. Он приводит в порядок и нервы, и кровообращение, и все-все.

III

— А куда мама уехала?

— В Лондон.

— А почему?

— Дама по имени леди Кокперс устраивает прием.

— Она хорошая?

— Маме нравится. Мне нет.

— А почему?

— Потому что она похожа на обезьяну.

— Вот бы на нее посмотреть. А она в клетке сидит? А хвост у нее есть? Бен видел женщину, похожую на рыбу, так у нее была не кожа, а чешуя. В цирке, в Каире. И, пахло от нее, Бен говорит, как от рыбы.

После отъезда Бренды они пили чай вместе,

— Пап, а что леди Кокперс ест?

— Ну, орехи и разные другие штуки.

— Орехи и какие штуки?

— Самые разные орехи.

И на много дней образ Волосатой и зловредной графини занял воображение Джона Эндрю. Она поселилась в его мире так же прочно, как умерший с перепоею Одуванчик. И когда с ним заговаривали деревенские, он рассказывал им про графиню, про то, как она висит вниз головой на дереве и швыряется в прохожих ореховой скорлупой.

— Это ж надо про живого человека такое придумать, — говорила няня. Что бы сказала леди Кокперс, если б услышала?

— Она б трещала, тараторила, хлесталась хвостом, а потом бы наловила крупных сочных блох и позабыла обо всем.

Бренда остановилась у Марджори. Она оделась первой и прошла к сестре.

— Какая прелесть, детка. Новое?

— С иголки.

Марджори позвонила дама, к которой она была звана на обед.

(- Послушай, ты никак не можешь добыть Аллана сегодня вечером?)

— Никак. У него митинг в Камберуэлле. Он, может, и к Полли не придет.

— Ну, а хоть какого-нибудь мужчину можешь раздобыть?

— Что-то никто в голову не приходит.

— Ничего не поделаешь, будет на одного мужчину меньше, только и всего. Никак не пойму, что такое сегодня стряслось. Я позвонила Джону Биверу, и, представляешь, даже он занят.)

— Видишь, — сказала Марджори, вешая трубку, — какой из-за тебя переполох. Ты перехватила единственного свободного мужчину в Лондоне.

— О господи, я и не подозревала...

Бивер прибыл без четверти девять, весьма довольный собой; одеваясь, он отказался от двух приглашений на обед; он получил десять фунтов по чеку в клубе; он заказал диванный столик у «Эспинозы». И хотя он чуть ли не первый раз в жизни приглашал даму в ресторан, ритуал он знал назубок,

— Надо мне разглядеть твоего мистера Бивера, — сказала Марджори. Давай заставим его снять пальто и выпить.

Однако, сойдя вниз, сестры слегка оробели, Бивер же ничуть не смутился. Он был весьма элегантен и выглядел гораздо старше своих лет.

«А он не так уж плох, этот твой мистер Бивер, — казалось говорил взгляд Марджори, — вовсе нет»; и он, видя двух этих женщин вместе, — а они обе были красивы и каждая настолько по-своему, что хотя и было очевидно, что это сестры, они могли б сойти за представительниц разных рас, — начал понимать то, что всю неделю ставило его в тупик: отчего вопреки всем своим принципам и привычкам он телеграфировал Бренде и пригласил ее на обед.

— Миссис Джимми Дин страшно расстроена, что не смогла вас сегодня залучить. Но я не выдала вас и не сказала чем вы занимаетесь.

— Передайте ей от меня горячий привет, — сказал Бивер. — Но все равно мы встретимся у Полли.

— Мне пора идти. Обед назначен на девять.

— Подожди немного, — сказала Бренда. — Они наверняка опоздают. Теперь, когда она неминуемо должна была остаться наедине с Бивером, ей совсем этого не хотелось,

— Нет, мне пора. Развлекайтесь, господь с вами, — Марджори почувствовала себя старшей сестрой, видя, как Бренда волнуется и робеет на пороге романа.

После ухода Марджори обоим стало неловко, потому что за неделю разлуки каждый в мыслях своих сблизился с другим гораздо больше, чем на то давали право их немногие встречи. Будь Бивер поопытнее, он бы прямо прошел через всю комнату к Бренде, которая сидела на ручке кресла, поцеловал бы ее, и, по всей вероятности, ему бы все сошло с рук. Но вместо этого он непринужденно заметил:

— Нам, пожалуй, тоже пора.

— Да, а куда?

— Я думал к Эспинозе.

— Отлично. Только слушайте, давайте договоримся сразу: это я вас приглашаю.

— Разумеется, нет... что вы.

— Не возражайте. Я пожилая замужняя женщина, на год старше вас, и притом довольно богатая, так что не спорьте — плачу я.

Бивер протестовал, пока они не сели в такси. Отчужденность никак не проходила, и Бивер уже подумывал: «Не ждет ли она, чтоб я на нее набросился?» Так что когда они повали в затор у Мраморной арки, он потянулся к ней, однако в последний момент она отстранилась. Он оказал; «Бренда, ну пожалуйста», но она отвернулась к окну и решительно потрясла головой. Потом, по-прежнему не отводя глаз от окна, протянула ему руку, и они молча просидели так, пока не доехали до ресторана.

Бивер был совершенно ошарашен.

Однако, как только они оказалась на людях, к нему вернулась былая уверенность. Эспиноза проводил их к столику справа от двери, несколько на отшибе — это был единственный столик в ресторане, за которым можно было разговаривать, не опасаясь, что тебя услышат. Бренда передала Биверу меню.

— Выбирайте вы. Мне очень немного, и чтоб все блюда были с крахмалом, и без протеина.

Что бы вы ни заказывали, счет Эспиноза, как правило, представлял одинаковый, но Бренда могла этого не знать, и, так как подразумевалось, что платит она, Бивер стеснялся заказывать явно дорогие блюда. Все же по ее настоянию они заказали шампанское, а позже графинчик ликеру для Бивера.

— Вы не представляете себе, как я волнуюсь. Ведь я в первый раз в жизни приглашаю на обед молодого человека.

Они просидели у Эспинозы, пока не подошло время ехать к Полли. Раз или два они потанцевали, но больше болтали за столиком. Взаимный интерес настолько превышал их осведомленность друг о друге, что у них не было недостатка в темах.

Через некоторое время Бивер сказал:

— Простите, я вел себя в такси как последний идиот.

— М-м?

Он перестроился:

— Вы не очень рассердились, когда я пытался поцеловать вас?

— Кто? Я? Нет, не особенно.

— Тогда почему же вы отвернулись?

— О господи, вам еще много чего надо понять.

— Чего?

— Никогда не задавайте таких вопросов. Запомните это на будущее, ладно?

Он надулся.

— Вы со мной говорите, словно я студент, пустившийся в свой первый загул.

— Вот как? Выходит, это загул?

— С моей стороны — нет. — Последовала пауза, потом Бренда сказала:

— Я не совсем уверена, что не сделала ошибку, пригласив вас на обед. Давайте попросим счет и поедем к Полли.

Счет пришлось ждать десять минут, промежуток этот надо было чем-то заполнить, и Бивер сказал, что он просит прощения.

— Вам следует научиться быть полюбезнее, — сказала Бренда рассудительно, — думаю, это вам под силу.

Когда счет в конце концов принесли, она сказала:

— Сколько полагается дать на чай? Бивер объяснил.

— Вы уверены, что этого достаточно? Я дала бы вдвое больше.

— Ровно столько, — сказал Бивер и снова почувствовал себя старшим, чего и добивалась Бренда.

Когда они сели в такси, Бивер тут же понял, что ей хочется, чтоб он ее поцеловал. Но он решил — пусть она теперь допляшет под его дудку. Поэтому он отодвинулся и завел разговор о старом доме, который вносили, чтобы освободить место для квартала многоквартирных зданий.

— Заткнись, — сказала Бренда. — Иди ко мне. Когда он поцеловал ее, она потерлась о его щеку своей, такая у нее была манера.

Прием у Полли был точь-в-точь таким, как она хотела, — аккуратным сколком всех лучших приемов, которые она посетила в прошлом году: тот же оркестр, тот же ужин и, самое главное, те же гости. Ее честолюбие далеко не заходило: ей не нужно было ни произвести фурор, ни устроить прием настолько необычный, чтоб о нем говорили еще много месяцев спустя, не нужны ей были ни добытые из-под земли нелюдимые знаменитости, ни диковинные иностранцы. Ей нужен был самый обыкновенный шикарный прием, и таким он и получился. Пришли практически все, кого она пригласила. Если и существовали другие труднодоступные миры, куда она не была вхожа, Полли о них не подозревала. Ей нужны были именно эти люди, и они к ней явились. И, стоя рядом с лордом Кокперсом, который ради такого случая, как примерный муж, появился на люди вместе с ней, что делал крайне редко, Подли, обозревая гостей, поздравляла себя с тем, что у нее сегодня очень мало лиц, которых она не желала видеть. В прошлые годы приглашенные с ней не церемонились и приводили с собой всех, с кем им случилось в этот день обедать, В этом году без особых усилий с ее стороны приличия не нарушались. Гости, которые хотели привести с собой друзей, с утра позвонили ей и испросили позволения, а в большинстве своем и на это не отважились. Люди, которые всего полтора года назад делали бы вид, что и не подозревают о ее существовании, теперь непрерывным потоком поднимались по ее лестнице. Она сумела встать вровень с другими замужними дамами своего круга.

У подножья лестницы Бренда сказала:

— Пожалуйста, не оставляй меня. Я, наверное, тут никого не знаю. — И Бивер снова почувствовал себя защитником и покровителем.

Они прошли прямо к оркестру и стали танцевать; разговаривали они мало, только здоровались со знакомыми парами. Через полчаса Бренда сказала:

— Теперь я вам дам передохнуть. Только смотрите не потеряйте меня.

Она танцевала с Джоном Грант-Мензисом и двумя-тремя старыми приятелями, и потеряла Бивера из виду, пока не наткнулась на него в баре, где он сидел в полном одиночестве. Он уже давно торчал здесь, перекидываясь одной-двумя фразами с входящими парами, но потом опять оставался в одиночестве. Он томился и злобно повторял про себя, что, не связись он с Брендой, он пришел бы сюда с большой компанией и все повернулось бы иначе.

Бренда заметила, что он не в духе, и сказала: «Пора ужинать».

Час был ранний, и буфет пустовал, только за несколькими столиками уединились серьезные парочки. В простенке стоял большой круглый никем не занятый стол, они сели за него.

— Я собираюсь еще долго-долго не вставать, вы не против? — Она хотела, чтоб он снова почувствовал себя хозяином положения, и поэтому стала расспрашивать его о парочках за другими столиками.

Постепенно их стол заполнялся. К ним подсаживались старые друзья Бренды, с которыми она общалась, когда начала выезжать и в первые два года брака до смерти отца Тони; мужчины слегка за тридцать, замужние женщины ее лет — одни из них не знали Бивера, другие не любили его. Стол их был явно самым веселым в комнате. Бренда подумала: «Как мой юный кавалер, должно быть, тяготится этим». Ей и в голову не пришло, что, с точки зрения Бивера, ее старые друзья самые завидные тут люди и он в восторге оттого, что его видят в такой компании.

— До смерти надоело? — шепнула ему она.

— Что ты, счастлив, как никогда.

— А мне надоело. Пойдем потанцуем.

Но оркестр отдыхал, и в танцзале не было никого, кроме серьезных парочек, которые переселились сюда, в поисках уединения, и сидели там и сям по стенам, уйдя с головой в разговоры.

— О господи; — сказала Бренда, — мы влипли. Вернуться к столу неудобно... похоже, нам придется ехать домой. — Но еще нет и двух.

— Для меня это поздно. Послушайте, вам совсем не надо ехать. Оставайтесь здесь и веселитесь.

— Разумеется, я поеду с тобой, — сказал Бивер.

Ночь была холодная, ясная. Бренда дрожала, и в такси он обнял ее. Они почти не разговаривали.

— Уже приехали?

Они посидели несколько секунд неподвижно. Потом Бренда высвободилась, и Бивер открыл дверцу,

— К сожалению, я не могу пригласить тебя выпить. Донимаешь, я не у себя и ничего здесь не найду.

— Что ты, что ты.

— Спокойной ночи, милый. Огромное спасибо, что приглядел за мной. Боюсь, я тебе отравила весь вечер.

— Что ты, что ты, — сказал Бивер.

— Позвони мне с утра... Договорились? — Она поднесла руку к губам и повернулась к двери.

Еще с минуту Бивер раздумывал, стоит ли вернуться к Полли, но потом решил, что не стоит. Он был близко от дома, да и у Полли к этому времени все, должно быть, уже угомонились, так что он поехал на Сассекс-гарденз и тут же лег спать.

Не успел он раздеться, как внизу раздался телефонный звонок. Звонил его телефон. Он спустился по холоду на два пролета. Звонила Бренда.

— Милый, я уже собиралась повесить трубку. Подумала, что ты вернулся к Полли. Разве твой телефон не у постели?

— Нет, на первом этаже.

— Значит, я тебе зря позвонила?

— Ну не знаю. А в чем дело?

— Просто хотела пожелать тебе спокойной ночи.

— Ах да, понятно, конечно. Спокойной ночи.

— И ты позвонишь мне утром?

— Да.

— Рано-рано, до того, как наметишь планы?

— Да.

— Спокойной ночи, господь с тобой.

Бивер снова поднялся на два пролета и залез в постель.

— ...Удрать в самый разгар веселья...

— Стыдно сказать, насколько это было невинно. Он даже не зашел.

— Этого-то как раз никто и не узнает.

— Он просто рассвирепел, когда я позвонила,

— А что он о тебе думает?

— Ничего не может понять... совершенно ошарашен и притосковывает.

— Ты что, собираешься это продолжать?

— Сама не знаю. — Зазвонил телефон. — Вот, наверное, он.

Но это был не он. Бренда пришла к Марджори, и они завтракали в постели. В это утро Марджори особенно вошла в роль старшей сестры.

— Правда же, Бренда, твой молодой человек — это такое убожество...

— Я сама все знаю. Он не бог. Весть что, и он сноб, и похоже, у него рыба кровь, но мне он приглянулся, и все тут... и потом, я не уверена, что он уж совсем ужасный... он обожает свою гнусную мать... и потом он вечно без денег. По-моему, ему очень не везло в жизни. Он мне все про себя вчера рассказал. Он был раз помолвлен, но они не смогли пожениться из-за денег, а с тех пор у него не было ничего приличного... Его еще многому надо научить. Этим отчасти он мне и нравится.

— О господи, я вижу, ты всерьез. Зазвонил телефон.

— Может, на этот раз он.

Но знакомый голос так громко заверещал в телефон, что Бренда слышала весь разговор.

— Добрый день, лапочка, какие последние сплетни?

— А, Полли, поздравляю — прекрасный прием.

— Правда, старушка не подкачала? Слушай, что там у твоей сестры с Бивером?

— Что у них?

— Давно они путаются?

— Ты попала пальцем в небо, Полли.

— Да брось. Сразу видно, что у них далеко зашло. Нет, ты мне скажи, как это ему удалось. Вот что интересно. Что-то в нем наверняка есть, просто мы не замечали.

— Полли тебя засекала. В данный момент она оповещает весь Лондон о своих наблюдениях.

— Какая жалость, что и оповещать-то не о чем. Этот сопляк мне даже не позвонил... Что ж, придется оставить его в покое. Если он не опомнится, я днем уезжаю в Хеттон. Вот, может, он.

Но это был всего-навсего Аллан, который звонил из штаб-квартиры консерваторов извиниться, что не смог накануне приехать к Полли.

— Я слышал, Бренда пустилась во все тяжкие, — сказал он.

— Господи, — сказала Бренда, — можно подумать, молодых людей так легко соблазнить.

— Я тебя почти не видела вчера у Полли, — сказала миссис Бивер. — Куда ты исчез?

— Мы рано уехала. Бренда Ласт устала.

— Она прелестно выглядела. Я очень рада, что ты с ней подружился. Когда ты с ней встречаешься?

— Я договорился, что позвоню.

— Ну, так чего же ты ждешь?

— Да что толку, мамчик? Разве я могу себе позволить ухаживать за женщиной вроде Бренды Ласт? Позвонишь ей, она скажет, что вы делаете, придется ее куда-нибудь вести, и так каждый день. У меня денег на это нет.

— Знаю, сын мой. Знаю, как тебе трудно. Знаю, как ты умеешь экономить. Я должна быть благодарна, что мой сын не является ко мне с долгами. И все же, не стоит отказывать себе буквально во всем. Так ты в двадцать пять лет превратишься в старого холостяка. Я еще в тот вечер, когда Бренда пришла к нам, заметила, что ты ей нравишься.

— Это точно, я ей очень даже нравлюсь.

— Надеюсь, она решит наконец относительно квартиры. Они сейчас просто нарасхват. Мне придется присмотреть еще один дом, который можно перегородить. Ты просто не поверишь, кто их снимает: масса людей, у которых собственные дома в Лондоне... Ну, мне пора на работу. Кстати, я уезжаю на два дня. Проследи, чтоб Чэмберс как следует о тебе заботилась. Тут Сильвия Ньюпорт нашла

каких то австралийцев, которые хотят снять дом в деревне, я покажу им парочку подходящих. Ты где обедаешь?

— У Марго.

К часу, когда они возвратились домой, выгуляв Джинна, Бивер еще не звонил.

— Раз так, значит так, — сказала Бренда. — Я как будто даже рада.

Она послала Тони телеграмму, что приедет дневным поездом, и слабым голосом приказала упаковать вещи.

— Похоже, мне сегодня негде обедать, — сказала она.

— Почему б тебе не пойти к Марго? Я уверена, она будет рада.

— Ладно, позвони ей и спроси.

Так она снова встретила Бивера.

Он сидел довольно далеко от нее, и, пока гости не начали расходиться, им так и не пришлось поговорить.

— Я пытался дозвониться вам все утро, — сказал он, — но было занято.

— Да ладно, — сказала Бренда. — Беру тебя в киношку. Позже она телеграфировала Тони. «Остаюсь Марджори день два целую вас обоих».

IV

— А мама сегодня приедет?

— Надеюсь.

— Как долго она гостит у этой обезьяньей тетки. Можно, я поеду на станцию ее встречать?

— Конечно, поедем вместе.

— Она целых четыре дня не видела Громобоя. И не видела, как я прыгаю через новое препятствие, верно, пап?

Она приехала поездом 3.18. Тони и Джон Эндрю явились на станцию загодя. Они походили по перрону, все осмотрели, купили шоколадку в автомате.

Начальник станции вышел к ним поболтать

— Ее милость сегодня возвращается?

Он был старым приятелем Тони.

— Я ее каждый день ждал. Сами знаете, что бывает с дамами, когда они дорвутся до Лондона.

— Жена Сэма Брейса уехала в Лондон, и он никак не мог ее вернуть. Пришлось самому за ней отправиться. Так она ему еще трепку задала.

Вскоре подошел поезд, и Бренда грациозно выпорхнула из вагона третьего класса.

— Пришли оба. Какие вы милые. Я этого не заслужила.

— Мам, а ты обезьянью тетку привезла?

— Что за чушь порет ребенок?

— Он вбил себе в голову, что у твоей подружки Полли есть хвост.

— Кстати говоря, меня б ничуть не удивило, если б так оно и оказалось.

Багаж Бренды умещался в двух крохотных чемоданчиках.

Шофер привязал их к багажнику, и Ласты покатали в Хеттон.

— Какие новости? Рассказывайте по порядку.

— Бен поднял жердь высоко-высоко, и мы с Громобоем вчера шесть раз прыгали, и сегодня шесть раз, и еще в прудике сдохли две рыбки, они вздулись и плавают вверх животами, и еще няня вчера обожгла чайником палец, и еще мы с папой вчера видели лису, ну, совсем рядом, она посидела, а потом убегала в лес, и еще я начал рисовать битву, но никак не могу кончить, потому что у меня краски не те, и еще серая ломовая, у которой были глисты, поправилась.

— Ничего особенного не произошло, — сказал Тени. — Мы по тебе скучали. И что ты делала в Лондоне так долго?

— Кто? Я? Я очень плохо себя вела, если говорить правду.

— Швырялась деньгами?

— Хуже. Я предавалась жуткому разврату, ухнула кучу денег и получила уйму удовольствия. Но у меня есть для тебя ужасная новость.

— Что такое?

— Нет, лучше я ее попридержу. Тебе она вовсе не понравится.

— Ты купила мопса.

— Хуже, гораздо хуже. Только я этого еще не сделала. До сил нет, как хочу.

— Давай выкладывай.

— Тони, я нашла квартиру.

— Так потеряй ее, и побыстрее.

— Ладно, я за тебя еще возьмусь. А пока постарайся заранее не хандрить.

— Я и думать об этом забуду.

— Пап, а что такое квартира?

Бренда обедала в пижаме, а потом, примостившись около Тони на диване, ела сахар из его чашки.

— Все это, как я понимаю, означает, что ты снова заведешь разговор о квартире.

— Угу...

— Ты не подписывала никаких бумаг, скажи?

— Что ты, — Бренда решительно затрясла головой.

— Тогда еще ничего страшного, — Тони принялся набивать трубку.

Бренда присела на диване на корточки.

— Слушай, а ты не хандрил?

— Нет.

— Потому что ты квартиру представляешь себе совсем иначе, чем я. Для тебя квартира — это и лифт, и швейцар в галунах, и огромный парадный вход, и роскошный холл, из которого ведут во все стороны двери, и кухни, и буфетные, и столовые, и гостиные, и спальни для прислуги... верно. Тони?

— Более или менее.

— То-то и оно. А для меня это спальня с ванной и телефоном. Уловил разницу? Так вот, одна моя знакомая...

— Какая знакомая?

— Ты ее не знаешь... Так вот она разгородила целый дом неподалеку от Белгрейв-сквер на такие квартирки — платишь три фунта в неделю, и никаких тебе налогов и обложений, горячая вода, центральное отопление, когда нужно, можно вызвать уборщицу, что ты на это скажешь?

— Понятно.

— Теперь послушай, что я думаю. Что такое три фунта в неделю? Меньше девяти шиллингов в день. А где ты можешь остановиться с такими удобствами меньше чем за девять шиллингов? Тебе приходится ехать в клуб, а это обходится дороже, а я не могу вечно останавливаться у Марджори, ее это ужасно стесняет, ведь у нее еще

пес, и ты сам всегда говоришь, когда я приезжаю вечером из Лондона, проштатавшись весь день по магазинам: «Почему ты не осталась там ночевать? — говоришь ты мне. — Зачем так выматываться». Не счесть, сколько раз ты мне это говорил. Я уверена, что мы тратим куда больше трех фунтов в неделю из-за того, что у нас нет квартиры. Знаешь что — я пожертвую мистером Кратуэллом. Идет?

— Тебе в самом деле так этого хочется?

— Угу.

— Видишь ли, мне надо подумать. Может, и удастся что-нибудь выкроить, но из-за этого придется отложить кое-какие усовершенствования в доме.

— Я этого совсем не заслужила, — сказала она, закрепляя сделку, — я всю неделю предавалась разврату.

Бренда пробыла в Хеттоне всего трое суток. Потом вернулась в Лондон, заявив, что ей надо заняться квартирой. Квартира, однако, не требовала пристального внимания. Предстояло решить, в какой цвет окрасить стены, и купить кое-какую мебелировку. У миссис Бивер все было наготове: она предоставила Бренде на выбор кровать, ковер, туалетный столик и стул больше в комнате ничего не помещалось. Миссис Бивер пыталась продать ей набор вышивок на стены, но Бренда их отвергла, а с ними и электрогрелку, миниатюрные весы для ванной, холодильник, стоячие часы, триктрак из зеркального стекла и синтетической слоновой кости, серию французских поэтов восемнадцатого века в изящных переплетах, массажный аппарат и радиоприемник, вделанный в лакированный ящичек в стиле Регентства — все это было выставлено специально для нее в лавке в качестве «недурных идей».

Миссис Бивер была не в претензии на Бренду за скромность ее приобретений, она неплохо подзаработала на квартире выше этажом, где одна канадская дама обшивала стены хромированными панелями, не считаясь с расходами.

Тем временем Бренда останавливалась у Марджори на условиях, которые постепенно становились унижительными.

— Мне не хотелось бы читать тебе мораль, — сказала Марджори как-то утром, — но я не желаю, чтоб твой мистер Бивер сшивался целыми днями в моем доме и еще называл меня Марджори.

— Потерпи, квартира скоро будет готова.

— И я повторяю и буду повторять, что ты совершаешь нелепую ошибку.

— Просто тебе не нравится мистер Бивер.

— Нет не только в этом дело. Видишь ли, я думаю, что Тони придется несладко.

— За Тони не беспокойся.

— А что, если будет скандал?..

— Скандала не будет.

— Ну не скажи. Так вот, если будет скандал, я не хочу, чтобы Аллан думал, будто я вам потакала.

— Я тебе не говорила таких гадостей, когда ты шилась с Робинот Бизили.

— Между нами ничего такого и не было, — сказала Марджори.

Но если не считать Марджори, общественное мнение было целиком на стороне Бренды. По утрам трещали телефоны, разнося новости о ее похождениях, и даже те, кто едва был с нею знаком, захлеб рассказывали, как видели ее накануне с Бивером в ресторане или в кино.

В эту осень худосочных и скудных романов сходились и расходились лишь парочки, которым это было на роду написано, и Бренда кинула кусок тем, чьим основным удовольствием в жизни было, раскинувшись поутру в постели, обсасывать такого рода новости по телефону. Обстоятельства романа Бренды имели особое очарование: целых пять лет — она была легендой, чем-то почти мистическим, плененной принцессой из волшебной сказки, и теперь, когда она явила миру подлинное лицо, это было куда увлекательней, чем смена предмета увлечения у любой осторожной жены. Самый выбор партнера сообщал этой связи нечто фантазмагорическое; Бивер — это всеобщее посмешище, был внезапно вознесен ею в сверкающую обитель небожителей. Если бы после семи лет неукоснительной супружеской верности Бренда наконец закрутила роман с Джеком Грант-Мензисом, или Робинот Визили, или любым другим хлыщом, с которым почти у всех рано или поздно был один-другой заход, это тоже было бы захватывающе интересно, но в конце концов не выходило бы за рамки привычной салонной комедии. Избрание Бивера переносило эту эскападу в глазах Полли, Дэйзн, Анджелы и всей шайки сплетниц в сферу поэзии.

Миссис Бивер не скрывала своего восторга; «Конечно, Джон ничего мне не говорит, но если то, что я слышу, правда, мальчику это пойдет на пользу. Конечно, он всегда нарасхват, и у него много друзей, но тут совсем другое дело. Я давно почувствовала, что ему ЧЕГО-ТО недостает, и я думаю, что именно такая очаровательная и опытная женщина, как Бренда Ласт, может ему помочь. Он оч-чень привязчив, но он такой сдержанный, что по нему никогда не догадаешься... Сказать по правде, я почувствовала что-то такое в воздухе на прошлой неделе и под благовидным предлогом уехала на несколько дней. Если б я этого не сделала, может, у них так все и кончилось бы ничем. Он такой застенчивый и скрытный, даже со мной. Я распоряджусь, чтоб шахматы тут же переделали и послали вам. Благодарю вас».

И первый раз в жизни Бивер почувствовал себя человеком интересным и значительным. Женщины заново приглядывались к нему, размышляя, что же они в нем проглядели, мужчины обращались с ним как с равным и даже удачливым соперником. Возможно, они и задавались вопросом: «Как это ему так повезло, но зато теперь, когда он входил в Брэтт-клуб, ему освобождали место у стойки и говорили: «Привет, старик, опрокинем по одной?»»

Бренда звонила Тони утром и вечером. Иногда с ней разговаривали Джон Эндрю голосом пронзительным, как у Полли Кокперс; ответов ее он не слушал. На субботу и воскресенье она уехала в Хеттон, потом снова вернулась в Лондон, на этот раз в квартиру, где краска уже высохла, хотя горячую воду еще подавали с перебоями; тут все пахло новым: стены, простыни, занавески, а от новых радиаторов куда менее приятно разило раскаленным железом.

Вечером она, как всегда, позвонила в Хеттон.

— Я говорю из квартиры...

— Вот как...

— Милый ну изобрази немножко больше энтузиазма в голосе. Здесь все так интересно.

— И на что это похоже?

— Ну, сейчас тут самые разные запахи, и ванна издает такие странные звуки, и когда поворачиваешь кран с горячей водой, раздается пыхтенье — и только, и из холодного крана капает вода, и она совсем коричневая, и дверки шкафа заклинились, и занавески не

задергиваются, так что уличный фонарь всю ночь бьет в глаза... но это божественно.

— Да что ты.

— Тони, не надо. Здесь все так интересно — и входная дверь, и ключ от квартиры, и все-все... И еще мне сегодня прислали целую охапку цветов, а их тут некуда ставить, и они у меня в тазу, здесь нет ваз. Это ведь не ты прислал, нет?

— Да... собственно говоря, я.

— Милый, а и так надеялась, что... как это похоже на тебя.

— Ваше время истекло.

— Пора кончать.

— Когда ты вернешься?

— Очень скоро. Спокойной ночи, родной.

— Сколько можно разговаривать, — сказал Бивер. Все время, пока она разговаривала, ей приходилось заслонять телефон, который Бивер игриво угрожал разъединить.

— Как мило, что Тони прислал мне цветы, правда?

— Ну, я не в таком уж восторге от Тони.

— Пусть это тебя не мучит, красавец мой. потому что ты ему нисколько не нравишься.

— Правда? А почему?

— Потому что ты никому, кроме меня, не нравишься. Заруби это себе на носу... да и я понять не могу, чем ты мне понравился.

Бивер с матерью уезжали на рождество к родственникам в Ирландию. Тони и Бренда встречали рождество в семейном кругу: Марджори с Алланом, мать Бренды, тетка Тони Фрэнсис и две семьи захудалых Ластов, убогих и смиренных жертв права первородства, для которых Хеттон значил так же много, как и для Тони. В детской ставили маленькую елку для Джона Эндрю, внизу, в главной зале, — большую, ее наряжали захудалые Ласты и зажигали за полчаса до чая (рядом ставили двух лакеев с мокрыми губками на шестах, чтобы тушить скрючившиеся свечи, грозящие пожаром). Подарки дарились всем слугам — в строгом соответствии с рангом, и всем гостям (чеки — для захудалых Ластов). Аллан всегда привозил огромный паштет из гусяной печени — деликатес, к которому он питал особое пристрастие. Все объелись и в понедельник к вечеру, к раздаче подарков, впали в некоторое оцепенение; гостей обносили

серебряными половниками подоженного коньяка, слышался треск разрываемых хлопушек, бумажные шляпы, комнатные фейерверки, «девизы».^[12] В этом году все шло как по маслу; казалось, ничто не угрожало миру и благополучию дома. Прибыл хор и пропел рождественские гимны в галерее смолистой сосны, а потом поглощал в непомерных количествах горячий пунш и сладкое печенье. Викарий произнес неизменную рождественскую проповедь. Ту самую, которую прихожане особенно любили: «Трудно представить себе, — начал он, умильно оглядывая паству, которая кашляла в шарфы и растирала отмороженные пальцы шерстяными перчатками, — что наступило рождество. Вместо пылающих в очаге бревен и наглухо закрытых от метели окон мы видим жестоко палящее чужеземное солнце, вместо круга любимых лиц родных и близких мы видим бессмысленные взгляды покоренных, хотя и благодарных, язычников. Вместо мирного вола и виффлеемского осла, — говорил викарий, несколько запутываясь в сравнениях, — нам сопутствуют хищный тигр и экзотический верблюд, коварный шакал и величавый слон...» — и так далее. Слова эти в свое время трогали сердца многих огрубевших душой кавалеристов, и, слыша их опять, а он слышал их из года в год с тех пор, как мистер Тендрил появился у них в приходе. Тони, да и большинство его гостей воспринимали их как неотъемлемую принадлежность рождества, без которой им было б трудно обойтись. «Хищный тигр и экзотический верблюд» стали притчей во языцех в семье и часто использовались в разных играх.

Игры Бренда переносила тяжелее всего. Они ее никоим образом не забавляли, и она до сих пор конфузилась при виде ряженого Тони. Еще больше ее мучил страх, что недостаток энтузиазма с ее стороны обедневшие Ласты могут приписать высокомерию. Такая щепетильность — о чем она не догадывалась — была совершенно излишней, ибо родственникам мужа и в голову не приходило относиться к ней иначе как с родственной приязнью и некоторым снисхождением, ибо будучи Ластами, они считали, что имеют в Хеттоне куда больше прав, чем она. Тетка Фрэнсис, женщина пронзительного ума, быстро смекнула, в чем дело, и попыталась успокоить ее: «Дитя мое, — сказала она, — такая деликатность бессмысленна, ибо только богатые осознают ту пропасть, которая отделяет их от бедных», но неловкость не исчезала, и вечер за вечером

Бренда по воле родственников высылалась из комнат, задавала вопросы и отвечала на них, участвовала в грубых шутках, выкупала фанты, рисовала картинки, писала стихи, рядилась, убегала от преследователей и сидела в шкафах. В этом году рождество пришлось на пятницу, так что праздники затянулись, и гости задержались у них с четверга до понедельника.

Из чувства самосохранения она запретила Биверу посылать ей подарок или письмо, потому что наперед знала; что бы он ни написал, оскорбит ее своим убожеством, но, несмотря на это, она нервничала, поджидая почту, и надеялась, что он все же ее послушается. Она послала ему в Ирландию перстень из трех переплетенных пластин золота и платины. Она пожалела о своем выборе уже через час после того, как отправила заказ. Во вторник пришло благодарственное письмо от Бивера.

«Милая Бренда, — писал он, — большое тебе спасибо за прелестный рождественский подарок. Можешь представить, как я обрадовался, когда увидел розовую кожаную коробочку, и как удивился, когда открыл ее. Как мило, что ты прислала мне такой прелестный подарок. Большое тебе спасибо еще раз. Надеюсь, что вы хорошо проводите рождество. Здесь довольно скучно. Вчера все ездили на охоту. Я ездил только на сбор.

Охота была неудачная! Мама тоже здесь, она шлет тебе привет. Мы уедем отсюда завтра или послезавтра. Мама простудилась...»

Тут страница кончилась, а с ней и письмо. Бивер писал его перед обедом, а потом сунул в конверт, да так и забыл закончить. Он писал крупным почерком школьницы, с большими пробелами между строк. Брендю чуть не стошнило, когда она прочла письмо, но она все же показала его Марджори: «Мне не на что жаловаться, — сказала она. — Он никогда не делал вид, что так уж пылает. Да и подарок какой-то идиотский».

Тони впал во мрак из-за предстоящего визита к Анджеле. Он не любил уезжать из дому.

— Тебе не обязательно ехать, дорогой. Я все улажу.

— Нет, я поеду. Я тебя не так много видел последние три недели.

Всю среду они провели вдвоем. Бренда из кожи вон лезла, и Тони повеселел. На этот раз она была с ним особенно нежна и почти его не дразнила.

В четверг они отправились на север, в Йоркшир. Бивер уже был там. Тони наткнулся на него в первые же полчаса и поспешил наверх поделиться своим открытием с Брендой.

— Я тебя сейчас удивлю, — сказал он, — угадай, кого я здесь встретил?

— Кого?

— Нашего старого приятеля Бивера.

— Что тут удивительного?

— Ну, не знаю. Просто я начисто о нем забыл, а ты? Как ты думаешь, Анджеле он тоже послал телеграмму?

— Наверное.

Тони решил, что Бивер тут скучает, и изо всех сил старался быть с ним любезным. Он сказал:

— С тех пор, как мы виделись в последний раз, произошло много перемен. Бренда сняла квартиру в Лондоне.

— Я знаю.

— Откуда?

— Видите ли, ей сдала квартиру моя мать.

Тони был изумлен и приступил к Брендe.

— Ты мне не сказала, кто устраивает тебе эту квартиру. Знай я, может, я не был бы таким покладистым.

— Конечно, милый, именно поэтому я и не сказала. Половина гостей задавалась вопросом, как попал сюда Бивер, другая половина была в курсе дела. В результате Бивер и Бренда виделись гораздо меньше, чем если бы были случайными знакомыми, так что Анджела даже сказала мужу «Наверное мы зря его пригласили. Вот уж никогда не угадаешь».

Бренда не заводила разговора о незаконченном письме, но она заметила, что Бивер носит перстень и даже завел привычку, разговаривая, крутить его на пальце.

В канун Нового года они поехали в гости к соседям. Тони уехал рано, и Бивер с Брендой возвращались домой вместе на заднем

сиденье машины. На следующее утро за завтраком Бренда сказала Тони:

— Я дала себе зарок под Новый год.

— Какой проводить больше времени дома?

— Нет, нет, совсем наоборот. Послушай, Тони, это серьезно. Я, пожалуй, запишусь на курсы или что-нибудь в этом роде.

— Надеюсь, не к костоправу? Я думал, с этим покончено.

— Нет, что-нибудь вроде экономики. Видишь ли, я много думала. Я ведь сейчас, в сущности, ничем не занята. Дом управляется сам собой. Вот мне я кажется, что мне пора найти себе дело. Ты вечно говоришь, что хотел бы баллотироваться в парламент. Так вот, если б я прослушала курс лекций по экономике, я могла б тебе помогать в предвыборной кампании, речи писать и всякое такое, — словом, как Марджори помогала Аллану, когда он баллотировался от Клайда. В Лондоне, где-то при университете, читают всякие лекции для женщин. Тебе не кажется, что это неплохая идея?

— Во всяком случае, лучше, чем костоправ, — согласился Тони.

Так начался новый год.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

И ТОНИ ПРИШЛОСЬ НЕСЛАДКО

I

В Брэтт-клубе между девятью и десятью вечера нередко можно встретить мужчин в белых галстуках и фраках, которые, пребывая в явном упадке духа, ужинают обильно и изысканно. Это кавалеры» которых в последнюю минуту подвели их дамы. Минут двадцать или около того они просидели в фойе какого-нибудь ресторана, выжидательно поглядывая на вращающиеся двери и то вынимая часы, то заказывая коктейли, пока в конце концов к ним не подошел служитель с сообщением; «Просили передать, что ваша гостья прийти не сможет». И они отправлялись в Брэтт, смутно надеясь встретить друзей, но чаще находя мрачное удовлетворение в том, что в клубе пусто или что там одни незнакомые. И вот тогда они усаживались вдоль стен и обедались и упивались, угрюмо уставясь на столы красного дерева.

Именно по этой причине и в этом настроении где-то в середине февраля Джок Трант-Мензис явился в клуб:

— Есть кто-нибудь из знакомых?

— Сегодня очень тихо, сэр. В столовой сидит мистер Ласт.

Джок разыскал его в углу. Тони был в обычном пиджаке, на столе и соседнем стуле кучей лежали газеты и журналы, один из них был раскрыт перед ним. Тони уже наполовину расправился с ужином и на три четверти с бутылкой бургундского.

— Привет, — сказал он. — Надули тебя? Подсаживайся ко мне.

Джок довольно давно не видел Тони и при встрече несколько смешался, ибо он, как и прочие друзья, не раз задавался вопросом, Как чувствует себя Тони и насколько он осведомлен относительно Бренды и Джона Бивера. Но как бы там ни было, он подсел к Тони.

— Надули тебя? — снова спросил Тони.

— Угадал. Теперь эта стерва еще подождет, чтоб я ее пригласил.

— Надо выпить. Я уже много выпил. Лучше ничего не придумаешь.

Они выпили остаток бургундского и заказали еще бутылку.

— Приехал на ночь, — сказал Тони, — остановлюсь здесь.

— Но ведь у тебя есть квартира, разве нет?

— У Бренды есть. Вдвоем там тесно... Мы раз пробовали, ничего не вышло.

— Что она сегодня делает?

— Пошла куда-то в гости. Я ее не предупредил, что приеду... глупо, конечно, но мне опостылело торчать одному в Хеттоне, вот я и подумал. Хорошо бы повидать Бренду, и нагрянул неожиданно-негаданно. Глупее не придумаешь. Мог бы догадаться, что она наверняка идет в гости... Она никого никогда не надувает — это у нее принцип. Вот так и получилось. Она обещала позвонить сюда попозже, если сумеет удрать.

Они пили и пили.

Говорил преимущественно Тони.

— Что за идея у нее заниматься экономикой, — сказал он. — Вот уж не думал, что ее хватит надолго, но она, похоже, и впрямь увлеклась... Наверное, это неплохо... Знаешь, ей, правда, особенно нечего делать в Хеттоне. Она, конечно, не признается и под страхом смерти, но, По-моему, она там временами скучала. Я об этом много думал и пришел к такому выводу.

Бренда, должно быть, заскучала... правда, от экономики она, по-моему, тоже когда-нибудь заскучает. Но как бы там ни было, сейчас она в прекрасном настроении. К нам в последнее время каждый уикенд наезжают гости. Хотелось бы мне, чтоб и ты как-нибудь приехал, Джок. У меня как-то не налаживается контакт с новыми друзьями Вренды.

— Это что? Ее знакомые с экономических курсов?

— Нет, просто какие-то новые знакомые. Я на них нагоняю тоску, по-моему, они меня называют «старикан». Джон слышал.

— Ну, в этом еще ничего обидного нет.

— Да, обидного нет.

Они прикончили вторую бутылку бургундского и перешли на портвейн. Немного погодя Тони сказал:

— Слушай, приезжай на следующий уикенд, а?

— А что? Я с удовольствием.

— Очень бы хотелось, чтоб ты выбрался. Я теперь почти не вижу старых друзей... У нас, конечно, будет прорва народу, но ты ведь не против, а?.. Ты парень компанейский, Джок... тебе люди не мешают... А мне они мешают, передать не могу как.

Они выпили еще портвейну. Тони сказал:

— Ванных, знаешь ли, не хватает... впрочем, что же я говорю, ты ведь раньше часто у нас бывал, сам знаешь. Не то что эти новые приятели, они считают меня занудой... Ты же не считаешь меня занудой, а?

— Ну что ты, старикан.

— Даже когда я поддал, как сегодня?.. Ванные я бы построил. Уже все было запланировано. Четыре ванне. Там один парень даже чертежи сделал, но тут как раз Бренде понадобилась квартира, так что ванне в целях экономии пришлось отложить... Слушай, вот потеха-то. Из-за этой самой экономии нам приходится экономить.

— Да, потеха. Давай дернем еще портвейну. Тони сказал:

— Ты сегодня вроде не в духе.

— Еще бы. Не дают мне жизни эти чертовы чушки. Избиратели засыпают письмами.

— А я был не в духе, совсем, можно сказать, пал духом, а теперь отошел. В таком случае лучше всего надраться как следует. Так я и сделал, и теперь снова воспрял духом... обидно как-то: приехал в Лондон, а тебя и видеть не хотят. Вот потеха, ты не в духе, потому что тебя надула твоя девица, а я потому что моя не хочет надувать.

— Да, потеха.

— А знаешь, я уже давно не в духе... много недель... совсем, можно сказать, пал духом... так как насчет коньяку?

— Почему бы и нет? В конце концов в жизни есть кое-что еще, кроме женщин и чушек.

Они дернули еще коньяку, и Джок постепенно прибодрился. Вскоре к их столу подошел рассыльный.

— С поручением к вам от леди Бренды.

— Отлично, пойду поговорю с ней.

— Звонила не ее милость, сэр. Нам только передали поручение.

— Пойду поговорю с ней.

Он спустился в холл к телефону.

— Детка, — сказал он.

— Это мистер Ласт? У меня к вам поручение от леди Бренды.

— Ладно, соедините меня с ней.

— Она не может говорить с вами, сэр, она просила передать, что очень сожалеет, но никак не сможет сегодня с вами встретиться. Она очень устала и поехала домой спать.

— Передайте ей, что я хочу с ней поговорить.

— Извините, но это никак невозможно. Она легла спать. Она очень устала.

— Она устала и легла спать?

— Совершенно верно.

— Так вот, я хочу поговорить с ней.

— Спокойной ночи, — сказал голос.

— Старикан надрался, — сказал Бивер, вешая трубку.

— О господи, мне его ужасно жалко. Но он сам виноват, нечего сваливаться как снег на голову. Надо его проучить, чтоб больше не подкидывал таких сюрпризов.

— И часто с ним такое бывает?

— Нет, это что-то новое. Раздался телефонный звонок.

— Как ты думаешь, это опять он? Пожалуй, лучше мне подойти.

— Я хочу говорить с леди Брендой Ласт.

— Тони, милый, это я, Бренда.

— Какой-то идиот сказал, что я не могу с тобой говорить.

— Я поручила позвонить тебе оттуда, где я обедала. Ну как, веселишься всюю?

— Тоска зеленая. Я с Джоком. Ему не дают жизни чушки. Ну как, можно нам к тебе заехать?

— Нет, нет, только не сейчас, милый. Я жутко устала и ложусь в постель.

— Ну так мы к тебе едем.

— Тони, а ты не пьян, самую чуточку?

— В драбадан. Так мы с Джоком едем к тебе.

— Тони, я запрещаю. Слышишь? Я не допущу, чтоб вы здесь буянили. У этого дома и так плохая репутация.

— Мы с Джеком смешаем его репутацию с дерьмом, когда приедем.

— Тони, слушай меня, пожалуйста, не приезжай сегодня. Будь хорошим мальчиком, останься в клубе. Слышишь, ну пожалуйста!

— Сию минуту будем. — Он повесил трубку.

— О господи, — сказала Бренда. — Тони на себя непохож. Позвони в Брэтт-клуб и добудь Джока. До него скорее дойдет.

— Я говорил с Брендой.

— Так я и понял.

— Она у себя. Я сказал, что мы заскочим к ней.

— Превосходно. Сто лет ее не видел. Очень уважаю Бренду.

— И я ее уважаю. Она молодчина.

— Да, молодчина, ничего не скажешь.

— Вас просит к телефону дама, мистер Грант-Мензис.

— Какая дама?

— Она не назвалась.

— Ладно. Подойду.

Бренда сказала:

— Джок, что ты сделал с моим мужем?

— Он выпил, только и всего.

— Выпил — не то слово. Он буйствует. Послушай, он грозитя приехать. Я просто валяюсь с ног от усталости, мне не под силу вынести его сегодня. Скажи, ты меня понял?

— Конечно, понял.

— Так ты уж, будь добр, удержи его, ладно? Ты что, тоже пьян?

— Самую малость.

— Господи, а тебе можно доверять?

— Сделаю все, что смогу.

— Звучит не очень обнадеживающе. До свиданья. Джон, тебе придется уехать. Эти буяны могут в любую минуту ворваться. У тебя есть деньги на такси? Возьми у меня в сумке мелочь.

— Звонила твоя дама сердца?

— Да.

— Помирился?

— Не совсем.

— Зря, всегда лучше помириться. Дернем еще коньяку или прямо закатимся к Бренде?

— Давай дернем еще коньяку.

— Джок, ты ведь воспрял духом, верно? Нельзя падать духом. Я вот не падаю. Раньше падал, а теперь нет.

— Нет, я не падаю духом.

— Тогда дернем еще коньяку и поедem к Бренде.

— Идет.

Через полчаса они сели в машину Джокa.

— Знаешь что, на твоem месте я не сел бы за руль...

— Не сел бы?

— Ни за что. Скажут еще, что ты пьян.

— Кто скажет?

— Да тот тип, которого ты задавишь. Обязательно скажет, что ты пьян.

— И не ошибется,

— Так вот, я на твоem месте не сел бы за руль.

— Идти далеко.

— Давай возьмем такси.

— К черту все, я вполне могу сесть за руль.

— Давай вообще не поедem к Бренде.

— Нет, как можно не поехать, — сказал Джок, — она нас ждет.

— Я не могу идти пешком в такую даль. И потом, она вроде не так уж хотела нас видеть.

— Ей будет приятно, если мы приедem.

— Да, но это далеко. Пойдем лучше куда-нибудь еще. — А я хочу к Бренде, — сказал Джок, — ужасно уважаю Бренду.

— Она молодчина.

— Молодчина, что и говорить.

— Давай возьмем такси и поедem к Бренде.

На полпути Джок сказал:

— Давай не поедem к Бренде, Давай поедem куда-нибудь еще. Давай поедem в притон разврата.

— А мне все равно. Вели ему ехать в притон разврата.

— В притон разврата, — сказал Джок, просовывая голову в окошечко.

Машина развернулась и помчалась к Риджент-стрит.

— Можно ведь позвонить Бренде из притона.

— Да, надо ей позвонить. Она молодчина.

— Молодчина, что и говорить.

Машина свернула на Голден-сквер, а оттуда на Синк-стрит, сомнительной репутации райончик, населенный в основном уроженцами Азии.

— Знаешь, а он, по-моему, везет нас к Старушке Сотняге.

— Не может быть. Я думал, ее давным-давно закрыли. Но вход был ярко освещен, и обшарпанный швейцар в шапчонке и обшитом галунами пальто подскочил к такси и распахнул перед ними дверцу.

Старушка Сотняга ни разу не была закрыта. В течение жизни целого поколения, пока, как грибы после дождя, нарождались новые клубы, с самыми разными названиями и администраторами и самыми разными поползновениями на респектабельность, безбедно проживали свой короткий и чреватый опасностями век и принимали смерть от рук полиции или кредиторов, Старушка Сотняга неколебимо противостояла всем козням врагов. Не то чтобы ее совсем не преследовали — вовсе нет. Несть числа случаям, когда отцы города хотели стереть ее с лица земли, вычеркивали из списков, отбирали лицензию, аннулировали право на земельный участок, весь персонал и сам владелец то и дело садились в тюрьму, в палате подавались запросы, создавались всевозможные комитеты, но, какие бы министры внутренних дел и полицейские комиссары ни возвеличивались, чтобы затем бесславно уйти в отставку, двери Старушки Сотняги всегда были распахнуты настежь с девяти вечера до четырех утра, и в клубе всегда было разливанное море сомнительного качества спиртного. Приветливая девица впустила Тони и Джека в замызганное здание.

— Не откажитесь подписаться, — попросила она, и Тони с Джеком подписали вымышленными именами бланк, гласивший:

«Я был приглашен на вечеринку с выпивкой в дом э 100 по Синк-стрит капитаном Бибриджем».

— С вас по пять шиллингов.

Содержание клуба обходилось недорого: никому из персонала, за исключением оркестрантов, жалованья не платили, а обслуга перебивалась как могла, обшаривая карманы пальто и обсчитывая пьяниц. Девиц пускали бесплатно, но им вменялось в обязанность следить, чтобы кавалеры раскошеливались.

— В последний раз, Тони, я здесь был на мальчишнике перед твоей свадьбой.

— Ты тогда здорово надрался.

— В драбадан.

— А знаешь, кто еще тогда здорово надрался, — Реджи.

Он сломал автомат с жевательной резинкой.

— Да, Реджи был в драбадан.

— Слушай, ты уже воспрял духом, больше не грустишь из-за этой девчонки?

— Да, воспрял.

— Тогда пошли вниз.

В зале танцевало довольно много пар. Почтенный старец залез в оркестр и пытался дирижировать.

— Нравится мне этот притон, — сказал Джок. — Что будем пить?

— Коньяк.

Им пришлось купить целую бутылку. Они заполнили бланк заказа винного завода Монморанси и заплатили по два фунта. На этикетке они прочли: «Самые выдержанные Ликеры, Настоящее игристое шампанское, завоз винного завода Монморанси».

Официант принес имбирное пиво и четыре стакана. К ним подсади две молодые девицы. Звали их Милли и Бэбз.

Милли сказала:

— Вы надолго в город? Бэбз сказала:

— А сигарета у вас найдется?

Тоии танцевал с Бэбз. Она сказала!

— Вы любите танцевать?

— Нет, а вы?

— Не особенно.

— В таком случае давайте посидим. Официант сказал:

— Не купите ли лотерейный билетик — разыгрывается коробка шоколада?

— Нет.

— Купите один для меня, — сказала Бэбз.

Джок принялся излагать спецификацию томасовских чушек!

...Милли сказала:

— Вы женаты, правда ведь?

— Нет, — сказал Джок.

— Это сразу видать, — сказала Милли. — Ваш приятель тоже женат.

— Тут вы не ошиблись.

— Вы просто не поверите, сколько джентльменов сюда приходит поговорить о своих женах.

— Только не он.

Тони, перегнувшись через столик, рассказывал Бэбз:

— Понимаете, у моей жены тяга к знаниям. Сейчас она изучает экономику.

Бэбз сказала:

— Мне страсть как нравится, когда у девушки есть интересы.

Официант сказал:

— Что будете заказывать на ужин?

— Да что вы, мы только пообедали.

— А вкусненькой трески не желаете?

— Знаете, что я вам скажу: мне надо позвонить. Где тут телефон?

— Вам правда нужно позвонить или в туалет? — спросила

Милли.

— Правда, Позвонить.

— Телефон наверху, в конторе.

Тони позвонил Бренде.

Она подошла к телефону не сразу;

— Слушаю, — раздалось в трубке немного погодя, — кто говорит?

— У меня к вам поручение от мистера Энтони Ласта и мистера Джоселина Грант-Мензиса.

— А, это ты, Тони? Что тебе нужно?

— Ты меня узнала? Так вот, я тебе хотел передать поручение; но раз я сам говорю с тобой, значит, я сам могу его передать, верно?

— Да.

— Так вот, мы с Джеком просим нас извинить, но мы никак не можем к тебе сегодня заглянуть.

— А.

— Надеюсь, ты на нас не обидишься, у нас куча дел.

— Все в порядке, Тони.

— Я тебя случайно не разбудил?

— Все в порядке, Тони.

— Тогда спокойной ночи.

— Спокойной ночи. Тони вернулся к столику.

— Говорил с Брендой, похоже, она сердится. Как ты думаешь, наверное, все-таки надо к ней заглянуть?

— Мы же ей обещали, — сказал Джек.

— Некрасиво подводить даму, — сказала Милли

— Теперь уже слишком поздно.

Бэбз сказала:

— Вы офицеры, правда?

— Нет, почему вы решили?

— Так мне показалось. Милли сказала:

— А мне лично деловые джентльмены больше нравятся. Они всегда что-нибудь такое расскажут.

— Вы что делаете?

— Я моделирую шапки для почтальонов.

— Ой, бросьте.

— А мой друг дрессирует моржей.

— Врите больше. Бэбз сказала:

— А один мой знакомый в газете работает. Через некоторое время Джок сказал:

— Слушай, надо что-то предпринять с Брендой, куда это годится?

— Я же ей сказал, что мы не приедем, ведь так?

— Так-то оно так... а может, она все равно на нас рассчитывает.

— Я тебе вот что скажу: пойди позвони ей и спроси начистоту, хочет она нас видеть или нет?

— Ладно.

Через десять минут он возвратился.

— Мне показалось, она сердится, — доложил он, — но я все равно сказал, что мы не приедем.

— Она, наверное, устала, — сказал Тони, — ей приходится рано вставать, чтобы успеть на экономику. Кстати говоря, я припоминаю, действительно кто-то нам говорил, что она устала, еще когда мы в клубе сидели.

— Слушай, что за мерзкая рыба?

— Официант говорит, ты ее заказывал.

— Может, и заказывал.

— Я ее отдам здешней кошке, — сказала Бэбз, — она милашка, ее Ягодкой зовут.

Раз-другой они потанцевали. Потом Джок сказал:

— Как ты считаешь, стоит нам еще позвонить Бренде?

— Наверно, стоит. Похоже, она на нас сердится.

— Давай уйдем отсюда и по дороге ей позвоним.

— А к нам вы не поедете? — спросила Бэбз.

— Сегодня, к сожалению, ничего не выйдет.

— Как же так, — сказала Милли, — куда это годится?

— Нет, нет, мы правда сегодня не можем.

— Ладно. А как насчет подарочка? Может, вы не знаете, но мы платные партнерши.

— Ах да, извините, сколько с нас?

— Ну, это вам решать. Тони дал им фунт.

— Можно и набавить, — сказала Бэбз, — мы с вами добрых два часа просидели. Джок дал еще фунт.

— Заходите опять, когда у вас будет больше времени, — сказала Милли.

— Мне что-то нехорошо, — сказал Тони на лестнице. — Пожалуй, не стану звонить Бренде.

— Поручи, пусть ей отсюда позвонят.

— Блестящая идея... Послушайте, — сказал он обшарпанному швейцару. Позвоните по этому номеру Слоун и так далее, соединитесь с ее милостью и передайте, что мистер Грант-Мензис и мистер Ласт очень сожалеют, но никак не смогут навестить ее сегодня вечером. Усекли?

Он дал швейцару полкроны, и они вывалились на Синкстрит.

— Мы сделали все, что могли, — сказал он, — Бренде не на что обижаться.

— Знаешь, что я сделаю. Я ведь все равно прохожу мимо нее, так что я позвоню ей в дверь — на всякий случай, вдруг она еще не легла и ждет нас.

— Точно, так и сделай. Ты настоящий друг, Джок.

— Ужасно уважаю Бренду. Она молодчина.

— Молодчина, что и говорить... Ох, как мне нехорошо.

На следующий день Тони проснулся, горестно вороша в уме отрывочные воспоминания предыдущей ночи. Чем больше он вспоминал, тем более мерзким представлялось ему его поведение.

В девять он принял ванну и выпил чаю. В десять терзался вопросом, следует ли позвонить Бренде. Но тут она позвонила ему,

тем самым решив проблему.

— Ну, Тони, как ты себя чувствуешь?

— Ужасно. Я вчера зверски надрался.

— Совершенно верно.

— И к тому же я чувствую себя таким виноватым.

— Ничуть не удивительно.

— Я не все хорошо помню, но у меня сложилось впечатление, что мы с Джеком тебе здорово надоедали.

— Совершенно верно.

— Ты очень сердисься?

— Вчера — очень. Тони, ну что вас на это толкнуло, двух взрослых мужчин?

— Мы были не в духе.

— Ручаюсь, что сегодня вы еще больше не в духе. Только что принесли коробку белых роз от Джока.

— Жаль, что я не додумался.

— Вы такие дети оба.

— Значит, ты в самом деле не сердисься?

— Ну конечно, нет, милый. А теперь быстренько возвращайся домой. Завтра ты придешь в норму.

— А я тебя не увижу?

— Сегодня, к сожалению, нет. У меня все утро лекции, а потом я иду в гости. Но я приеду в пятницу вечером или в крайнем случае в субботу утром.

— Понимаю. А никак нельзя удрать из гостей или с одной из лекций?

— Никак нельзя, милый.

— А, понимаю. Ты просто ангел, что не сердисься за вчерашнее.

— Такая удача бывает раз в жизни, — сказала Бренда, — насколько я знаю Тони, его еще много недель будут мучить угрызения совести. Вчера я от злости на стенку лезла, но дело того стоило. Ему жутко стыдно, и теперь, что бы я ни делала, он просто не посмеет обидеться, а уж сказать что-нибудь и подавно, и вдобавок бедный мальчик еще не получил никакого удовольствия, и это тоже хорошо. Надо его проучить, чтобы он больше не подкидывал таких сюрпризов.

— Любишь ты уроки давать, — сказал Бивер.

В 3.18 Тони вылез из поезда продрогший, усталый и раздавленный сознанием своей вины. Джон Эндрю приехал встречать его с машиной.

— Здравствуй, па, весело было в Лондоне? Ты ведь не сердишься, что я приехал на станцию, правда? Я упросил няню отпустить меня.

— Очень рад тебя видеть, Джон.

— Как мама?

— Вроде хорошо. Я не видел ее.

— А ты мне говорил, что едешь повидаться с вей.

— Да, так оно и было, только ничего не получилось. Я говорил с ней несколько раз по телефону.

— Но ведь ты можешь звонить ей отсюда, разве нет, пап? Зачем ехать так далеко в Лондон, чтобы говорить с ней по телефону? Зачем, а, пап?

— Слишком долго объяснять.

— Ну, а ты хоть немножечко объясни... Зачем, а, пап?

— Послушай, я устал. Если ты не прекратишь свои вопросы, я никогда больше не разрешу тебе приезжать к поезду.

У Джона Эндрю рот пополз на сторону.

— Я думал, ты обрадуешься, что я тебя встретил.

— Если ты заплачешь, я тебя пересажу вперед к Доусону. В твоём возрасте неприлично плакать.

— А мне еще лучше с Доусоном, — проговорил, всхлипывая, Джон Эндрю.

Тони в рупор велел шоферу остановиться, но тот не расслышал. Так что он повесил трубку на крючок, и дальше они ехали в молчании; Джон Эндрю прижался к стеклу и слегка похныкивал. Когда они подъехали к дому, Тони сказал:

«Няня, в дальнейшем я запрещаю Джону ездить на станцию без специального разрешения ее милости или моего».

— Конечно, сэр, я бы и сегодня его не пустила, но он так просился. Пойдем, Джон, Снимай скорей пальтишко. Боже мой, мальчик, куда ты дел носовой платок?

Тони ушел в библиотеку и сидел там в одиночестве перед огнем.

«Двое взрослых тридцатилетних мужчин, — думал он, — вели себя словно кадеты, вырвавшиеся на вечерок из Сандхерста,^[13] - перепились, обрывали телефон, плясали с проститутками в Старушке

Сотняге. И Бренда после этого была еще со мной так мила — вот что горше всего». Он немного вздремнул, потом поднялся к себе переодеться.

За обедом он сказал:

— Эмброуз, впредь, когда я буду обедать один, накрывайте мне в библиотеке.

Потом сел с книжкой перед огнем, но читать не мог. В десять часов перед тем, как пойти наверх, он раскидал дрова в камине, закрыл окна и выключил свет. Этой ночью он спал в пустой спальне Бренды.

II

Так прошла среда. В четверг Тони возродился. Утром он ходил на заседание совета графства. Днем зашел на ферму и поговорил о новой модели трактора с управляющим. А потом уже можно было повторять: «Завтра в это же время Бренда и Джок будут здесь». Обедал он перед камином в библиотеке. Диету он забросил много недель назад. («Эмброуз, когда я один, мне не нужен полный обед. В будущем готовьте для меня только два блюда».) Он просмотрел счета, которые оставил ему управляющий, и лег спать со словами: «Когда я проснусь, уже будет пятница».

Однако наутро пришла телеграмма от Джека:

«Приехать не могу, должен быть избирателей, если через две недели».

Тони ответил телеграммой: «Восторге любое время всегда дома».

«Наверное, помирился со своей девицей», — решил Тони.

Пришла и записка от Бренды, нацарапанная карандашом:

«Приезжаю в субботу с Полли и приятельницей Полли, Вероникой, в машине П. (Скорее всего и Дейзи. Горничные и багаж поездом 3.18.

Сообщи, пожалуйста, Эмброузу и миссис Моссон. Для Полли надо открыть Лионнес, ^[14] ты знаешь, как она строга насчет комфорта. Веронику можно поместить куда угодно — только не в Галахада. Полли говорит, она оч. занятая. С

ними приедет миссис Бивер, — не сердись, пожалуйста, это по делу: она думает, ей удастся что-нибудь сделать с утренней комнатой. Полли везет шофера. Кстати, на следующей неделе я оставлю Гримшо в Хеттоне, скажи миссис Моссоп.

Снимать ей жилье в Лондоне и хлопотно и накладно. По правде говоря, я могла бы обойтись и без нее, что ты скажешь? Хотя она незаменима с шитьем. Страх как хочу увидеть Джона. Все уедут обратно в воскресенье вечером. Не упивайся, милый. Приложи все усилия.

* * * * * Б.»

В пятницу Тони не знал, чем заполнить время. С письмами, он покончил к десяти. Пошел на ферму, но и там ему нечего было делать. Обязанности, прежде казавшиеся столь многочисленными и разнообразными, теперь занимали ничтожную часть дня; он сам не сознавал, как много времени он, бывало, проводил с Брендой. Он посмотрел, как Джон катается по загону. Мальчик явно затаил на него обиду после ссоры в среду; когда Тони зааплодировал Удачному прыжку, Джон сказал:

— Он еще не так может. — И потом: — А когда мама приедет?

— Только завтра.

— А.

— Мне сегодня утром надо съездить в Литл-Бейтон. Хочешь поехать со мной? Может, нам удастся посмотреть псарню.

Джон уже много недель приставал, чтоб его туда взяли.

— Нет, спасибо, — сказал он. — Я хочу закончить картину.

— Ты можешь ее закончить и потом.

— А я хочу сегодня.

Когда Тони ушел, Бен сказал:

— Ты чего это взъелся на папашу? Ты ведь никому проходу не давал — с самого рождества клянчил, чтоб тебя взяли на псарню.

— А ну его, — сказал Джон.

— Ах ты, пащенок, слыханное ли дело об отце так говорить?

— А ты при мне не смеешь говорить «пащенок», мне няня сказала.

Итак, Тони отправился в Литл-Бейтон один, ему нужно было обсудить кое-какие дела с полковником Бринком. Он надеялся, что Бринки оставят его у себя, но полковник с женой были званы на чай к соседям, и он в сумерках вернулся в Хеттон. Легкий туман стлался по парку, доходя до груди, серые контуры башен и зубчатых стен расплывались в воздухе, истопник спускал флаг на главной башне.

— Бренда, страдальца моя, какая чудовищная комната, — сказала миссис Бивер.

— Мы ею почти не пользуемся, — холодно сказал Тони.

— Надо думать, — сказала та, которую называли Вероникой.

— Не понимаю, чем она плоха, — сказала Полли, — вот разве что старомодная.

— Видите ли, — объясняла Бренда, не глядя на Тони, — мне нужна хотя бы одна сносная комната внизу. Сейчас у нас только курительная и библиотека. Гостиная огромная, и о ней не может быть и речи. Я думала, мне нужно что-то вроде будуара более или менее для себя. Как вы думаете, есть тут от чего оттолкнуться?

— Но, ангел мой, она вся в углах, — сказала Дейзи, — и потом еще этот камин, из чего он, кстати, сделан, из розового гранита? И вся эта лепнина и панели. Нет, тут все чудовищно. И вдобавок она такая мрачная.

— Я точно представляю, что нужно Бренде, — сказала миссис Бивер, давая задний ход, — и, по-моему, это вполне осуществимо. Мне надо подумать. Как сказала Вероника, форма, конечно, налагает известные ограничения... но, знаете, я думаю правильнее всего будет начисто ее игнорировать и найти такое решение, которое вынесло бы на себе всю нагрузку, вы меня понимаете? Предположим, мы обшиваем стены хромированными панелями, а на пол кладем ковер из натуральной овчины... Только боюсь, не превысит ли это сумму, которую вы рассчитывали потратить.

— Будь моя воля, я б тут все взорвала ко всем чертям, — сказала Вероника.

Тони ушел, оставив их спорить на свободе.

— Неужели ты в самом деле хочешь, чтоб миссис Бивер занялась утренней комнатой?

— Нет, конечно, если ты против, милый.

— Ты представляешь себе, на что это будет похоже — белые хромированные панели?

— Ну, это просто так, рабочий вариант. Тони расхаживал между Морганой ле Фэй и Гиневрой. Он всегда так делал, когда они одевались к обеду.

— Послушай, — сказал он, возвращаясь с жилетом, — ты не уедешь завтра с ними, нет ведь?

— Придется.

Он вернулся в Моргану де Фэй за галстуком, пришел с ним к Бренде, и подсел завязать его к туалетному столику.

— Да, кстати, — сказала Бренда, — что ты думаешь насчет Гримша? По-моему, держать ее дальше — просто выкидывать деньги на ветер.

— Ты всегда говорила, что без нее тебе не обойтись.

— Да, но с тех пор, как я живу в квартире, все так упростилось.

— Живешь? Детка, ты говоришь так, словно навеки там поселилась.

— Ты не отодвинешься на минутку, милый? Мне ничего не видно.

— Бренда, сколько времени ты еще собираешься изучать экономику?

— Кто? Я? Не знаю.

— Но ты же должна иметь представление хотя бы в общих чертах.

— Понимаешь, просто невероятно, сколько всего надо еще выучить. Когда я начала, я так от всех отставала.

— Бренда...

— А теперь быстренько иди за пиджаком. Все, наверное, уже внизу.

Вечером Полли и миссис Бивер играли в триктрак. Бренда и Вероника, расположившись на диване, шили и беседовали о рукоделье; временами между женщинами завязывался общий разговор, но они то и дело перескакивали на свой жаргон, непонятный Тони, — это было воровское наречье, где слоги слов переставлялись. Тони читал под лампой невдалеке от тесного кружка.

Позже, когда все поднялись к себе наверх, гости собрались в комнате Бренды поболтать перед сном. Сквозь дверь туалетной до

Тони доносился приглушенный смех. Они кипятили воду в электрическом чайнике и принимали всей компанией «Седоброль».

Немного погодя они, пересмеиваясь, разошлись, и Тони пошел к Брендe.

В комнате было темно, но, услышав его шаги и увидев квадрат света в дверях, Брендa зажгла маленькую лампочку у изголовья.

— Что тебе, Тони?

Она лежала на возвышении, глубоко уйдя головой в подушки, лицо ее блестело от ночного крема, обнаженная рука, протянутая к выключателю, так и осталась лежать на стеганом покрывале.

— Что тебе, Тони? — сказала она. — Я уже засыпала.

— Очень устала?

— Угу...

— Не беспокоить тебя?

— Ужасно устала, и потом я только что выпила прорву этой Поллиной гадости.

— Понимаю... ну что ж, спокойной ночи.

— Спокойной ночи... ты не сердись, нет? Очень устала.

Он подопрел к постели и поцеловал ее, она лежала неподвижно с закрытыми глазами. Потом выключил свет и возвратился в туалетную.

— Леди Брендa, надеюсь, не заболела?

— Благодарю вас, ничего серьезного, легкое недомогание. Она, знаете ли, так выматывается за неделю в Лондоне, что в воскресенье ей хочется отдохнуть.

— Как великие научные свершения?

— По-моему, отлично. Ей пока не надоело.

— Замечательно. Скоро все мы будем обращаться к леди Брендe с нашими экономическими затруднениями. Но вам с Джоном, наверное, тоскливо без нее?

— Еще бы.

— Что ж, передайте ей, пожалуйста, мой сердечный привет.

— Непременно передам. Благодарю вас.

Тони ушел с паперти и пошел привычным путем к оранжереям, выбрал гардению для себя и четыре почти черных гвоздики для дам. Когда он подходил к комнате, где они сидели, его встретил взрыв смеха. В растерянности он остановился на пороге как вкопанный.

— Входи, милый, это мы не над тобой. Просто мы поспорили, какого цвета у тебя будет бутоньерка, и никто не угадал.

Прикалывая цветы, они все еще хихикали, не смеялась только миссис Бивер, она сказала:

— Всякий раз, когда вы покупаете черенки или семена, обращайтесь ко мне. Вы, может, не знаете, но у меня по этой части отлично налаженное дельце. Разные редкие цветы. Я выполняю всевозможные комиссии для Сильвии Ньюпорт и кое-кого еще.

— Поговорите с моим старшим садовником.

— Признаться, я уже поговорила, пока вы были в церкви. Он, кажется, все понял.

Они уехали рано, чтобы поспеть в Лондон к ужину. В машине Дейзи сказала:

— Ну и ну, вот так домик.

— Теперь вы понимаете, что мне пришлось пережить за эти годы.

— Бренда, страдальца моя, — сказала Вероника и, отколов гвоздику, швырнула ее на дорогу.

— Знаешь, — изливала Бренда на следующий день душу. — Я не совсем довольна Тони.

— А что, старикан себе что-нибудь позволил? — спросила Полли.

— Пока ничего особенного, но я вижу, он страшно томится в Хеттоне — ему некуда девать время.

— Я б на твоём месте не беспокоилась.

— Да я и не беспокоюсь. А только вдруг он запьёт или что-нибудь в этом роде. Это бы очень все осложнило.

— По-моему, это не в его духе... Но, вообще, надо б ему подкинуть девочку.

— Хорошо бы... А кого?

— Ну, на крайний случай всегда можно рассчитывать на старушку Сибил.

— Лапочка, да он ее знает с пеленок.

— Тогда Суки де Фуко-Эстергази.

— Он с американками теряется.

— Ничего, кого-нибудь подыщем.

— Беда в том, что он привык ко мне... Ему нелегко будет перестроиться... Как ты думаешь, лучше, чтоб она была похожа на меня или наоборот?

— По-моему, лучше, чтоб непохожа, но так с ходу не скажешь. Они обсудили проблему во всех тонкостях.

III

Бренда писала:

«Дорогой Тони, извини, что не писала и не звонила, но совсем зашилась с биметаллизмом. Оч. трудно.

Приеду в субботу — опять с Полли. Хорошо, что она согласилась снова приехать — значит, Лионесс может быть не так омерзительна, как большинство комнат.

И еще одна прелестная девушка, я с ней подружилась и хочу, чтоб мы приняли в ней участие. У нее была жуткая жизнь, она живет в моем доме. Зовут ее Дженни Абдул Акбар. Она не негритянка, но была замужем за негром. Пусть она тебе об этом расскажет. Она скорее всего приедет поездом 3.18. Кончаю, пора на лекцию.

Держись подальше от Зеленого змия.

Бренда.

Вчера вечером видела Джека в «Кафе де Пари» с лихой блондинкой.

Кто она?

У Джина, нет, у Джинна — как его там? — ревматизм, и Марджори оч. переживает. Она думает, у него смещение таза. Кратуэлл не хочет его принять, а это просто черная неблагодарность, если вспомнить, скольких клиентов она ему привела».

— Ты уверена, что он клюнет на Дженни?

— Ни в чем нельзя быть уверенной, — сказала Полли. — Меня лично от нее тошнит, но хватка у нее мертвая.

— Пап, а пап, мама сегодня приедет?

— Да.

— А с ней кто?

— Дама по имени Дженни Абдул Акбар.

— Какое глупое имя. Она иностранка?

— Не знаю.

— А имя вроде иностранное, верно, пап? Как ты думаешь, она по-английски совсем не говорит? А она черная?

— Мама говорит, что нет.

— А... а еще кто?

— Леди Кокперс.

— Обезьянья тетка. Знаешь, она вовсе не похожа на обезьяну, разве что лицом, и потом у нее, по-моему, нет хвоста, я подошел к ней близко-близко и посмотрел... Правда, она могла его спрятать между ног. Как ты думаешь, а, пап?

— Я бы ничуть не удивился.

— Очень уж неудобно.

Тони и Джон снова стали друзьями, но эта неделя далась им нелегко.

По плану, выработанному Полли Кокперс, они должны были приехать в Хеттон попозже. «Пусть Дженни как следует за него возьмется», — сказала она.

Поэтому они с Брендой тронулись из Лондона, только когда Дженни проехала уже полдороги от станции. Пронзительно холодный день то и дело прорывался дождем. Решительная дамочка сидела, закутавшись в полость, пока машина не подъехала к воротам, — тут она открыла сумку, подоткнула вуалетку, встряхнула пуховку и привела лицо в надлежащий вид. Острым красным языком она слизнула с пальца помаду.

Тони доложили о гостье, когда он сидел в курительной; в библиотеке днем было слишком шумно, потому что рядом в утренней комнате рабочие, не щадя сил, сдирали гипсовые узоры со стен.

— Княгиня Абдул Акбар.

Он поднялся ей навстречу. Дженни опережало тяжелое облако мускуса.

— О мистер Ласт, — сказала она, — какой у вас миленький домик, и такой старинный.

— Видите ли, он был сильно реставрирован, — сказал Тони.

— Да, конечно, но сама атмосфера! Для меня это главное в любом доме. Какое благородство, какой покой. Но вы, разумеется, уже

привыкли и не замечаете. Только когда переживешь настоящее горе, как я, начинаешь ценить такие вещи.

Тони сказал:

— К сожалению, Бренды еще нет. Она приедет на машине с леди Кокперс.

— Бренда мне такой друг, такой друг, — княгиня скинула меха, расположилась на стуле перед камином и уставилась на Тони.

— Вы не будете возражать, если я сниму шляпу?

— Нет, нет... что вы.

Дженни швырнула шляпку на диван и тряхнула тусклочерной, крутозавитой шевелюрой.

— Знаете, мистер Ласт, я вас сразу без церемоний стану звать Тедди. Вы не сочтете это за дерзость с моей стороны? А вы называйте меня Дженни. Княгиня слишком церемонно, правда? И наводит на мысль о шальварах и золотых галунах... Конечно, — продолжала она, протягивая руки к огню и перегибаясь так, что волосы упали ей на лицо, — моего мужа в Марокко не называли князем, он носил титул муллы, но для жены муллы нет соответствующего титула, так что в Европе я называю себя княгиней... На самом деле мулла, конечно, гораздо более высокий титул... Мой муж потомок пророка по прямой линии. Вы интересуетесь Востоком?

— Нет, то есть да. Я хотел сказать, я очень мало знаю о Востоке.

— А для меня Восток полон неизъяснимого очарования. Вы должны туда поехать, Тедди. Я уверена, вам понравится Восток. Я и Бренде то же самое говорила.

— Вы, наверное, хотите посмотреть вашу комнату, — сказал Тони. — Скоро подадут чай.

— Нет, я останусь здесь. Меня так и манит свернуться, как Кошка, клубочком у огня, и если вы будете со мною ласковы, я замурлычу, а если жестоки — не замечу, совсем как кошка... Ну так как, мне мурлыкать, Тедди?

— Кхм... да... то есть, пожалуйста, если вам так хочется.

— Англичане такие мягкие и деликатные. Ах, как чудесно — снова оказаться здесь среди них... среди моих дорогих соотечественников. Иногда, в такие вот, как сейчас, минуты, когда вокруг меня очаровательные предметы нашей английской старины и

милые люди, я оглядываюсь на мою жизнь, и она кажется мне кошмаром... Но тут я вспоминаю о моих шрамах...

— Бренда говорит, вы сняли квартиру в одном с ней доме. Они, должно быть, очень удобные?

— Вы англичанин до мозга костей, Тедди, вы стыдитесь говорить о личном, сокровенном... Знаете, именно этим вы мне и нравитесь. Я так стремлюсь ко всему надежному, безыскусному и доброму после... после всего, что я пережила.

— Вы тоже занимаетесь экономикой, как Бренда, или нет?

— Нет, а разве Бренда занимается экономикой? Она мне никогда не говорила. Поразительная женщина, где только она находит время?

— Вот наконец и чай, — сказал Тони. — Надеюсь, вы не откажетесь от пышек? Почти все наши гости сидят на диете. А по моему, пышки из тех немногих вещей, что делают английскую зиму сносной.

— Да, Англия немыслима без пышек, — сказала Дженни. Она ела с аппетитом и часто облизывала губы, подбирая прилипшие крошки и подтаявшее масло. Капля масла упала ей на подбородок и сверкала и переливалась там, замеченная только Тони. Он вздохнул с облегчением, когда привели Джона Эндрю.

— Поди сюда, я тебя представлю княгине Абдул Акбар.

Джон никогда не видел настоящей княгини; он уставился на нее как зачарованный.

— А ты меня не поцелуешь?

Он подошел, и она поцеловала его в рот.

— Ой, — сказал он, отстраняясь, стер с губ помаду и тут — Какой чудесный запах.

— Это последняя нить, связывающая меня с Востоком.

— А у вас на подбородке масло.

Дженни со смехом потянулась за сумочкой.

— Так оно и есть. Тедди, ну отчего вы мне не сказали?

— А почему вы папу называете Тедди?

— Потому что я надеюсь, что мы с ним станем большими друзьями.

— Вот чудная причина.

Джон пробыл с ними около часу и все это время зачарованно следил за Дженни.

— А у вас есть корона? — спрашивал он. — А как вы научились говорить по-английски? А из чего это большое кольцо? А оно дорогое? А почему у вас ногти такого странного цвета? А вы умеете ездить верхом?

Она отвечала на все вопросы — иногда довольно загадочно и с явной оглядкой на Тони. Потом достала крошечный, сильно надушенный платок и показала Джону монограмму.

— Вот моя корона единственная... сейчас, — ответила она. Она рассказала ему, какие у нее были лошади — лоснящиеся, вороные, с изогнутыми шеями, с серебряных мундштуков падает пена, налобники украшены перьями, сбруя в серебряных бляшках, алые чепраки. — А в день рождения муллы...

— Кто такой мулла?

— Очень красивый и очень жестокий человек, — сказала она многозначительно, — в его день рождения все всадники собирались на большой площади, на лошадях были самые красивые попоны, люди надевали лучшие одежды и украшения, а в руках держали длинные сабли. Мулла обычно сидел на троне под огромным алым балдахин.

— А что такое балдахин?

— Вроде навеса, — сказала она уже недовольно и продолжала медовым голосом: — Всадники мчались во весь опор по равнине, вздымая тучи пыли и рассекая воздух саблями, прямо к мулле. У всех перехватывало дыхание, казалось, что всадники наедут на муллу, но уже за несколько шагов, ну вот так, как ты от меня, — они удерживали лошадей поводьями, поднимали их в знак приветствия на дыбы...

— Но так же не положено, — сказал Джон. — Это очень плохая выездка, Бен так говорит.

— Они лучшие всадники в мире. Это всем известно.

— Нет, нет, не может быть, если они так ездят. Это самое последнее дело. А они туземцы?

— Да, конечно.

— А Бен говорит, что туземцы нелюди.

— Ну, он, наверное, имел в виду негров. А эти чисто семитского типа.

— А это что такое?

— То же самое, что евреи.

— А Бен говорит, евреи еще хуже туземцев.

— О господи, мальчик, какой ты строгий. Я тоже когда-то была такая. Жизнь учит терпимости.

— Бена жизнь не научила, — сказал Джон. — А когда мама приезжает? Я думал, она здесь, а то я б лучше картину закончил.

Однако, когда за ним пришла няня, Джон сам, без приглашения, подошел к Дженни и поцеловал ее на прощанье.

— Спокойной ночи, Джонни-лапочка, — сказала она.

— Как вы меня называли?

— Джонни-лапочка.

— Как чудно вы всех обзываете.

Наверху, мечтательно помешивая ложкой хлеб с молоком, Джон говорил:

— Нянь, а княгиня очень красивая, правда? Няня фыркнула.

— На вкус, на цвет товарищей нет, — сказала она.

— Она красивей мисс Тендрил, правда. По-моему, она красивей всех, кого я видел... Она придет посмотреть, как я купаюсь, как ты думаешь?

Внизу Дженни говорила:

— Какой дивный ребенок. Я обожаю детей. Для меня это была такая трагедия. Мулла впервые показал свое Истинное Лицо, когда узнал, что у меня не может быть детей. Не моя тут вина... дело в том, что у меня смещена матка... Не знаю, почему я вам все это рассказываю, но я чувствую, что вы меня поймете. К чему понапрасну терять время и таиться, если наперед знаешь, что сойдешься с человеком... Мне сразу подсказывает интуиция, кто станет мне подлинным другом...

Полли и Бренда приехали к семи. Бренда сразу же прошла в детскую.

— Ой, мам, — сказал Джон. — У нас внизу такая красивая тетя. Попроси ее, чтоб она пришла сказать мне спокойной ночи. Няня говорит, она не придет.

— А папе она понравилась, как тебе показалось?

— Он почти все время молчал... Она ничего не понимает ни в лошадях, ни в туземцах, но она здорово красивая. Пожалуйста, попроси, пусть она ко мне придет.

Бренда спустилась и нашла Дженни с Полли и Тони в курительной.

— Ты имела бурный успех у Джона Эндрю. Он не хочет ложиться спать, пока тебя не увидит.

Дамы поднялись вместе, Дженни сказала:

— Они оба такие милашки.

— Ну, как ты поладила с Тони? Извини, что я не успела к твоему приезду.

— Он такой участливый и мягкий... и такой печальный.

Они присели на кроватку Джона в ночной детской. Джон выполз из-под одеяла и прильнул к Дженни.

— Марш под одеяло, — сказала она, — не то я тебя отшлепаю.

— Больно отшлепаете? Пожалуйста, я не против.

— О господи, — сказала Бренда, — ты просто потрясла его воображение. За ним такого никогда не водилось.

Когда они ушли, няня распахнула настежь второе окно.

— Фу, — сказала она, — всю комнату провоняли.

— Неужели тебе не нравится? По-моему, ужасно приятный запах.

Бренда проводила Полли в Лионесс. Это были обширные покои, обставленные мебелью атласного дерева для короля Эдуарда, когда, еще в бытность свою принцем Уэльским, он однажды собирался приехать на охоту в Хеттон, да так и не собрался.

— Ну, как успехи? — спросила она нетерпеливо.

— Рано судить. Но я уверена, все будет в порядке.

— Она не того пленила. В нее по уши влюбился Джон Эндрю... Это уж совсем ни к чему.

— Я бы сказала, что Тони с ходу не расшевелить. Жаль, что она перепутала его имя. Как ты думаешь, сказать ей или нет?

— Нет, оставим как есть.

Когда они одевались к обеду, Тони спросил Бренду:

— Слушай, кто эта дама — такой нарочно не придумаешь.

— Милый, неужели она тебе не понравилась? В голосе ее прозвучало такое неприкрытое разочарование и огорчение, что Тони был тронут.

— Ну, не то чтоб она мне решительно не понравилась. Просто такой нарочно не придумаешь, ты не согласна?

— Разве?.. О господи... у нее, знаешь ли, была такая жуткая жизнь.

— Это она мне дала понять.

— Тони, ну пожалуйста, постарайся быть с ней повнимательней.
— Постараюсь. Она что, еврейка?
— Не знаю. Я как-то об этом не думала. Возможно. Вскоре после обеда Полли объявила, что устала, и попросила Бренду посидеть с ней, пока она будет раздеваться.
— Оставим голубков наедине, — сказала она за дверью.
— Радость моя, по-моему, этот номер не пройдет. Знаешь, у старикана все-таки есть какой-то вкус и чувство юмора.
— За обедом она себя показала не в лучшем свете, правда?
— Если б она могла хоть минуту помолчать... и потом, за семь лет Тони успел ко мне привыкнуть. Контраст слишком разительный.
— Устала?
— Угу. Немного.
— А ты надолго кинула меня в пасть этой Абдул Акбар.
— Знаю. Извини, милый, но Полли так долго копается... Это было ужасно? Жаль, что она тебе так не понравилась.
— Она чудовищна.
— Надо быть снисходительным... у нее такие жуткие шрамы.
— Это она мне успела сообщить. — А я их видела.
— И кроме того, я надеялся хоть немного побыть с тобой
— А.
— Бренда, может, ты еще сердишься за то, что я тогда таь надрался и обрывал тебе телефон?
— Нет, милый, разве похоже, что я сержусь?
— ...Не знаю. Вроде бы да... Как прошла неделя — весело?
— Какое там. Очень много работы. Биметаллизм, сам понимаешь.
— А, конечно... ты, наверное, хочешь спать?
— Угу... так устала. Спокойной ночи, дорогой.
— Спокойной ночи.
— Мама, можно мне пойти поздороваться с княгиней?
— Она, наверное, еще не встала.
— Ну, пожалуйста, мама, разреши. Я только загляну и, если она спит, сразу уйду.
— Я не знаю, в какой она комнате.
— В Галахаде, ваша милость, — сказала Гримшо, которая выкладывала ее платья.
— О господи, почему ее туда поместили?

— Так распорядился мистер Ласт, миледи.

— В таком случае она скорее всего проснулась

Джон выскользнул из комнаты и потрусил по коридору к Галахаду.

— Можно к вам?

— Привет, Джонни-лапочка. Входи. Джон повис на дверной ручке, его то вносило в комнату, то выносило в коридор.

— А вы уже завтракали? Мама сказала, что вы, наверное, еще спите.

— Я уже давно не сплю. Видишь ли, я когда-то чудом осталась жива и после этого стала плохо спать. Теперь даже самые мягкие постели для меня жестки.

— Ого! А как это получилось? Вы в машине разбились?

— Нет, не в машине, Джонни-лапочка, вовсе нет... Но входи же. От двери дует. Смотри, у меня есть виноград. Хочешь? Джон вскарабкался на постель.

— А вы что сегодня будете делать?

— Еще не знаю. Мне не сказали.

— Так я вам скажу. Утром мы пойдем в церковь, потому что мне все равно надо идти, потом пойдем посмотрим Громобоя, и я покажу вам, где мы прыгаем, а потом вы можете посидеть со мной, пока я обедаю, я ведь обедаю рано, а потом мы можем пойти в Брутонский лес, а няню можно не брать, она там только пачкается, вы посмотрите нору, где мы нашли лису, прямо на опушке леса, она еще от нас чуть не сбежала, а потом мы вернемся и будем пить чай в детской, и еще у меня есть граммофончик, мне его дядя Реджи подарил, он играет «Как папа гостиную клеил», а вы знаете эту песню? Бен знает, а еще я вам покажу свои книжки и картину: я нарисовал битву при Марстон-Муре.^[15]

— Звучит очень соблазнительно. Но тебе не кажется, что мне надо уделить внимание папе, маме и леди Кокперс?

— Да ну их... И потом это враки, что у леди Кокперс есть хвост. Ну, пожалуйста, побудьте сегодня со мной, ладно?

— Посмотрим.

— Она пошла с ним в церковь. Это хороший признак, верно?

— По правде говоря, Полли, не слишком. Он любит ходить туда один или со мной. Он потом судачит с деревенскими.

— Она ему не будет мешать.

— Боюсь, что ты не раскусила старика. Он куда сложнее, чем кажется на первый взгляд.

— Из вашей проповеди, ректор, я поняла, что вы знаете Восток?

— Да, да, я там провел почти всю жизнь.

— Восток полон неизъяснимого очарования, не правда ли?

— Пошли, — сказал Джон, дергая ее за пальто. — Нам надо еще посмотреть Громобоя.

И Тони вернулся с бутоньерками один. После обеда Бренда сказала:

— Почему бы тебе не показать Дженни дом?

— О, пожалуйста, покажите.

Когда они подошли к утренней комнате, он сказал:

— Бренда ее переделывает.

Там валялись доски, стояли стремянки, грудями лежала штукатурка.

— Ах, какой стыд, Тедди. У меня сердце кровью обливается, когда уничтожают старину.

— Мы редко пользуемся этой комнатой.

— И все равно... — она пнула ногой геральдическую лепнину, загромождавшую пол вперемежку с потускневшей позолотой и пыльной резьбой.

— Знаете, Бренда мне такой друг. Я не хотела бы говорить о ней плохо... но с тех пор, как я здесь, я не могу отделаться от мысли, что она не ценит этого дивного дома и не понимает, что он значит для вас.

— Расскажите мне еще о ваших зловключениях, — сказал Тони, уводя ее обратно к главной зале.

— Вы стыдитесь говорить о себе, правда, Тедди? Знаете, нехорошо замыкаться. Я ведь тоже была очень несчастлива.

Тони затравленно озирался по сторонам, высматривая, не придет ли ему кто на помощь; и помощь пришла.

— А, вот вы где, — сказал решительный детский голосок. — Пошли. Нам пора в лес. Надо торопиться — скоро стемнеет.

— Ой, Джонни-лапочка, а это обязательно? Я ведь разговариваю с папой.

— Пошли. Я уже договорился. А потом вам разрешат пить со мной наверху чай.

Тони уполз в библиотеку, рабочие сегодня отдыхали, и в ней вполне можно было жить. Два часа спустя на него там наткнулась Бренда.

— Тони, ты один? Мы думали, ты с Дженни. Что ты с ней сделал?

— Джон увел ее... и очень кстати, а то бы я ей нагрубил.

— О господи, мы с Полли сидим в курительной. Приходи пить чай. У тебя вид какой-то странный — ты что, спал?

— Видно, придется списать это дело в расход — окончательно и бесповоротно.

— Не понимаю, на что он рассчитывает? Он, знаешь ли, тоже не на всякий вкус.

— Я думаю, может, все бы и сработало, если б она не перепутала его имени.

— Во всяком случае, тебе это развязывает руки. Ты сделала все чтоб взбодрить старикана, не всякая жена будет так из кожи вон лезть.

— Ты совершенно права, — сказала Бренда.

IV

Еще пять дней, и Бренда снова приехала в Хеттон.

— На той неделе я не появлюсь, — сказала она. — Поеду к Веронике.

— А меня приглашали?

— Конечно, приглашали, но я за тебя отказалась. Знаешь, ты ведь так не любишь уезжать из Хеттона.

— Я б не прочь поехать.

— Милый, какая жалость, если б я только знала. Вероника была б так рада... но боюсь, теперь уже поздно. У нее такой крохотный домик... и потом, честно говоря, мне показалось она тебе не очень понравилась.

— Не то слово.

— Так в чем же дело?..

— Неважно. Тебе, наверное, надо быть в Лондоне в понедельник? Помнишь, у нас в среду охотничий сбор.

— Даем приемчик на лужайке?

— Да, детка. Ты же знаешь, как всегда.

— Значит, так тому и быть.

— А ты никак не могла бы остаться до среды?

— Никак, милый. Понимаешь, если я пропущу одну лекцию, я ужасно отстану и не разберусь в следующей. И потом я не так уж рвусь глядеть на собак.

— Бен спрашивал, разрешим ли мы Джону поехать на охоту?

— Нет, он еще мал.

— Да нет, охотиться он не будет. Я думал, он мог бы подъехать на пони к месту сбора и доехать со всеми до первой чащи. Он был бы на седьмом небе.

— А это не опасно?

— Конечно, нет, почему?

— Благослови его господь, как жаль, что я его не увижу.

— А ты оставайся.

— Нет, нет, это невозможно. Не настаивай, Тони.

Разговор произошел сразу по приезде Бренды, потом все пошло лучше. На этот раз приехал и Джок, и Аллан с Марджори и еще одна супружеская пара, которую Тони знал с пеленок. Бренда весь уикенд построила с расчетом на Тони, и он был счастлив. В сумерки они с Алланом пошли стрелять кроликов из грачиных ружей, после обеда мужчины играли на биллиарде, а одна из жен глядела на игру.

— Старикан радуется, как ребенок, — сказала Бренда Марджори, — он отлично приспособливается к новому режиму.

Запыхавшиеся и раскрасневшиеся мужчины ворвались хватить виски с содовой.

— У Тони один шар чуть не вылетел в окошко, — сказал Джок.

В эту ночь Тони спал в Гиневре.

— Ведь у нас все в порядке, правда? — сказал он вдруг.

— Ну конечно, милый.

— Знаешь, я тут в одиночестве впадаю в уныние, и воображение работает.

— Тони, не хандри. Помни, хандрить запрещается.

— Больше не буду, — сказал Тони.

Наутро Бренда пошла с Тони в церковь. Она решила весь уикенд посвятить ему, а уж после этого исчезнуть надолго.

— Ну как высокая наука, леди Бренда?

— Захватывающе.

— Скоро все мы будем обращаться к вам за советом, когда превысим кредит в банке.

— Ха, ха.

— А как поживает Громобой? — спросила мисс Тендрил.

— Я на нем поеду на охоту в среду, — сказал Джон.

Княгиня Абдул Акбар была забыта в волнении перед предстоящим охотничьим сбором. «Боженька, пожалуйста, сделай, чтоб был хороший след. Боженька, пожалуйста, сделай, чтоб я увидел, как лису загонят. Боженька, пожалуйста, сделай так, чтоб у меня все вышло как надо. Боженька, благослови Бена и Громобоя. Боженька, пожалуйста, сделай так, чтоб я перепрыгнул через высоченную загородку», — всю службу повторял он.

Бренда обошла с Тони коттеджи и оранжереи, помогла ему выбрать бутоньерку.

За обедом Тони веселился. Бренда уже начала забывать, каким забавным он иногда бывает. После обеда он переоделся и пошел играть в гольф с Джеком. Потом они посидели немного в клубе. Тони сказал:

— У нас тут в среду съезжаются окрестные своры. Ты б не мог остаться?

— Должен вернуться. Предстоит дебат об этих чертовых чушках.

— Жаль. Слушай, а почему бы тебе не пригласить сюда твою даму? Завтра все уезжают. Ты ведь мог бы ей позвонить или нет?

— Мог бы.

— Думаешь, ей бы тут не понравилось? Я бы ее поместил в Лионесс — Полли там спала два уикенда подряд; наверное, это не так уж неудобно.

— Отчего же, ей, пожалуй, тут понравится. Позвоню, спрошу.

— А почему бы тебе тоже не поохотиться? Тут у одного типа, Бринкуэлл его фамилия, кажется, можно взять напрокат вполне приличных лошадей.

— Пожалуй, так я и сделаю.

— Джок остается. К нему приедет лихая блондинка. Ты не против?

— Кто? Я? Конечно, нет.

— Как прекрасно прошел уикенд.

— Мне показалось, что ты веселился вовсю.

— Совсем как в прежние времена — до эры экономики, Марджори сказала Джоку:

— Как ты думаешь. Тони знает о Бивере?

— Конечно, нет.

— Я не говорила Аллану. Как ты считаешь, он знает?

— Сомневаюсь.

— Ох, Джок, и чем это кончится?

— Бивер ей скоро надоест.

— Беда в том, что Биверу на нее наплевать. Не то она его в два счета бросила б... Она себя ведет как последняя идиотка.

— А я бы сказал, что она на редкость ловко обтяпывает свои дела, если хочешь знать мое мнение.

Другая супружеская пара тоже обменялась впечатлениями:

— Как ты думаешь, Марджори и Аллан знают о Бренде?

— Наверняка нет.

Бренда сказала Аллану:

— Тони рад-радешенек, правда?

— Веселится напропалую.

— Он меня начинал беспокоить... Ведь никак не подумаешь, что он подозревает о моих шашнях?

— Ну что ты, да ему и в голову никогда не придет. Бренда сказала:

— Понимаешь, я не хочу, чтоб ему было плохо... Марджори ведет себя так, словно она моя гувернантка.

— Вот как? Мы не обсуждали этого вопроса.

— Тогда от кого же ты узнал?

— Дорогая моя, до этой минуты я и понятия не имел, что ты водишь шашни. И сейчас ни о чем тебя не расспрашиваю.

— А... а я думала, все знают.

— У тех, кто пускается в загул, одна беда: или им кажется, что никто о них не знает, или что все на свете знают. А на самом деле только дамы вроде Полли или Сибил считают делом своей жизни разузнать подноготную каждого; остальных это просто не интересует.

— А.

Позже Аллан сказал Марджори:

— Бренда пыталась со мной откровенничать по поводу Бивера.

— Я не знала, что ты знаешь.

— Еще бы я не знал. Просто я решил не допускать, чтобы она меня посвящала: она и так вообразила себя пупом земли.

— Не могу тебе передать, как мне не нравится это увлечение. Ты знаком с Бивером?

— Встречался. Впрочем, пусть они с Тони сами разбираются — это не наше дело.

V

Блондинка Джока звалась миссис Рэттери. У Тони сложилось впечатление о ней из случайно услышанных сплетен Полли и из отрывочной информации, оброненной Джеком. Было ей слегка за тридцать. Где-то в Коттсморе жил несколько обесчещенный майор Рэттери с сильно подмоченной репутацией, за которым она когда-то была замужем. Американка по происхождению, но уже полностью ассимилировавшаяся, богатая, она не имела движимой и недвижимой собственности, за исключением той, что помещалась в пяти огромных сундуках. Джек положил на нее глаз прошлым летом в Биаррице и снова пленился ею в Лондоне, где она крупно играла в бридж, причем очень удачно, часов по шесть-семь кряду и меняла отель в среднем раз в три недели. Время от времени она запойно кололась морфием; тогда она забрасывала бридж и по нескольку дней безвыходно сидела у себя в номере, изредка подкрепляясь холодным молоком.

Она прилетела днем в понедельник. В первый раз гость прибывал в Хеттон подобным образом, и все домочадцы были заметно взволнованы. Истопник и один из садовников под управлением Джока натянули простыни в парке, чтобы обозначить посадочную площадку, и подожгли сырые листья — указать направление ветра. Пять сундуков заурядно прибыли поездом в сопровождении пожилой вышколенной горничной. В одном из сундуков миссис Рэттери привезла собственные простыни; простыни были не шелковые, не цветные, без кружев и каких бы то ни было украшений, кроме небольших, строгих фонограмм.

Тони, Джек и Джон вышли посмотреть, как она приземлится. Она вылезла из кабины, потянулась, отстегнула наушники кожаного шлема и пошла к ним навстречу. «Сорок две минуты, — сказала она, — совсем неплохо при встречном ветре».

Высокая и прямая, в шлеме и комбинезоне, она казалась почти суровой; нет, совсем иначе представлял ее Тони. Где-то в глубинах

подсознания у него засел довольно нелепый образ хористки в шелковых трусиках и лифчике, выскакивающей из огромного, перевитого лентами пасхального яйца с криком:

«Гульнем, ребяташки!» Миссис Рэттери приветствовала их сдержанно и непринужденно.

— Вы в среду поедете на охоту? — спросил ее Джон. — Знаете, у нас будет охотничий сбор.

— Я бы поехала на полдня, если б достала лошадь. Я в первый раз буду охотиться в этом году.

— И я тоже.

— Значит, мы оба будем чувствовать себя скованно. — Она говорила с ним, как с ровесником. — Ты мне покажешь окрестности.

— Наверное, сначала обложат Брутонский лес. Там есть большая лиса, мы с папой ее видели. Когда они остались одни, Джек сказал:

— Хорошо, что ты приехала. Как тебе показался Тони?

— Это он женат на той красотке, которую мы встретили в «Кафе де Пари»?

— Да.

— Ты еще про нее сказал, что она влюблена в того молодого человека?

— Да.

— Странный у нее вкус. Напомни, как его зовут.

— Тони Ласт. Чудовищный дом, правда?

— Разве? Я не очень разбираюсь в домах.

Миссис Рэттери оказалась непринхотливым гостем: ее не приходилось развлекать. После обеда она вытащила четыре колоды карт и принялась раскладывать на столике в курительной сложнейший пасьянс, которого ей хватило на весь вечер.

— Ложитесь, не дожидайтесь меня, — сказала она. — Я не сойду с места, пока он не выйдет. Он иногда часами не выходит.

Ей показали, где выключить свет, и оставили за пасьянсом.

На следующий день Джек сказал:

— У тебя на ферме есть чушки?

— Есть.

— Ты не станешь возражать, если я взгляну на них?

— Ни в коей мере. Но зачем?

— А там есть человек, который за ними ходит? Он сможет про них рассказать?

— Есть.

— Так я, пожалуй, проведу там все утро. Мне в скором времени придется выступить в палате о чушках.

Миссис Рэттери они не видели до самого обеда. Тони был уверен, что она спит, пока она не вышла из утренней комнаты в комбинезоне.

— Я проснулась рано, — сказала она, — спустилась вниз и увидела, как рабочие обдирают потолок. Я не удержалась — и присоединилась к ним. Надеюсь, вы не против.

Днем они поехали в ближайшие конюшни, выбрать лошадей. После чая Тони сел писать письмо Брендэ; за последние несколько недель он пристрастился писать письма.

«Как прекрасно прошел уикенд (писал он). Благодарю тебя тысячекратно за твою доброту. Очень хотел бы, чтоб ты приехала и на следующий уикенд или осталась подольше в этот раз, но, разумеется, я все понимаю. Лихая блондинка совершенно не такая, как мы себе представляли, — очень невозмутимая и отчужденная. Совсем не в обычном вкусе Джека. Убежден, что она не имеет ни малейшего представления о том, где она находится или как меня зовут.

Работа в утренней комнате идет полным ходом. Сегодня мастер мне сказал, что к концу недели они начнут обшивать стены хромированными панелями. Мое мнение ты знаешь. Джон ни о чем, кроме завтрашней охоты, не может говорить. Надеюсь, он не сломает себе шеи. Джок и Л. Б. поедут с нами».

Поблизости от Хеттона находились три своры; пигстэнтонцам, которые здесь охотились, при разделе достался самый плохой участок, [16] и они вечно зарились на леса вокруг Бейтона. Это была довольно склочная шайка, презиравшая друг друга, враждовавшая с чужаками и раздраемая внутренними противоречиями; объединяла их только общая нелюбовь к Заведующему охотой. Что касается полковника Инча, то эта традиционная непопулярность у охотников была им не заслужена: он был робким, неприметным человечком, который, как

мог, обеспечивал охотой весь округ, не скупясь на затраты. Сам он к гончим и близко не подходил и чаще всего или мрачно жевал имбирные пряники на дальней тропинке, или к концу дня тяжело трюхал среди полей — одинокая алая фигурка на фоне вспаханной земли, всматривающаяся в сгущающиеся сумерки и окликающая деревенских. Единственное удовольствие, которое он получал от своего положения, для него, правда, весьма существенное, заключалось в том, что он как бы невзначай упоминал о своем звании на заседаниях правлений руководимых им компаний.

Пигстэнтонцы собирались два раза в неделю. По средам обычно приезжало мало народу, но Хеттонский сбор редко кто пропускал: возле Хеттона были расположены лучшие охотничьи угодья, и к тому же перспектива обильного угощения перед охотой привлекала многих задубленных непогодой старух из соседних свор. Начала стягиваться и многочисленная свита — кто пешком, кто на самых разнообразных видах транспорта, некоторые тушевались где-то позади, другие, мало-мальски знакомые с Тони, толпились у стола с закусками. Племянница мистера Тендрила — она сейчас гостила у дяди — прибыла на моторном велосипеде. Джон стоял рядом с Громобоем, взволнованный и торжественный. Бен раздобыл у соседнего фермера могущественную непородистую кобылу; он надеялся поохотиться всласть после того, как Джона отправят домой; по настоятельной просьбе Джона няню заточили дома вместе с горничными, чьи головы сейчас высывались из окон верхнего этажа; ее на этот день лишили власти. Одевая Джона, она не скрывала своего раздражения.

— Если лису затравят при мне, полковник Инч, наверное, меня помажет кровью.

— Никого при тебе не затравят, — сказала няня. Теперь она стояла у бойницы и сердито смотрела на столпотворение внизу. Все это глупые затеи Бена Хэкетта, думала она. Ей было ненавистно все — гончие, Заведующий охотой, свита, доезжачий и выжлятники, племянница мистера Тендрила в макинтоше; Джок в сборном охотничьем костюме и миссис Рэттери в цилиндре и визитке, не подозревающие о косых взглядах жертвователей; Тони, приветливо беседующий с гостями, сумасшедший старичок с терьерами, газетный фотограф, хорошенькая мисс Рипон, мающаяся со своим молодым конем, боком галопирующим по лужайке, конюхи и запасные лошади,

униженные, примазавшиеся зеваки в хвосте. Все это были глупые затеи Бена Хэкетта. Вчера ребенок заснул в двенадцатом часу, думала она, так разволновался.

Вскоре кортеж двинулся к Брутонскому лесу; туда надо было ехать по южной аллее, потом через Комптон-Ласт, потом полнили по шоссе, затем по полям.

— Джон может доехать только до опушки, — распорядился Тони.

— Да, сэр, но ведь никакого вреда не будет, если он немножко останется посмотреть, как работают гончие, так ведь?

— Да, пожалуй.

— А если лиса рванет к дому, никакого вреда не будет, если мы поедем немного следом, все по тропкам да через воротца?

— Да, но пусть Джон остается не больше часа.

— Вы ведь не захотите, сэр, чтоб я его отправил домой, пока гончие работают, верно ведь, сэр?

— Ладно, но пусть к часу будет дома.

— Я за ним присмотрю, сэр. Не беспокойся, милоч, — сказал он Джону, ты у меня охоту поглядишь лучше не надо.

Они подождали, когда проедет первая линия лошадей, потом примерно поплелись сзади. За ними по пятам шли на первой скорости машины, окутанные выхлопными газами. Джон запыхался, у него кружилась голова. Громобой мотал головой и грыз трензеля. Он дважды пытался отбиться от охотников и возил Джона по кругу, так что Бен сказал: «Попридержи-ка его, сынок», — и подъехал поближе, чтобы в случае, если Громобой понесет, успеть схватить за повод. Пытаясь обойти другую, лошадь, Громобой захватил Джона врасплох, он чуть было не перелетел через голову; но успел ухватиться за седло и виновато посмотрел на Вена.

— Я сегодня что-то очень плохо езжу. Как ты думаешь, кто-нибудь заметил?

— Не беспокойся, сынок. Охота — это тебе не школа верховой езды.

Джок и миссис Рэттери скакали рядом. «А мне нравится эта нелепая лошадь», — сказала она. Она сидела по-мужски, и едва она взлетела в седло, стало ясно, что она прекрасно ездит верхом.

Пигстэнтонцы отметили этот факт с плохо скрытой досадой, ибо он опрокидывал их стойкое убеждение, что если собратья-охотники

шуты гороховые и трусы, то уж чужаки и подавно все, как один, невежи и психи, и от них во избежание беды надо держаться подальше.

На полпути через деревню мисс Рипон едва удалось объехать хлебный фургон. Ее конь то прядал, то пятился, дрожал и крутился на месте, оскользаясь на гудроне. Джон и Бен объехали миссис Рипон, стараясь держаться как можно дальше от ее коня, который грозно косился по сторонам и всхрапывал. Коня этого все отлично знали. Отец мисс Рипон весь сезон пытался продать его и уже спустил цену до 80 фунтов. При случае конь превосходно брал препятствия, но ездить на нем верхом было сущей пыткой. Неужто отец мисс Рипон и впрямь думал, что, выставляя дочь на посмешище, ему скорее удастся сбить коня с рук? Хотя с этого сквалыги станется рисковать дочкиной шеей из-за 80 фунтов. Да и вообще ей какого коня ни дай, она с ним не справится...

Вскоре она уже неслась мимо на легком галопе, лицо у нее покраснелось, узел волос съехал на сторону, она откинулась назад, натягивая повод всем своим весом. «Эта; девица допрыгается», — сказал Джок.

Позже они встретили мисс Рипон у опушки. Конь ее весь вспотел, и уздечка была в мыле, но зато он утихомирился и щипал пучки осоки, редко раскиданные по лесу. Мисс Рипон тяжело дышала, когда она приводила в порядок шляпку, вуаль и волосы, руки у нее тряслись. Джон подъехал к Джоку:

— Что там происходит, мистер Грант-Мензис?

— Гончие обкладывают опушку.

— А.

— Ну как, доволен?

— Ага. Громобой сегодня ужасно норовистый. С ним такого еще не было.

Долго ждали, пока в лесу не протрубит рог. Все собрались на краю большого поля перед воротами. Вернее сказать, все, за исключением мисс Рипон, которая несколько минут назад унеслась прямо на середине фразы по направлению к Хеттон-хиллз. Через полчаса Джок сказал:

— Созывают гончих.

— Значит, пустой номер?

— Видно, так.

— Не нравится мне, что такое в нашем лесу случилось, — сказал Бен. Разговоры всякие пойдут.

Так оно и было: пигстэнтонцы, позабыв об оказанном им гостеприимстве, стали вопрошать: чего же ждать, если сам Ласт не охотится, и намекать, будто на прошлой неделе видели, как один из лесников поздно вечером что-то спрятал в лесу.

Кортеж снова тронулся прочь от Хеттона. Бен вдруг вспомнил о возложенной на него миссии.

— Как вы думаете, сэр, не пора ли отвезти молодого хозяина домой?

— А как распорядился мистер Ласт?

— Он сказал, что ему можно доехать до опушки, но не сказал, до какой, сэр.

— Похоже, в таком случае ему пора домой.

— Ой, мистер Мензис!

— Что ж делать, поехали, мастер Джон. Хорошенького понемножку.

— А я ничего хорошего так не видел.

— Если вы сегодня вернетесь вовремя, папаша вам в другой раз позволит поехать.

— А может, другого раза не будет? Может, завтра конец света. Ну пожалуйста, Бен. Ну пожалуйста, мистер Мензис.

— Просто срам, что лисы не нашли, — сказал Бен.

Мальчонка заждался.

— И все-таки я думаю, что мистер Ласт отправил бы его домой, — сказал Джок.

Судьба Джона была решена; гончие пошли в одну сторону, они с Беном — в другую. Когда они подъехали к шоссе,

Джон чуть не плакал.

— Глянь, — сказал Бен, чтобы его подбодрить, — вон мисс Рипон на своем ненормальном гнедом. Похоже, она тоже домой едет. Видать, свалилась.

Шляпа и спина мисс Рипон были заляпаны грязью и облеплены мхом. Она провела нелегкие двадцать минут, после того как конь ее понес.

— Я его уведу, — сказала она. — Не могу сегодня с ним справиться.

Она затрусилась рядом с ними к деревне.

— Я подумала, может, мистер Ласт разрешит мне позвонить, я тогда попрошу, чтоб за мной прислали машину. Мне не очень-то хочется добираться на нем домой, когда он так разбушевался. Не понимаю, что на него нашло, добавила она, одумавшись, — в субботу его брали на охоту. За ним такого раньше не водилось.

— На нем в пору только мужчине ездить, — сказал Бен.

— Да с ним и конюх не управяется, а папа и вовсе не хочет к нему подходить, — выдала семейную тайну уязвленная мисс Рипон. — Во всяком случае... то есть я хочу сказать... Я думаю, они бы с ним тоже сегодня не справились.

Гнедой, однако, пока вел себя смирно и не отставал от других лошадей. Они шли вровень — пони Джона посредине, мисс

Рипон с Беном по бокам.

И тут-то все и случилось: у поворота дороги они наткнулись на одноэтажный пригородный автобус. Он и так шел на малой скорости, а увидев лошадей, водитель еще притормозил и отвел машину к обочине. Племянница мистера Тендрила, чьи надежды на охоту не оправдались, следовала за ними на велосипеде почти вплоты; она тоже сбавила скорость, а увидев, что конь мисс Рипон может взбрыкнуть, и вовсе притормозила.

Бен сказал:

— Давайте я сперва поеду, мисс. А ваш за мной пойдет. Не дергайте удила, просто хлестните его разок.

Мисс Рипон в точности выполнила его совет; надо сказать, все вели себя очень разумно.

Они поравнялись с автобусом. Коню мисс Рипон это пришлось не по вкусу, но казалось, что он все же пройдет. Пассажиры, забавляясь, смотрели на эту сценку. И тут у велосипеда, шедшего на нейтральной скорости, вдруг оглушительно выстрелил мотор.

На какую-то долю секунды конь мисс Рипон с перепугу застыл на месте, потом, видя, что опасность угрожает и спереди, поступил как и следовало ожидать: отпрянул в сторону и со всего маху двинул пони боком. Джон вылетел из седла и упал на дорогу; гнедой мисс Рипон, встав на дыбы, пятился задом от автобуса.

— Держите его, мисс. Хлыстом его, хлыстом, — кричал Бен. — Мальчонка упал.

Мисс Рипон хлестнула коня, тот взвился и понесся по дороге, но перед тем успел ударом копыта отбросить Джона в канаву, где тот и остался лежать неподвижная, согнутая вдвое фигурка.

Все согласились, что винить тут некого.

Прошел почти час, прежде чем новость достигла Джока и миссис Рэттери, которые ждали у другой пустой опушки. Полковник Инч отдал приказ прекратить на сегодня охоту и отвести собак в псарни. Стихли голоса, еще пять минут назад заявлявшие, что им доподлинно известно, будто мистер Ласт отдал приказ перестрелять в своем поместье всех лис. Позже, после ванны, все отвели душу, дружно накинувшись на отца мисс Рипон, но в тот момент они были потрясены и молчали.; Джеку и мисс Рэттери одолжили машину, чтоб они могли сразу же уехать домой, и конюха — присмотреть за лошадьми.

— Какой кошмар, — сказал Джок, сидя в чужой машине, — что мы скажем Тони?

— Я самый неподходящий человек для такого дела, — сказала миссис Рэттери.

Они проехали место, где произошел несчастный случай; тут еще слонялся народ.

Слонялся народ и в зале. Доктор застегивал пальто, собираясь уходить.

— Умер на месте, — сказал он. — Удар пришелся в основание черепа. Весьма прискорбно, очень привязался к мальчику.

Но винить тут некого.

Была тут и няня вся в слезах и мистер Тендрил с племянницей; полицейский, Бен и двое парней, которые помогли принести тело, сидели в людской.

— Мальчонку нельзя винить, — говорил Бен.

— Да, винить тут некого, — говорили все.

— Мальчонке сегодня весь день, бедняге, не везло, — говорил Бен, — если кого и винить, так мистера Грант-Мензиса, зачем велел ему уехать?

— Да, винить тут некого, — говорили все.

Тони сидел в библиотеке один. Когда Джок вошел, он сразу сказал:

— Надо сообщить Бренде.

— А ты знаешь, где ее застать?

— Она скорее всего на курсах... Но не скажешь же ей вот так по телефону... Да и потом, Эмброуз пытался дозвониться и туда и на квартиру, но не дозвонился... И что, ну что ей сказать?

Джок молчал. Он стоял у камина спиной к Тони, засунув руки в карманы. Немного погодя Тони сказал:

— Вас ведь не было там, поблизости, верно?

— Нет, мы поехали к другой опушке.

— Мне сначала сказала племянница мистера Тендрила... Потом мы столкнулись с ними, когда они несли его к дому, и Бен мне все рассказал... Какое потрясение для девушки.

— Для мисс Рипон?

— Ну да, она только что уехала... Она тоже упала и сильно расшиблась. Ее конь споткнулся... Бедняжка в ужасном состоянии, а ко всему еще и... Джон. Ей сообщили, что она сшибла его, много позднее — она узнала об этом в аптеке, когда ей перевязывали голову. Она поранилась, падая с коня. Она в ужасном состоянии. Я ее отправил домой в машине... Ее нельзя винить.

— Да, винить тут некого. Просто несчастный случай.

— В том-то все и дело, — сказал Тони. — Несчастный случай. Но как сообщить Бренде?

— Одному из нас придется поехать в город.

— Да... Мне, наверное, придется остаться. Я не могу тебе как следует объяснить, но тут всякие дела возникнут. Ужасно просить о таких вещах...

— Я поеду, — сказал Джок.

— Тут всякие дела возникнут... Доктор говорит, что состоится следствие. Чистейшая формальность, конечно, но страшное потрясение для рипоновской дочки. Ей придется давать показания... она ведь сама в ужасном состоянии. Надеюсь, я ничего такого ей не сказал. Только что принесли Джона, и я был не в себе. Вид у нее был отчаянный. Похоже, отец ее ужасно тиранит. Если б Бренда была тут, она умеет с людьми. А я только все запутываю.

Мужчины постояли молча.

Тони сказал:

— У тебя правда хватит духу поехать в Лондон и сказать Бренде?

— Да, — сказал Джок.

Немного погодя вошла миссис Рэттери.

— Приехал полковник Инч, — сказала она. — Я с ним поговорила. Он хотел выразить вам соболезнование.

— Он еще здесь?

— Нет, я ему сказала, что вас, наверное, лучше не трогать.

Он думал, вам приятно будет услышать, что он остановил охоту.

— Очень мило, что он приехал... Как провели день, хорошо?

— Нет.

— Мне очень жаль. На прошлой неделе мы с Джоном видели лисицу в Брутонском лесу. Джок поедет в Лондон за Брендой.

— Я подвезу его на аэроплане. Так быстрее.

— Да, так, конечно, быстрее.

— Пойду переоденусь. Я буду готова через десять минут.

— Я тоже переоденусь, — сказал Джок.

Оставшись один, Тони позвонил. Вошел молодой лакей, он был очень молод и в Хеттоне служил совсем недавно.

— Передайте, пожалуйста, мистеру Эмброузу, что миссис Рэттери сегодня отбывает. Она улетает вместе с мистером Грант-Мензисом. Ее милость, очевидно, приедет вечерним поездом.

— Слушаюсь, сэр.

— Их надо покормить перед отъездом. Я буду обедать с ними... И позвоните, пожалуйста, полковнику Инчу, поблагодарите за визит, хорошо? Скажите, что я ему напишу. И позвоните еще мистеру Рипону, осведомитесь о здоровье мисс Рипон. И в приход, спросите мистера Тендрила — могу ли я повидать его сегодня вечером? Он случайно не у нас?

— Нет, сэр. Он ушел несколько минут назад.

— Передайте ему, что я хочу договориться с ним о похоронах.

— Слушаюсь, сэр.

— Мистер Ласт прямо какой-то бесчувственный, — доносил лакей.

В библиотеке царила невозмутимая тишина, рабочие в утренней комнате отложили на день инструменты.

Первой появилась миссис Рэттери.

— Сейчас подадут обед.

— К чему нам обед, — сказала она. — Вы забыли, что мы основательно подкрепились перед охотой.

— Все равно лучше поесть, — сказал Тони и немного погодя:

— Джеку будет жутко тяжело сообщить Бренде. Я все думаю, когда она приедет.

Что-то в голосе Тони заставило миссис Рэттери спросить:

— А что вы будете делать, пока ее нет?

— Не знаю. Тут всякие дела возникнут.

— Послушайте, — сказала миссис Рэттери, — пусть Джок едет в машине. Я останусь с вами, пока не приедет леди Бренда.

— Вам будет жутко тяжело.

— Нет, я остаюсь. Тони сказал:

— Смешно, наверное, но я действительно хотел бы, чтобы вы остались... То есть, я хочу сказать, вам не будет жутко тяжело? Я что-то не в себе. Так трудно поверить, что это правда.

— И тем не менее это так.

Появился лакей с сообщением, что мистер Тендрил зайдет после чая, а мисс Рипон легла в постель и заснула.

— Мистер Грант-Мензис поедет машиной. Он, возможно, вернется к вечеру, — сказал Тони. — Миссис Рэттери побудет здесь, пока не приедет ее милость.

— Слушаюсь, сэр. Полковник Инч просил узнать, не желаете ли вы, чтоб охотники протрубили над могилой «Предан земле».

— Передайте» что я ему напишу. — Когда лакей вышел, Тони сказал: — Чудовищное предложение.

— Как сказать. Он хочет во что бы то ни стало быть полезным.

— Охотники от него не в восторге,

В половине третьего Джок уехал. Тони и миссис Рэттери пили кофе в библиотеке.

— Боюсь, — сказал Тони, — что мы будем себя неловко чувствовать. Ведь мы едва знакомы.

— А вы не думайте обо мне.

— Но вам, наверное, жутко тяжело.

— И об этом не надо думать.

— Постараюсь... Глупо, ведь я совсем не думаю об этом, я просто так говорю... А думаю совсем о другом.

— Знаю. Молчите, если не хочется разговаривать. Немного погода Тони сказал:

— Бренде еще тяжелее, чем мне. Видите ли, кроме Джона, у нее почти ничего нет... а у меня есть она, и я люблю Хеттон... ну, а для Бренды, конечно, Джон всегда был на первом месте... И потом, она в последнее время очень мало видела Джона. Она подолгу оставалась в Лондоне. Ее это будет мучить.

— Никогда нельзя сказать, что кого будет мучить.

— Видите ли, я очень хорошо знаю Бренду.

VI

Окна были распахнуты, и бой часов, отбивавших время в вышине среди каменной листвы надверший, четко раздавался в тиши библиотеки.

Они уже давно молчали. Миссис Рэттери сидела спиной к Тони; она разложила свой сложный четырехколродный пасьянс на ломберном столике; Тони как сел после обеда на стул у камина, так и не вставал.

— Всего четыре? — сказал он.

— Я думала, вы заснули.

— Нет, я просто думал... Джок, должно быть, проехал больше полпути, он теперь где-то под Эйлсбери или Трингом.

— Машиной быстро не доедешь.

— Это случилось меньше четырех часов назад... Даже не верится, что это произошло еще сегодня, что всего пять часов назад здесь выпивали охотники.

Наступила пауза, миссис Рэттери сгребла карты и снова их перетасовала.

— Мне сказали в двадцать восемь минут первого. Я тогда посмотрел на часы... А принесли Джона без десяти час... Всего три с лишним часа назад. Даже не верится, правда, что все может так внезапно перемениться?

— Так всегда бывает, — сказала миссис Рэттери.

— Бренда узнает через час... если Джок ее застанет. Но вряд ли она дома. А он не будет знать, где ее искать, — ведь в квартире никого нет. Она ее запирает, когда уходит, и квартира стоит пустая... а ее часто по полдня не бывает дома. Я знаю, потому что иногда звоню и никто не отвечает. Бог знает, сколько он ее будет разыскивать. Может, пройдет еще столько же времени. Значит, будет восемь. Скорей всего

она не придет домой до восьми... Подумайте только, пройдет еще столько же времени, пока Бренда узнает. Трудно поверить, правда? А потом ей еще надо добраться сюда. Есть поезд, который уходит в десять с чем-то. На этот она может попасть. Я все думаю, может, мне тоже надо было за ней поехать. Но мне не хотелось оставлять Джона одного.

(Миссис Рэттери сосредоточенно склонилась над пасьянсом, группки карт, ловко, как челнок по ткацкому станку, ходили взад-вперед по столу, ее пальцы претворяли хаос в порядок, она устанавливала предшествование и последовательность, символы у нее приобретали связь и взаимозависимость.)

— Конечно, она, может, еще будет дома, когда он приедет. Тогда она успеет на вечерний поезд, она раньше всегда так возвращалась, когда уезжала на день в Лондон, до того, как сняла квартиру... Я пытаюсь представить себе, как все это будет. Джок войдет, она удивится, и тут он ей скажет. Джоку будет жутко тяжело... Она может узнать в полшестого или чуть раньше.

— Какая жалость, что вы не умеете раскладывать пасьянс, — сказала миссис Рэттери.

— В каком-то смысле мне станет легче, когда она узнает... что-то есть нехорошее в том, что Бренда ничего не знает, словно у меня от нее секреты. Я не представляю, как у нее складывается день. Наверное, последняя лекция кончается около пяти... Интересно, заходит ли она домой переодеться, если ее пригласили на чай или коктейль. В квартире она почти не бывает, там так тесно.

Миссис Рэттери посидела в мрачном раздумье над карточным квадратом, потом сгребла карты в кучу и раскинула пасьянс еще раз, теперь уже ничего не задумывая; тут пасьянс бы и вышел, если б не завязнувшая бубновая шестерка и затормозившая все дело группа в одном углу, которую никакими силами нельзя было сдвинуть с места.

— С ума сойдешь от этого пасьянса, — сказала она. Снова раздался бой часов.

— Всего четверть часа прошло?... Знаете, я б, наверно, спятил, если б сидел тут один, как вы добры, что остались со мной.

— Вы играете в безик?

— К сожалению, нет.

— А в пикет?

— Нет. Я ни одной игры, кроме петуха и курочки, так и не смог освоить.

— Жаль.

— Мне бы надо послать телеграмму Марджори и еще кое-кому. Но, пожалуй, лучше отложить это до тех пор, пока я не узнаю, что Джок виделся с Брендой. Вдруг она будет у Марджори, когда придет телеграмма.

— Постарайтесь не думать об этом. А в кости вы умеете играть.

— Нет.

— Это просто, я вас научу. У вас должны быть кости для триктрака.

— Все в порядке, не беспокойтесь. Просто мне как-то не хочется играть.

— Принесите кости и садитесь сюда за стол. Нам надо скоротать эти шесть часов.

Она показала ему, как кидать кости. Он сказал:

— Я в кино видел, как играли вокзальные носильщики и таксисты.

— Конечно, кто ж не видел... это очень просто... Ну вот, вы выиграли, забирайте деньги. Немного погодя Тони сказал:

— Знаете, о чем я подумал?

— А вы никогда не пробовали дать себе передых — взять и не думать?

— А вдруг уже пронюхали вечерние газеты... вдруг Бренда случайно заглянет в газету и прочтет... а там, может, еще и фотография...

— Да и я то же самое подумала, когда вы сказали о телеграммах.

— Это вполне вероятно, правда? Вечерние газеты тут же все пронюхают. Что же нам делать?

— Ничего не поделаешь, придется ждать... Давайте, приятель, кидайте, ваш черед.

— Я больше не хочу. Я очень беспокоюсь.

— Знаю, что беспокоитесь. Можете мне не говорить... но не бросите же вы игру, когда вам такое везенье?

— Простите меня... но это не помогает.

Он походил по комнате, подошел сначала к окну, потом к камину. Набил трубку. «В конце концов можно узнать, появилось сообщение в

вечерних газетах или нет. Можно позвонить в клуб и узнать у швейцара».

— Это не помешает вашей жене прочесть газеты. Нам остается одно ждать. Как вы сказали, в какую игру вы умеете играть? Петух и что?

— Петух и курочка.

— Валяйте.

— Это ведь детская игра. Вдвоем в нее играть нелепо.

— Показывайте.

— Ну, так вот. Каждый выбирает себе животное.

— Отлично. Я буду собака, вы — курица. Дальше что? Тони объяснил.

— Я бы сказала, что это одна из тех игр, для которых нужно хорошее настроение, — сказала миссис Рэттери. — Но давайте попробуем.

Каждый взял по колоде и начал сдавать.

Вскоре вышли две восьмерки.

— Гав-гав, — сказала миссис Рэттери, сгребая карты. Другая пара.

— Гав-гав, — сказала миссис Рэттери. — Знаете, вы играете без души.

— А, — сказал Тони, — кудах-тах-тах. И немного погоды снова:

— Кудах-тах-тах.

— Не глумите, — сказала миссис Рэттери. — Тут не пара... Когда Альберт пришел задернуть занавески, они еще играли. У Тони осталось всего две карты, которые он перевертывал без конца, миссис Рэттери пришлось разделить свои они не умещались в одной руке. Заметив Альберта, они прекратили игру.

— Что он мог подумать? — сказал Тони, когда лакей ушел. («Это ж надо, мальчонка наверху мертвый лежит, а он сидит и кудахчет, как курица», докладывал Альберт.)

— Пожалуй, не стоит продолжать.

— Да, игра не очень интересная. Подумать только, что вы других игр не знаете.

Она собрала карты и принялась разбирать их по колодам. Эмброуз в Альберт принесли чай. Тони посмотрел на часы.

— Пять часов. Шторы задернуты, поэтому мы не слышим, как бьют часы. Джок, должно быть, уже в Лондоне.

Миссис Рэттери сказала:

— Я б не отказалась от виски.

Джок никогда не бывал у Бренды в квартире. Она находилась в огромном, безликом доме,» типичном для этого района. Миссис Бивер горько оплакивала потерю площади, занятой лестничными пролетами и пустым вымощенным плитками холлом. Швейцара в доме не имелось, три раза в неделю приходила уборщица с ведром и шваброй. На табличке с именами жильцов значилось, что Бренда дома. Но Джок не слишком этому поверил, зная, что не в характере Бренды, уходя и приходя, помнить о табличке. Квартира оказалась на третьем этаже. После первого пролета мрамор сменился вытертым ковром, который лежал здесь еще до реконструкции, предпринятой миссис Бивер. Джок нажал кнопку и услышал, как за дверью зазвонил звонок. Однако к двери никто не подошел. Было уже начало шестого, и он не рассчитывал застать Бренду. Он еще дорогой решил, что зайдет для очистки совести в квартиру, а потом отправится в клуб и оттуда позвонит всем друзьям Бренды, которые могут знать, где она. Он позвонил еще, уже по инерции, немного подождал и собрался было уйти. Но тут отворилась соседняя дверь, и из нее выпянула темноволосая дама в малиновом бархатном платье; в ушах ее качались огромные серьги восточной филиграни, утыканные тусклыми поддельными камнями.

— Вы ищете леди Бренду Ласт?

— Да. Она ваша подруга?

— И еще какая, — сказала княгиня Абдул Акбар.

— В таком случае не скажете ли вы мне, где я могу ее разыскать?

— Она должна быть сейчас у леди Кокперс. Я как раз туда иду. Ей что-нибудь передать?

— Нет, лучше я сам туда поеду.

— Хорошо, тогда подождите пять минут, и мы поедем вместе. Входите.

Единственная комната княгини была обставлена разношерстно и с подлинно восточным презрением к истинному назначению вещей: сабли, призванные украшать парадные одеяния марокканских шейхов, свисали с картинных реек, коврики для молитвенных

коленипреклонений были раскиданы по дивану, настенный бухарский ковер валялся на полу; туалетный столик был задрапирован шалью, изготовленной в Йокогаме на потребу иностранным туристам; на восьмиугольном столике из Порт-Саида стоял тибетский Будда из светлого мыльного камня, шесть слоников слоновой кости бомбейского производства выстроились в ряд на батарее. Другие культуры были представлены набором флакончиков и пудрениц Лалика,^[17] сенегальским фаллическим фетишем, голландской медной миской, корзинкой для бумаг, склеенной из отлакированных акватинт, страхолюдиной куклой, полученной на торжественном обеде в приморском отеле, десятком оправленных в рамки фотографий самой княгини, затейливой мозаикой из кусочков раскрашенного дерева, изображающей сценку в саду, и радиоприемником в ящике мореного дуба стиля Тюдор.

В столь крохотной комнате все это производило сногшибательный эффект.

Княгиня села к зеркалу, Джок пристроился на диване за ее спиной.

— Как вас зовут? — спросила она через плечо. Он назвался.

— Ну, конечно. Я слышала о вас в Хеттоне. Я была там в позапрошлый уикенд... Такой причудливый старинный дом.

— Пожалуй, лучше я вам скажу. Сегодня утром там произошло ужасное несчастье.

Дженни Абдул Акбар крутанулась на кожаном стуле. Глаза ее вылезли из орбит, рука взлетела к сердцу.

— Скорей, — шепнула она. — Говорите. Я этого не перенесу. Смерть?

Джок кивнул.

— Их маленького сына... лягнула на охоте лошадь.

— Малютку Джимми.

— Джона.

— Джон... умер. Какой кошмар, даже не верится.

— Но винить тут некого.

— Нет, нет, — сказала Дженни. — Вы ошибаетесь. Это мол вина. Я не должна была к ним ездить... Надо мной тяготеет страшное проклятье. Повсюду, где я ни появлюсь, я приношу только горе... Ведь

умереть должна была я... Я не посмею смотреть им в глаза. Я чувствую себя убийцей... Загублено такое славное юное существо.

— Послушайте, знаете ли, не стоит так себя настраивать. — И это уже не в первый раз. Всегда, повсюду меня преследует безжалостный рок... О господи, — сказала Дженни Абдул Акбар. — за что ты так караешь меня?

Она удалилась из комнаты, оставив его одного, идти ей, собственно, было некуда, кроме как в ванную Джок сказал через дверь:

— Мне пора ехать к Полли, повидать Бренду,

— Подождите минутку, я поеду с вами.

Из ванны она вышла, несколько взбодрившись.

— Вы на машине, — спросила она, — или вызвать такси?

После чая зашел мистер Тендрил. Тони ушел с ним в кабинет, и они просидели там с полчаса. Возвратившись, он подошел к подносу, который оставили в библиотеке по приказанию миссис Рэттери, и налил себе виски с имбирным элем. Миссис Рэттери снова взялась за пасьянс.

— Нелегкий разговор? — спросила она, не поднимая глаз

— Жутко тяжелый. — Он быстро выпил виски и налил себе еще.

— Принесите и мне рюмку, ладно?

Тони сказал:

— Я, собственно, хотел только договориться с ним о похоронах. А он пытался меня утешать. Это было крайне мучительно... В конце концов в таком положении меньше всего хочется говорить о религии.

— Некоторые это любят, — сказала миссис Рэттери.

— Конечно, — начал Тони, немного помолчав, — когда нет своих детей.

— У меня два сына, — сказала миссис Рэттери.

— Вот как? Извините меня, пожалуйста, я не знал... мы так мало знакомы. Как некрасиво вышло.

— Все в порядке. Это не только вас удивляет. Я с ними не так уж часто вижу. Они где-то в школе. Прошлым летом я водила их в кино. Они довольно большие. Один, мне кажется, будет красивым: у него отец красивый.

— Четверть седьмого, — сказал Тони. — Он, наверное, уже ей сказал.

У леди Кокперс собрался интимный кружок: Вероника, Дейзи, Сибилл, Суки де Фуко-Эстергази и еще четыре-пять особ: все женщины. Они собрались погадать у новой предсказательницы миссис Норткотт. Открыла ее миссис Бивер: с каждых пяти гиней, которые та зарабатывала по ее рекомендации, миссис Бивер брала два фунта двенадцать шиллингов комиссионных. Она предсказывала судьбу по новейшему методу, читая по подошвам ног. Дамы с нетерпением дожидались своей очереди.

— Это же надо, сколько времени она возится с Дейзи.

— Она очень дотошная, — сказала Полли, — и потом это щекотно.

Немного погода вышла Дейзи.

— Ну как? — спрашивали дамы.

— Ничего не стану говорить, не то все испорчу, — сказала Дейзи.

Они кинули карты, чтобы установить очередность. Идти выпало Бренде. Она прошла в соседнюю комнату к миссис Норткотт, которая сидела на стульчике подле кресла. Миссис Норткотт была затрапезного вида пожилая женщина, с претензиями на благородство произношения. Бренда села, сняла туфлю и чулок. Миссис Норткотт положила ногу Бренды себе на колено, многозначительно уставилась на нее, потом приподняла ступню и принялась обводить ее линии серебряным карандашиком.

Бренда блаженно пошевелила пальцами и приготовилась слушать.

В соседней комнате говорили:

— А где сегодня ее мистер Бивер?

— Улетел с матерью во Францию смотреть образцы новых обоев.

Бренда весь день места себе не находит — все боится, как бы самолет не разбился.

— Ужасно трогательно, верно? Хотя, убей меня бог, не пойму, чем он ее пленил...

— Не предпринимайте ничего в четверг, — говорила миссис Норткотт.

— Ничего?

— Ничего важного. Вы умны, впечатлительны, добры, легко поддаетесь влиянию, порывисты, привязчивы. Вы очень артистичны, хотя и не даете своим способностям расцвести в полную меру.

— А о любви там ничего не говорится?

— Сейчас перейду к любви. Вот эти линии от большого пальца к подъему означают любовников.

— Да, да, расскажите еще...

Доложили о приходе княгини Абдул Акбар.

— Где Бренда? — спросила она. — Я думала, она здесь.

— Ока у миссис Норткотт.

— Ее хочет видеть Джок Мензис. Он внизу.

— Джок прелесть... Слушай, а с какой стати ты оставила его внизу?

— Нет, нет, он пришел по очень важному делу. Ему необходимо увидеть Бренду наедине.

— Господи, как таинственно, она скоро выйдет. Им нельзя мешать. У миссис Норткотт пропадет весь настрой.

Дженни рассказала им о случившемся.

А в соседней комнате за дверью у Бренды уже начала зябнуть нога.

— Четверо мужчин определяют вашу судьбу, — говорила миссис Норткотт. Один — верен и нежен, но он еще не открыл вам своей любви, другой — пылкий и властный, и вы его боитесь.

— О господи, — сказала Бренда, — как интересно! Кто бы это мог быть?

— Одного вы должны избегать — он вам не принесет добра: он жестокосерд и алчен.

— Это наверняка мой мистер Бивер, господь с ним. Внизу Джок сидел в маленькой комнате окнами на улицу, где гости Полли обычно собирались перед обедом. Было пять минут седьмого.

Вскоре Бренда натянула чулок, надела туфлю и вышла к дамам

— Весьма увлекательно, — объявила она. — Послушайте, почему у вас такой странный вид?

— Джок Грант-Мензис хочет с тобой поговорить — он внизу.

— Джок? Какая неожиданность. Ничего страшного не случилось, ведь нет?

— Ты лучше спустись, поговори с ним. И тут Бренду напугала странная обстановка в комнате и непривычные выражения на лицах подруг.

Она опрометью кинулась вниз, в комнату, где ее ждал Джок.

— В чем дело, Джок? Говори быстрее, мне страшно. Ничего ужасного не случилось, нет?

— Боюсь, что да. Произошел несчастный случай.

— Джон?

— Да.

— Умер?

Джок кивнул.

Она опустилась на жесткий амперный стульчик у стены я села тихо-тихо, сложив руки на коленях, как благовоспитанный ребенок, которого привели в компанию взрослых. Она сказала:

— Расскажи мне, как это было. Откуда ты узнал?

— Я не уезжал из Хеттона после воскресенья.

— Из Хеттона?

— Разве ты не помнишь? Джон сегодня собирался на охоту.

Она нахмурилась, до нее не сразу дошли его слова.

— Джон... Джон Эндрю... Я... слава богу... — и она разрыдалась. Она беспомощно плакала, отвернув от Джока лицо и уткнувшись лбом в золоченую спинку стула.

Наверху миссис Норткотт держала за ногу. Суки де Фуко-Эстергази.

— Вашу судьбу, — говорила она, — определяют четверо мужчин. Один верен и нежен, но он не открыл еще вам своей любви...

VII

Прорезав тишину Хеттона, около комнаты экономки прозвенел телефонный звонок и был переключен на библиотеку. Трубку взял Тони.

— Это Джок. Я только что видел Бренду. Она приедет семячасовым поездом,

— Как она, очень расстроена?

— Разумеется.

— Где она сейчас?

— Она со мной. Я звоню от Полли.

— Мне поговорить с ней?

— Не стоит.

— Хорошо, я ее встречу. Ты тоже приедешь?

— Нет.

— Ты был просто замечателен. Не знаю, что бы я делал без тебя и миссис Рэттери.

— Все в порядке. Я провожу Бренду.

Бренда уже не плакала, она сидела съежившись на стуле. Пока Джок говорил по телефону, она не поднимала глаз. Потом сказала:

— Я поеду этим поездом.

— Нам пора двигаться. Тебе, наверное, надо взять на квартире какие-то вещи?

— Моя сумка... наверху. Сходи за ней. Я не могу туда вернуться.

По дороге она молчала. Она сидела рядом с Джоком — он вел машину — и глядела прямо перед собой. Когда они приехали, она открыла дверь и первой прошла в квартиру. В комнате не было почти никакой мебели. Она села на единственный стул.

— У нас еще много времени. Расскажи, как все было. Джок рассказал.

— Бедный мальчик, — сказала она. — Бедный, бедный мальчик.

Потом открыла шкаф и уложила кое-какие вещи в чемодан, раз или два она выходила в ванную.

— Вещи упакованы, — сказала она. — Все равно еще слишком много времени.

— Не хочешь поесть?

— Нет, нет, ни за что, — она снова села, поглядела на себя в зеркало, но не стала приводить лицо в порядок.

— Когда ты мне сказал, — начала она, — я не сразу поняла. Я сама не знала, что говорю.

— Я знаю.

— Я ведь ничего такого не сказала, нет?

— Ты знаешь, что ты сказала.

— Да, знаю... Я не то хотела... Я думаю, не стоит и стараться — что тут объяснишь. Джок сказал:

— Ты ничего не забыла?

— Нет, там все, что мне понадобится, — она кивнула на чемоданчик, стоявший на кровати. Вид у нее был убитый.

— Тогда, пожалуй, пора ехать на станцию.

— Хорошо. Еще рано. Но все равно.

Джок проводил ее к поезду. Была среда, и в вагоны набилось множество женщин, возвращавшихся домой после беготни по

лондонским магазинам.

— Почему бы тебе не поехать первым классом?

— Нет, нет, я всегда езжу третьим.

Она села посредине скамьи. Соседки с любопытством заглядывали ей в лицо — не больна ли она.

— Почитать ничего не хочешь?

— Ничего не хочу.

— А поесть?

— И поесть не хочу.

— Тогда до свидания.

— До свидания.

Отталкивая Джока, в вагон протиснулась еще одна женщина, обвешанная пестрыми свертками.

Когда новость дошла до Марджори, она сказала Аллану:

— Зато теперь мистеру Биверу конец. Однако Полли Кокперс сказала Веронике:

— Насколько я понимаю Бренду, это конец для Тони. Захудалые Ласты были потрясены телеграммой. Они жили на большой, но убыточной птицеферме неподалеку от Принсес-Рисборо. Никому из них и в голову не пришло, что теперь в случае чего Хеттон перейдет к ним. А если бы и пришло, они горевали бы ничуть не меньше.

С Пэддингтонского вокзала Джок отправился прямо в Брэттклуб. Один из мужчин у стойки сказал:

— Какой кошмарный случай с парнишкой Тони Ласта.

— Да, я при этом был.

— Неужели? Кошмарный случай. Позже ему сообщили:

— Звонит княгиня Абдул Акбар. Она желает знать, в клубе ли вы?

— Нет, нет, скажите ей, что меня здесь нет, — распорядился Джок.

VIII

На следующее утро, в одиннадцать, началось следствие и быстро завершилось. Доктор, водитель автобуса, Бен и мисс Рипон дали показания. Мисс Рипон разрешили не вставать. Она была очень бледна и говорила дрожащим голосом, отец испепелял ее грозными

взглядами с ближней скамьи; под шляпкой у нее скрывалась маленькая проплешина, там, где сбрили волосы вокруг ранки. В заключительной речи следователь отметил, что в случившемся несчастье, как явствует из свидетельских показаний, некого винить, остается только выразить глубочайшее соболезнование суда мистеру Ласту и леди Бренде в постигшей их тяжелой утрате. Толпа расступилась, образуя проход для Тони и Бренды. На следствие явились и полковник Инч, и секретарь охотничьего клуба. Следствие велось со всей деликатностью и уважением к скорби родителей. Бренда сказала:

— Погоди минутку. Я должна поговорить с этой бедняжкой, рипоновсией дочкой.

И прелестно справилась со своей задачей. Когда все ушли, Тони сказал:

— Жаль, что тебя не было вчера. К нам приходило столько народу, а я совершенно не знал, что говорить.

— Как ты провел день?

— Тут была лихая блондинка... Мы немного поиграли в петуха и курочку.

— Петуха и курочку? Ну и как, успешно?

— Не очень... Даже не верится, что вчера в это время еще ничего не случилось.

— Бедный мальчик, — сказала Бренда.

Они почти не говорили друг с другом с приезда Бренды. Тони встретил ее на станции; когда они добрались до дому, миссис Рэттери уже легла, а наутро она улетела на своем аэроплане, не повидавшись с ними. Они слышали, как аэроплан пролетел над домом, Бренда — в ванне, Тони — внизу, в кабинете, где занимался письмами, что стало теперь необходимостью.

День редких промельков солнца и буйного ветра; белые и серые облака высоко над головой неподвижны, но голые деревья вокруг дома раскачиваются и сотрясаются, а во дворе конюшни вихрями крутится солома. Бен снял парадный костюм, который надевал на следствие, и занялся делами. Громобоя вчера тоже досталось, и он немного прихрамывал на правую переднюю.

Бренда сняла шляпу и кинула ее на стул в зале.

— Нечего говорить, правда?

— Не обязательно разговаривать.

— Нет. Наверное, будут похороны.

— Как же иначе.

— Когда, завтра?

Она заглянула в утреннюю комнату.

— А они порядочно наработали, верно?

Движения ее стали замедленными, а голос монотонным и невыразительным. Она опустилась в одно из кресел, стоящих посреди залы, куда никто никогда не садился, и сидела там не шевелясь. Тони положил руку ей на плечо, но она сказала:

«Оставь» — не раздраженно и нервно, а без всякого выражения.

Тони сказал:

— Я, пожалуй, пойду отвечу на письма.

— Хорошо.

— Увидимся за обедом.

— Да.

Она встала, поискала безучастным взглядом шляпу, взяла ее, медленно поднялась наверх, и солнечные лучи, пробившиеся через цветные витражи, осветили ее золотом и багрянцем.

У себя в комнате она села на широкий подоконник и стала глядеть на поля, на бурую пашню, на колышущиеся безлистные деревья, на шпили церквей, на водовороты пыли и листьев, клубящиеся внизу у террасы; она все еще держала в руках шляпу и теребила пальцами приколотую сбоку брошь.

В дверь постучали, вошла заплаканная няня.

— Прошу прощения, ваша милость, но я просмотрела вещи Джона. Это не мальчика платок.

Резкий запах и украшенные короной инициалы выдавали его происхождение.

— Я знаю, чей это. Я отошлю его хозяйке.

— Не возьму в толк, как он к нему попал, — сказала няня.

— Бедный мальчик, бедный, бедный мальчик, — сказала Бренда, когда няня ушла, и снова уставилась на взбунтовавшийся пейзаж.

— Я вот думал о пони, сэр.

— Так, Бен?

— Хотите вы его у себя держать?

— Я как-то не думал об этом. Да, пожалуй, нет.

— Мистер Уэстмэккот из Рестолла о нем спрашивал. Он думает, пони подойдет для его дочки.

— Так.

— Сколько мы запросим?

— Я не знаю... сколько вы сочтете правильным...

— Пони хороший, ухоженный. Я так думаю, что не меньше двадцати пяти монет надо за него взять, сэр

— Хорошо, Бен, займитесь этим.

— Я запрошу для начала тридцать, так, сэр, а потом маленько спущу.

— Поступайте как сочтете нужным.

— Хорошо, сэр.

После обеда Тони сказал:

— Звонил Джок. Спрашивал, не может ли чем помочь.

— Как мило с его стороны. А почему бы тебе не позвать его на уикенд?

— А ты б этого хотела?

— Меня здесь не будет. Я уеду к Веронике.

— Ты уедешь к Веронике?

— Да, разве ты забыл?

В комнате были слуги, и они смогли поговорить только позже, когда остались в библиотеке одни, И тогда:

— Ты в самом деле уезжаешь?

— Да, я не могу здесь оставаться. Ты ведь меня понимаешь, разве нет?

— Да, да, конечно. Просто я думал, может, нам уехать куда-нибудь за границу.

Бренда словно не слышала и продолжала свое.

— Я не могу здесь оставаться. С этим покончено, неужели ты не понимаешь, что с нашей жизнью здесь покончено.

— Детка, что ты хочешь сказать?

— Не спрашивай... потом.

— Но, Бренда, родная, я тебя не понимаю. Мы оба молоды. Конечно, нам никогда не забыть Джона. Он навсегда останется нашим старшим сыном, но...

— Замолчи, Тони, пожалуйста, прошу тебя, замолчи... Тони осекся и немного погодя сказал:

— Значит, ты завтра уезжаешь к Веронике?

— Угу.

— Думаю, я все же приглашу Джока.

— Ну конечно.

— А когда мы немного отойдем, тогда подумаем о планах на будущее.

— Да, тогда.

Наутро.

— Очень милое письмо от мамы, — сказала Бренда, протягивая письмо через стол. Леди Сент-Клауд писала:

«...Я не приеду в Хеттон на похороны, но буду непрерывно думать

о вас и вспоминать, как я видела вас всех троих на рождество.

Дорогие

дети, в такое время лишь друг в друге вы сможете обрести поддержку.

Только любовь может противостоять горю...»

— Я получил телеграмму от Джока, — сказал Тони. — Он приедет.

— Своим приездом Бренда всех нас свяжет по рукам и ногам, — сказала Вероника. — Я считаю, она могла бы догадаться прислать отказ. Понятия не имею, как с ней говорить.

Когда они остались одни после ужина, Тони сказал Джоку:

— Я все пытался понять и теперь, кажется, понял. У меня у самого все иначе, но ведь мы с Брендой во многом совершенно разные. Именно потому, что они ей чужие, и не знали Джока, и никогда не были здесь, Бренда хочет быть с ними. В этом все дело, ты согласен? Она хочет быть совершенно одна и подальше от всего, что напоминает ей о случившемся... и все равно я ужасно мучаюсь, что отпустил ее. Не могу тебе передать, какая она была... ну совсем какая-то механическая... Она все переживает гораздо сильнее меня, это я понимаю. Так тяжело, когда ничем не можешь помочь.

Джок не ответил.

Бивер гостил у Вероники. Бренда сказала ему:

— Вплоть до среды, когда я подумала, что ты умер, я и понятия не имела, что люблю тебя.

— А говорила ты об этом не так уж редко,

— Ты еще в этом убедишься, — сказала Бренда, — дуралей
В понедельник утром Тони нашел на подносе с завтраком письмо:

«Дорогой Тони, Я не вернусь в Хеттон. Пусть Гримшо упакует мои вещи и отвезет их на квартиру. После этого она мне больше не нужна. Тебе, должно быть, не сегодня стало понятно, что наша жизнь не ладится.

Я влюблена в Джона Бивера и хочу получить развод и выйти за него замуж. Если б Джон Эндрю не погиб, может быть, все пошло бы по-другому. Трудно сказать. А так я просто не смогу начать все сначала. Пожалуйста, не очень огорчайся. Нам, наверное, нельзя встречаться во время процесса, но я надеюсь, что потом мы снова станем близкими друзьями. Во всяком случае, для меня ты всегда останешься другом, что бы ты обо мне ни думал.

С наилучшими пожеланиями Бренда».

Когда Тони прочел письмо, он решил, что Бренда сошла с ума.

— Насколько мне известно, она видела Бивера всего два раза, — сказал он.

Позже он показал письмо Джоку, и тот сказал:

— Жаль, что все так получилось.

— Но ведь это же неправда?

— К сожалению, правда. Все давно знают.

Однако прошло еще несколько дней, прежде чем Тони полностью осознал, что это значит. Он привык любить Бренду и доверять ей.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

АНГЛИЙСКАЯ ГОТИКА II

I

— Ну как, старикан очень переживает?

— Вроде бы. От этого чувствуешь себя такой скотиной, — сказала Бренда. — Боюсь, что ему очень тяжело.

— Если б он не переживал, тебе было б неприятно, — сказала Полли, чтоб ее утешить.

— Да, пожалуй.

— Что бы ни случилось, я останусь твоим другом, — сказала Дженни Абдул Акбар.

— Пока все идет гладко, — сказала Бренда. — Хотя и были кое-какие [gene^{\[18\]}](#) с родственниками.

Тони последние три недели жил у Джока. Миссис Рэттери уехала в Калифорнию, и Джок был рад обществу. По вечерам они большей частью обедали вместе. В Брэтт-клуб они больше не ходили, не ходил туда и Бивер. Вместо этого они зачастили в Браун-клуб, где Бивер не состоял. Бивер теперь проводил все время с Брендой то в одном, то в другом из полдюжины знакомых домов.

Миссис Бивер была недовольна поворотом событий: ее мастеров отослали из Хеттона, не дав закончить работу.

В первую неделю Тони имел несколько мерзостных бесед. Аллан попытался выступить в роли миротворца.

— Подожди недельку-другую, — говорил он, — и Бренда вернется. Бивер ей быстро надоест.

— Но я не хочу, чтобы она возвращалась.

— Я прекрасно понимаю твои чувства. Но сейчас, знаешь ли, не средние века. Если, бы Бренда не была так расстроена смертью Джона, кризиса могло бы и не быть. Да еще в прошлом году Марджори повсюду шлялась с этим оболтусом Робинот Бизили. Она по нему с ума сходила, а я делал вид, что ничего не замечаю, — и все

рассосалось. На твоём месте я бы просто посмотрел на это сквозь пальцы. Марджори сказала:

— Ну, конечно же, Бренда не любит Бивера. Да разве можно его любить? А если ей и кажется сейчас, что она его любит, твой долг — помешать ей свалить дурака. Ты должен не давать ей развода, по крайней мере, до тех пор, пока она не подыщет кого-нибудь попримечнее.

Леди Сент-Клауд сказала:

— Бренда поступила очень, очень неразумно. Девочка всегда была крайне возбудимой, но я уверена, что ничего дурного она не могла сделать, абсолютно уверена. Бренда на такое не способна. Я не знакома с мистером Бивером и не имею ни малейшего желания с ним знакомиться. Насколько я понимаю, он во всех отношениях неподходящая пара для Бренды. Не может быть, чтобы Бренда хотела выйти замуж за такого человека. Я вам объясню, Тони, как это получилось. Бренда, должно быть, чувствовала, что вы ею пренебрегаете, ну самую чуточку, — так часто бывает на этой стадии брака. Мне известно множество подобных случаев — и конечно же, ей польстило, что в неё по уши влюбился молодой человек. Вот и все — ничего дурного в этом не было. Но потом этот чудовищный удар — несчастье с маленьким Джоном — выбил её из колеи, она просто не отдавала себе отчёта в том, что говорит и что пишет. Через несколько лет вы ещё посмеётесь над этим недоразумением.

Тони не видел Бренды со дня похорон. Один раз он говорил с ней по телефону.

Шла вторая неделя, когда он особенно тосковал и совершенно потерял голову от разнообразных советов

У него долго сидел Аллан, склоняя его к примирению.

— Я говорил с Брендой, — сказал он. — Ей уже надоел Бивер. Она только и мечтает, как бы вернуться в Хеттон и зажить с тобой по-прежнему.

Пока Аллан был у него, Тони решительно отказывался его слушать, но потом его слова и воспоминания, которые они пробудили, не шли у него из головы. Итак он позвонил:

Бренде, и она говорила с ним спокойно и серьёзно.

— Бренда, это Тони.

— Здравствуй, Тони, в чём дело?

— Я только что говорил с Алланом. Он сказал, у тебя переменялись планы.

— Я что-то не понимаю, о чем ты.

— Он сказал, что ты хочешь бросить Бивера и вернуться в Хеттон.

— Аллан так сказал?

— Да, а что, это неправда?

— Боюсь, что нет. Аллан — осел и лезет не в свои деда. Он был у меня сегодня. Мне он сказал, что ты не хочешь разводиться, но готов разрешить мне жить в Лондоне и делать все, что мне заблагорассудится, лишь бы не доводить до публичных скандалов. Мне это показалось разумным, и я как раз хотела тебе позвонить, поговорить. Но, наверное, это тоже дипломатический ход Аллана. Как бы то ни было, боюсь, что сейчас вопрос о моем возвращении в Хеттон не стоит.

— Понимаю. Я так и думал... Я просто так позвонил.

— Ничего. Как поживаешь, Тони?

— Спасибо, хорошо.

— Вот и отлично. Я тоже. До свиданья. Это был их последний разговор. Оба избегали мест, где могли бы встретиться.

Сочли, что в роли истца удобнее выступить Бренде. Тони поручил процесс не семейным поверенным в делах, а другой, менее почтенной фирме, специализировавшейся на разводах. Он скрепя сердце готовил себя к тому, что столкнется с профессиональным цинизмом и даже некоторой фривольностью, но вместо этого встретил мрачность и подозрительность.

— Насколько я понимаю, леди Бренда ведет себя весьма неосмотрительно. Вполне вероятно, что вмешается королевский поверенный...^[19] Более того, встает вопрос о деньгах. Вы понимаете, что раз по настоящей договоренности леди Бренда считается стороной невиновной и потерпевшей, она вправе просить у суда весьма существенных алиментов.

— Об этом не беспокойтесь, — сказал Тони. — Я уже все обсудил с ее зятем и решил положить ей пятьсот фунтов в год. У нее четыреста фунтов своих, и, я полагаю, у мистера Бивера тоже есть какие-то деньги.

— Жаль, что нельзя ничего оформить письменно, — сказал поверенный, это могут квалифицировать как тайный стговор

— Слова леди Бренды для меня вполне достаточно, — сказал Тони.

— Мы стремимся оградить наших клиентов от самых непредвиденных случайностей, — сказал юрист с видом человека, выполняющего свой долг: у него в отличие от Тони не выработалось привычки любить Бренду и доверять ей.

Для измены Тони был намечен четвертый уикенд после отъезда Бренды из Хеттона. Был снят номер в приморском отеле («Мы всегда посылаем туда наших клиентов. Тамошние слуги прекрасно дают показания») и оповещены частные сыщики.

— Вам остается только выбрать партнершу, — сказал поверенный, и ни намек на игривость не было в его мрачном голосе. — В некоторых случаях мы оказывали помощь клиентам, но нередко поступали жалобы, так что мы сочли за благо предоставить выбор самим клиентам. Недавно мы вели чрезвычайно деликатное дело, в котором ответчиком выступал человек строгой морали и довольно робкий. В конце концов его собственная жена согласилась поехать с ним и предоставить материал для свидетельских показаний. Она надела рыжий парик. Все прошло весьма успешно.

— Не думаю, чтобы это годилось в моем случае.

— Разумеется. Я просто привел это как любопытный пример.

— Наверное, я смогу кого-нибудь подыскать.

— Не сомневаюсь, — сказал поверенный, учтиво кланяясь. Но позже, когда Тони обсудил эту проблему с Джеком, все оказалось далеко не так просто.

— Не каждую об этом попросишь, — сказал он, — как ни подступись. Сказать, что это юридическая формальность, — оскорбительно, а с ходу предложить закрутить на всю катушку — большая наглость, если ты до этого не обращал на нее никакого внимания и впредь не собираешься. Правда, в крайнем случае всегда можно рассчитывать на старушку Сибил.

Но даже Сибил отказалась.

— В любое другое время — со всем моим удовольствием, — сказала она, но сейчас мне это ни к чему. Если слухи дойдут до одного человека, он может неправильно понять... Есть у меня на

примете страшно хорошенькая девушка Дженни Абдул Акбар ее зовут. Не знаю, знаком ли ты с ней.

— Знаком.

— Ну и как, она не подойдет?

— Нет.

— О господи, тогда не знаю, кого и предложить.

— Пожалуй, придется изучить рынок в Старушке Сотняге, — сказал Джок.

Они обедали у Джока. В последнее время они чувствовали себя довольно неуютно у Брауна: когда люди несчастны, их норвят избегать.

Но хотя они осушили огромную бутылку шампанского, легкомысленное настроение, в котором они в последний раз посетили Синк-стрит, не вернулось.

И тут Тони сказал:

— А не рано туда ехать?

— Попытка не пытка. Мы же туда не для развлечения едем.

— Разумеется, нет.

Двери в э 100 по Синк-стрит были распахнуты настежь, в пустом танцзале играл оркестр. Официанты обедали за маленьким столиком в углу. Группка девушек толпилась у игорного автомата, теряя шиллинги и жалуясь на холод. Они заказали бутылку вина разлива винного завода Монморанси и сели ждать.

— Кто-нибудь из этих подойдет? — спросил Джок.

— Все равно.

— Лучше взять такую, которая нравится. Тебе придется провести с ней довольно много времени.

Немного погодя вниз спустились Милли и Бэбз.

— Так как насчет почтальонских шапок? — спросила Милли.

Они не поняли намека.

— Вы ведь были здесь в прошлом месяце, мальчики, нет, что ли?

— Боюсь, мы тогда здорово выпили.

— Да ну?

Милли и Бэбз крайне редко встречали вполне трезвых мужчин в рабочее время.

— Подсаживайтесь к нам. Как поживаете?

— У меня вроде насморк начинается, — погано себя чувствую. Вот сквалыги: ни за что не хотят топить эту трущобу.

Милли была настроена бодрее и раскачивалась на стуле в такт музыке.

— Танцевать хотите? — спросила она, и они с Тони зашаркали ногами по пустому залу.

— Мой друг ищет даму поехать вместе к морю, — сказал Джок.

— В такую-то погоду? Просто находка для одинокой девушки, — Бэбз фыркнула в мокрый комочек платка.

— Ему для развода.

— А, понятно. Чего бы ему не взять Милли? Она не боится простуды, и потом она знает, как вести себя в отеле. Тут есть много девушек, с которыми можно хорошо провести вечерок в городе, но для развода нужна дама.

— Вас часто приглашают для этого?

— Бывает. Оно конечно, неплохо отдохнуть, только приходится все время разговаривать, а джентльмены как заведутся о своих женах, так конца-краю нет.

За танцами Тони, не мешкая, приступил к делу.

— Вам бы не хотелось уехать из города на уикенд? — спросил он.

— Отчего бы и нет, — сказала Милли. — Куда?

— Я бы предложил Брайтон.

— А... Вам для развода?

— Да.

— Вы не против, если я возьму с собой дочку: она нам помехой не будет.

— Ну что вы.

— Так я понимаю, вы не против.

— Нет, я решительно против.

— А... Вы бы не подумали, что у меня есть восьмилетняя дочка, верно?

— Нет.

— Ее Винни зовут. Я родила ее в шестнадцать лет. Я была младшей в семье, и отчим нам, девчонкам, проходу не давал. Вот почему мне приходится зарабатывать на жизнь. Винни живет у одной

дамы в Финчли. Двадцать восемь шиллингов в неделю мне это обходится, не считая одежды. Она ужас как любит море.

— Нет, — сказал Тони, — очень сожалею, но это невозможно. Мы с вами выберем там для нее хороший подарок.

— Ладно... Один джентльмен подарил ей чудный велосипед к рождеству. Она свалилась с него и расшибла коленку... Так когда надо ехать?

— Как вы хотите поехать — поездом или машиной?

— Поездом. В машине Винни тошнит.

— Винни не поедет.

— Да, конечно, но все равно лучше поездом.

Они договорились встретиться на вокзале Виктория в субботу днем.

Джок дал Бэбз десять шиллингов, и они с Тони отбыли домой. Тони мало спал последнее время. Оставаясь один, он не мог не ворошить в памяти все происшедшее со времени приезда Бивера в Хеттон; выискивал упущенные в свое время улики; взвешивал, мог ли он каким-нибудь словом или поступком, изменить ход событий; возвращался мыслями к первым дням знакомства с Брендой, чтобы хоть там найти объяснение тем переменам, которые произошли в ней; снова воскрешал в памяти сцену за сценой последние восемь лет их жизни. И не мог спать.

II

Общее свидание состоялось в билетной кассе первого класса. Первыми — за десять минут до срока — прибыли сыщики. Сыщиков, чтобы Тони не потерял их из виду, ему показали в конторе поверенного. Сыщики, бодрые мужчины средних лет в мягких шляпах и тяжелых пальто, радовались предстоящему уикенду, потому что большую часть своего рабочего времени топтались на углах и следили за парадными, и выезды подобного рода в конторе были нарасхват. В более скромных бракоразводных процессах поверенные довольствовались показаниями гостиничных слуг. Сыщики считались роскошью и требовали соответствующего к себе отношения.

В Лондоне в этот день стоял легкий туман. На вокзале загодя зажгли фонари.

Следом за сыщиками явился Тони в сопровождении верного Джока, который пришел проводить друга. Они купили билеты и стали ждать. Сыщики, ревнители профессионального этикета, предприняли попытку стушеваться, изучая рекламы на стенах и выплядывая из-за колонны.

— Жуткая затея, — сказал Тони.

Милли прибыла только через десять минут. Она явилась из мрака — перед нею шествовал носильщик, тащивший чемодан; сзади, цепляясь за ее руку, плелся ребенок. Гардероб Милли составляли преимущественно вечерние платья, ибо дни свои она обычно проводила, сидя перед газовым камином в капоте. Вид у нее был неказистый и довольно приличный.

— Извините, если опоздала, — сказала она. — Вон Винни никак не могла отыскать свои ботинки. Я ее тоже взяла. Я знала, что вы на самом деле не против. Она ездит по половинному билету.

Винни оказалась некрасивой девчонкой в огромных очках с золотой оправой. Когда она говорила, было видно, что у нее нет двух передних зубов.

— Надеюсь, вы не собираетесь взять ее с собой.

— А то как же? — сказала Милли. — Она нам помехой не будет головоломкой своей займется.

Тони наклонился к ребенку.

— Послушай, — сказал он, — ты ведь не хочешь ехать в какой-то противный отель. Ты поедешь с этим симпатичным джентльменом. Он повезет тебя в магазин и разрешит выбрать там самую большую куклу, а потом отвезет домой на машине. Ты ведь хочешь поехать с ним, правда?

— Нет, — сказала Винни, — хочу к морю. Не хочу ехать с этим дядей. Не хочу куклу. Хочу к морю с маманей.

Теперь уже не только сыщики, но и кое-какие пассажиры стали обращать внимание на разномастную группу.

— Господи, — сказал Тони, — ничего не поделаешь — придется ее взять.

Сыщики в некотором отдалении следовали за ними по платформе. Тони поместил своих спутниц в пульмановский вагон.

— Ишь ты, — сказала Милли, — в первом классе едем. Правда, здорово? Чаю можно выпить.

— А мороженое можно?

— У них небось нет мороженого. Зато ты можешь выпить чайку.

— А я хочу мороженого.

— Мороженое получишь, когда приедем в Брайтон. А теперь не балуйся займись головоломкой, а то мама тебя не возьмет в другой раз к морю.

— Ну и ребенок! Я думал, такие только в книжках бывают, — сказал Джок, покидая Тони.

И Винни четко выдерживала эту роль всю дорогу до Брайтона. Изобретательностью она не отличалась, но классические приемы знала назубок, вплоть до таких избитых, но грозных трюков, как сопенье, покрхтыванье и жалобы на тошноту.

Номер в отеле для Тони заказывали поверенные. Поэтому дежурный администратор несколько оторопел, увидев Винни.

— Мы оставили вам двойной и одинарный смежные номера с ванной и гостиной, — сказал администратор, — мы не предполагали, что вы привезете с собой дочь. Вам потребуется еще одна комната?

— Ой, да Винни со мной поселится, — сказала Милли.

Сыщики, стоявшие поблизости, недовольно переглянулись. Тони написал «мистер и миссис Ласт» в книге посетителей

— С дочерью, — подсказал администратор, ткнув в строку.

Тони заколебался:

— Это моя племянница, — сказал он и записал на следующей строке «мисс Смит».

Сыщик, зарегистрировавшийся строкой ниже, заметил своему коллеге:

— На этот раз он выпутался. Башковитый парень. Но только в этом деле все не по-людски. И не по правилам. И еще ребенка с собой прихватили. Одно слово — почтенный семейный выезд. Только этого нам не хватало. А нам ведь надо и о репутации фирмы подумать. Ни к чему, чтоб к нам цеплялся королевский поверенный.

— А что, если тяпнуть по-быстрому? — безразлично отозвался коллега.

Наверху в номере Винни спрашивала:

— А где море?

- Прямо через дорогу.
- Хочу посмотреть на море.
- Уже темно, золотко. Завтра посмотришь.
- Хочу сегодня.
- Поведите ее сейчас, — сказал Тони.
- А вы правда не будете скучать?
- Истинная правда.
- Мы недолго.

— Ничего. Пусть наглядится вволю. Тони спустился в бар и, обнаружив там сыщиков, очень обрадовался. Он стосковался по мужскому обществу.

- Добрый вечер, — сказал он.

Сыщики подозрительно покосились на него. Все словно нарочно складывалось так, чтобы оскорбить их профессиональные чувства.

— Добрый вечер, — сказал старший сыщик. — Паршивая сегодня погода, сырая.

— Выпейте со мной. — Ввиду того, что Тони и так оплачивал их расходы, приглашение было явно излишним, но сыщик помолже инстинктивно оживился и сказал:

- А почему бы и нет?

— Переходите за мой столик. Мне тут одиноко. Они отнесли выпивку на дальний столик, где их, не мог слышать бармен.

— Мистер Ласт, так не годится, сэр, — сказал старший сыщик. — Вам не положено нас узнавать. Уж не знаю, что бы на это сказали в конторе.

- Наше вам, — сказал младший сыщик.

— Это мой коллега мистер Джеймс, — сказал старший сыщик. — Моя фамилия Бленкинсон. Джеймс в нашем деле новичок.

- Совсем как я, — сказал Тони.

— Жаль, что такая паршивая погода выдалась для работы, — сказал Бленкинсон, — сырость, и ветер дует. У меня все кости ломит.

— Скажите, пожалуйста, — сказал Тони, — берут когда-нибудь детей в такого рода поездки?

- Никогда.

- Я так и думал.

— Раз уж вы спросили, мистер Ласт, я так скажу — это неправильно и неосмотрительно. Не годится так, в этих делах важно

произвести хорошее впечатление. Насчет нас с Джеймсом можете не беспокоиться. Мы об этом на суде — ни гугу. Но на слуг полагаться нельзя. Вдруг нарветесь на новичка в судебных делах, а он возьми да и ляпни что не след. Тогда что? Не нравится мне это, мистер Ласт, по правде вам скажу.

— А мне и подавно.

— А я детишек люблю, — сказал Джеймс, новичок в этом деле. — Ну как, тяпнем еще по одной? Мы угощаем.

— Скажите, — попросил Тони, когда они уже порядком посидели за столиком. — Вам, должно быть, пришлось повидать немало пар, подготавливающих здесь развод, скажите, как им удавалось скоротать день?

— Летом все проще, — сказал Бленкинсон, — девицы обычно купаются, а джентльмены читают газеты на эспланаде; одни катаются на машинах, другие просто торчат в баре. Но почти все рады-радехоньки, когда приходит понедельник.

Когда Тони поднялся в номер, Милли с дочерью сидели в гостиной.

— Я заказала мороженое, — сказала Милли.

— Превосходно.

— Хочу сейчас ужинать, хочу сейчас ужинать.

— Сейчас нельзя, золотку, уже поздно. Тебе принесут мороженое.

Тояи вернулся в бар.

— Мистер Джеймс, — сказал он, — если я вас правильно поняла, вы сказали, что любите детей?

— Да, но в меру, разумеется.

— А вы не согласились бы пообедать с девочкой, которая приехала вместе со мной? Я была бы вам весьма признателен.

— Нет, нет, сэр, едва ли.

— Вы убедитесь, я не останусь в долгу.

— Я бы с удовольствием, но, видите ли сэр, это не входит в мои обязанности. — Джеймс было дрогнул, но тут вмешался Бленкинсон.

— Это никак невозможно, сэр.

Когда Тони ушел, Бленкинсон решил поделиться с Джеймсом сокровищами своего опыта; он в первый раз работал в царс

Джеймсом и счел своим долгом научить младшего товарища уму-разуму.

— Самое трудное в нашем деле — внушить клиенту, что развод дело серьезное.

В конце концов непомерные посулы, две-три порции мороженого и вызванное ими легкое уныние все же заставили Винни пойти в постель.

— Как будем спать? — спросила Милли.

— Как хотите.

— Нет уж, как вы хотите.

— Наверное, Винни будет уютнее с вами... но утром, когда принесут завтрак, ей, конечно, придется перейти в другую комнату.

Винни устроили в уголке огромной кровати, подоткнули со всех сторон одеялом, и, она, к изумлению Тони, уснула, прежде чем они спустились ужинать.

Вместе с одеждой Тони и Милли сменили настроение. Милли надела свое лучшее вечернее платье, огненно-красное с голой спиной, насвежо накрасилась, расчесала обесцвеченный перманент, сунула ноги в красные туфли на высоких каблуках, нацепила браслеты, подушила за ушами, вдела огромные серьги из поддельного жемчуга, отряхнула домашние заботы и, облачившись в форму, приступила к выполнению воинского долга — легионер, вызванный к боевой службе после выматывающей зимы в бараках; и Тони, наполняя перед зеркалом портсигар и опуская его в карман вечернего костюма, напомнил себе, что, какой фантазмагоричной и мерзостной ни казалась бы ему — эта ситуация, он должен вести себя как хозяин; итак, он постучался и спокойно прошел в комнату своей гостьи; вот уже месяц он жил в мире, внезапно лишившемся порядка; казалось, разумное и достойное положение вещей, весь накопленный им жизненный опыт был всего-навсего безделицей, по ошибке засунутой в дальний угол туалетного столика; и в каких чудовищных обстоятельствах он бы ни оказался, какие новые безумства ни заметил бы, это ничего не могло добавить к тому всепоглощающему хаосу, который свистел у него в ушах.

Он с порога улыбнулся Милли.

— Прелестно, — сказал он. — Совершенно прелестно. Пойдем обедать.

Их комнаты были на втором этаже. Ступенька за ступенькой, они рука об руку спустились по лестнице в ярко освещенный холл.

— Больше бодрости, — сказала Милли. — Вы что, язык проглотили?

— Извините, вам скучно?

— Нет, это я шучу. А вы паренек серьезный, верно я говорю?

Несмотря на мерзкую погоду, отель, по-видимому, был битком набит съехавшейся на уикенд публикой. Через вращающиеся двери входили все новые и новые гости, глаза у них слезились, а щеки посинели от стужи.

— Жидки понаехали, — ненужно комментировала Милли. — Ну да ладно, все равно хорошо раз в кои веки вырваться из клуба.

Среди вновь прибывших оказался приятель Милли. Он руководил размещением своих многочисленных чемоданов. В любом другом месте он привлек бы всеобщее внимание, ибо на нем был берет и просторная меховая шуба, из-под которой выплядывали клетчатые чулки и комбинированные черно-белые туфли.

— Отнесите чемоданы наверх, распакуйте, да поживей, — приказал он.

Он был низенький и плотный. Его подруга, тоже в мехах, недовольно тарасилась на одну из стеклянных витрин, украшавших холл.

— Ой, ради бога, — сказала она.

Милли и молодой человек поздоровались.

— Это Дэн, — сказала Милли.

— Ну, — сказал Дэн, — так что будем делать дальше?

— Выпить мне наконец дадут? — сказала подруга Дэна.

— Конечно, Кисуля, даже если мне самому придется сбегать за выпивкой. Выпьете с нами за компанию или мы будем de trop. ^[20]

Они прошли блистающий салон.

— Я продрогла, как собака, — сказала Кисуля.

Дэн снял пальто и предстал в брюках гольф пурпурного цвета с блестящим отливом и в шелковой рубашке такой расцветки, которую Тони выбрал бы разве что для пижамы.

— Мы тебя сейчас отогреем, — сказал он.

— Тут от жидков не продохнуть, — сказала Кисуля.

— Я всегда считал это залогом того, что отель хороший. Вы со мной не согласны? — сказал Тони.

— Еще чего, — сказала Кисуля.

— Не сердитесь на Кисулю, она озябла, — объяснил Дэн.

— Интересно, кто бы не озяб в вашем паршивом драндулете?

Они выпили несколько коктейлей. Потом Дэн и Кисуля ушли к себе в номер причепуриться, как объяснили они; их пригласили на вечеринку к другу Дэна, на его виллу неподалеку.

Тони и Милли пошли обедать.

— Он отличный парень, — сказала Милли, — часто заходит? в клуб. У нас там разные типы бывают, но Дэн, он из приличных. Я с ним один раз чуть было за границу не поехала, но в последний момент у него что-то там сорвалось.

— Кажется, мы не очень понравились его девушке.

— Да она просто озябла.

Тони обнаружил, что ему с трудом удастся поддерживать застольную беседу. Поначалу он отпускал замечания о соседях, как делал бы, обедая с Брендой у Эспинозы.

— Вон там в углу хорошенькая девушка.

— Чего бы вам не податься к ней, милоч? — сказала Милли язвительно.

— Посмотрите, какие бриллианты у той женщины. Как, по-вашему, они настоящие?

— Спросите у нее, если вам так интересно.

— Смотрите, какая красивая женщина — вон там танцует, брюнетка.

— Чего бы вам ей самой не сказать — она просто помрет от радости.

Вскоре до Тони дошло, что в кругу, где вращалась Милли, считалось дурным тоном проявлять интерес к другим женщинам, кроме своей спутницы.

Они пили шампанское. Его же, что неприятно поразило Тони, пили и оба сыщика. Он об этом еще поговорит, когда ему представят счет. Нельзя сказать, чтоб они его выручили с Винни. Где-то в глубине сознания его все это время терзал вопрос:

Что же они будут делать после ужина, но вопрос решился сам собой: когда он закуривал сигару, с другого конца зала к ним

Подошел Дэн.

— Послушайте, — сказал он. — Если у вас нет планов на вечер, отчего бы вам не поехать с нами в гости к моему другу. Вы не пожалеете. Он умеет принять гостей первый сорт.

— Ой, давайте поедem, — сказала Милли.

Вечерний костюм Дэна был сшит из синего материала, который, очевидно, должен был казаться черным при электрическом освещении, однако почему-то оставался совершенно синим.

Итак, Милли и Тони поехали к другу Дэна и были приняты первый сорт. Туда съехалось человек двадцать или тридцать гостей, все более или менее похожие на Дэна. Друг Дэна был само радушие. Когда он не возился с приемником, который то и дело выходил из строя, он расхаживал среди гостей, снова и снова наполняя стаканы.

— Славная штука, — говорил он, демонстрируя наклейку, — от нее вреда не будет. Штука что надо.

И они налегли на штуку что надо.

Временами друг Дэна замечал, — что Тони чувствует себя не в своей тарелке. Тогда он подходил и клал руку ему на плечо.

— Очень приятно, что Дэн вас затащил, — говорил он, — надеюсь, у вас ни в чем нет недостатка. Рад вас видеть. Приезжайте еще, когда не будет гостей, посмотрите мой домик. Розами интересуетесь?

— Да, я очень люблю розы.

— Так приезжайте, когда зацветут розы. Раз вы интересуетесь розами, вам тут понравится. Черт бы побрал это радио, опять барахлит.

И Тони задумался, а бывал ли он так приветлив, когда в Хеттон без спросу привозили незнакомых гостей.

Где-то в середине вечера он очутился на диване рядом с Дэном, который говорил:

— Славная девочка Милли.

— Да.

— Я вам скажу, что я заметил. Она нравится совершенно не тем мужчинам, что остальные девушки. Вроде нас с вами.

— Да.

— Вы б никогда не догадались, что у нее дочка восьми лет, правда?

— Да, это удивительно.

— Я долго не знал. А потом как-то приглашаю я ее в Дьепп на уикенд, и что бы вы думали — она хочет взять с собой ребенка. Эти штуки-дрючки со мной, конечно, не прошли, тем дело и кончилось, но Милли я все равно люблю. Я вам скажу за Милли: она умеет себя вести, куда ее ни поведи, — сказал он, бросив кислый взгляд на Кисулю, которая перебрала «штуки что надо» и нисколько этого не скрывала.

Вечеринка кончилась в четвертом часу. Друг Дэна еще раз повторил приглашение приехать, когда зацветут розы.

— Будьте спокойны, лучше роз вам не найти на всем юге Англии, — сказал он.

Дэн отвез их в отель. Кисуля сидела рядом с ним на переднем сиденье и склочничала.

— Ты где был? — без конца повторяла она. — Я тебя за весь вечер ни разу не видела. Ты куда делся? Где ты шлялся? Называется повез девушку в гости нечего сказать, хорош гусь.

Тони и Милли сидели сзади. Привычка и усталость взяли свое, и Милли положила голову на плечо Тони и держала его за руку. Когда они подошли к номеру, Милли сказала:

— Только тихо. Не разбудить бы Винни. И Тони час, а то и больше, лежал в тесной душной спальне, снова и снова перебирая в уме события последних трех месяцев; потом тоже уснул.

Разбудила его Винни.

— А мама еще спит, — сказала она. Тони посмотрел на часы.

— Надо думать, — сказал он. Было четверть восьмого. — Ступай назад в постель.

— Нет, я уже оделась. Пошли гулять. Она подошла к окну и отдернула шторы, комнату залил ледяной утренний свет.

— А дождик совсем слабенький, — сказала она.

— Что ты хочешь делать?

— Хочу пойти на мол.

— Мол еще закрыт.

— Все равно хочу на море. Пошли.

Тони понял, что больше ему не спать.

— Хорошо. Выйди и подожди, пока я оденусь.

— Я здесь подожду. Мама так храпит.

Через двадцать минут они спустились в холл, где официанты в фартуках составляли мебель и подметали ковры. Когда они вышли из вращающихся дверей, их встретил пронизывающий ветер. Асфальт бульвара был мокрым от морских брызг и дождя. По нему, подгоняемые ветром, неслись две-три женские фигурки, руками в перчатках прижав к груди молитвенники. Четверо или пятеро несчастных стариков проковыляли к морю, сопя и отдуваясь.

— Да пошли же, — сказала Винни.

Они спустились на берег и, обшибая ноги о гальку, подошли к самому морю. Винни бросала камешки.

Купальщики были уже в воде: некоторые взяли с собой собак, собаки, отфыркиваясь, плыли бок о бок с хозяевами.

— Ты почему не купаешься? — спросила Винни.

— Слишком холодно.

— А они купаются. Я тоже хочу.

— Спросись у мамы.

— Ты небось просто трусишь. Ты плавать умеешь?

— Да.

— Тогда чего ж ты не плаваешь? Спорим, что не умеешь.

— Пусть будет по-твоему. Не умею.

— Чего ж ты тогда говорил, что умеешь? Врун ты после этого.

Они пошли по гальке вдоль берега. Винни поскользнулась и села раскорякой в лужу.

— Ну вот, у меня теперь штанишки мокрые, — сказала она.

— Надо вернуться в отель, там переоденешься.

— Как противно в мокром. Пошли позавтракаем. Отель, как правило, не обслуживал постояльцев, которые спускались завтракать в восемь утра, да еще в воскресное утро. Ничего не было готово, и им пришлось довольно долго ждать. Мороженого, к неудовольствию Винни, не оказалось. Она ела грейпфрут и тосты с яичницей и копченой селедкой, то и дело раздражаясь жалобами на мокрую одежду. После завтрака Тони послал ее наверх переодеться, а сам курил в салоне трубку и просматривал воскресные газеты. В девять утра этим занятиям положил конец приход Бленкинсопа.

— Вчера вечером мы потеряли вас из виду, — сказал он.

— Мы поехали на вечеринку.

— Не следовало этого делать, строго говоря, ну да ладно. Думаю, особого вреда не будет. Вы уже завтракали?

— Да, здесь, в ресторане, с Винни.

— Мистер Ласт, о чем вы думаете? Вам же нужны показания слуг.

— Видите ли, мне не хотелось будить Милли.

— Ей за это деньги платят, верно? Куда это годится, мистер Ласт? Вам никогда не получить развода, если вы будете себя так несолидно вести.

— Хорошо, — сказал Тони, — я позавтракаю еще раз.

— И учтите — обязательно в постели.

— В постели так в постели. — И Тони уныло поплелся в номер.

Винни уже отдернула занавески, но это не разбудило ее мать.

— Она один раз проснулась, но потом перевернулась на другой бок. Разбудите ее, пускай встает. Я хочу на мол.

— Милли, — сказал Тони твердо, — Милли.

— Ох, — сказала она. — Который час?

— Нам надо позавтракать.

— Не хочу я завтракать. Я еще немножко посплю.

— Ты уже завтракал, — сказала Винни.

— Вставайте, — сказал Тони. — Потом выспитесь вволю. Для чего, спрашивается, мы сюда приехали? Милли села.

— Ладно, — сказала она. — Винни, золотко, дай маме кофточку со стула.

Милли была совестливая девушка и не увиливала от работы, какой бы отвратительной та ни казалась.

— Это ж надо в такую рань поднять. Тони прошел в свою комнату, снял туфли, воротничок, галстук, пиджак и жилет и надел халат.

— Вот жадина, — сказала Винни, — по два завтрака ест.

— Когда станешь постарше, научишься понимать эти вещи. Таков закон. А теперь посиди тихо четверть часа в гостиной. Обещаешь? Потом можешь делать все, что хочешь.

— А купаться можно?

— Разумеется, если будешь сидеть тихо.

Тони лег в постель к Милли и плотно запахнул у ворота халат.

— Ну, как я выгляжу? Все в порядке?

— Девичья мечта, — сказала Милли.

— Отлично. В таком случае я звоню.

Едва принесли завтрак, Тони вылез из постели и оделся.

— Вот и вся измена, — сказал он. — И подумать только, что в газетах это назовут «интимными отношениями».

— А теперь мне можно купаться?

— Разумеется.

Милли снова улеплась спать.

Тони повел Винни на берег. Поднялся ветер, тяжелые волны молотили по гальке.

— Девочка хотела бы искупаться, — сказал Тони.

— Сегодня детям купаться запрещено, — сказал пляжный служитель.

— Это ж надо такое придумать, — говорили собравшиеся зеваки. — Он что, утопить ребенка хочет?

— Да мыслимое ли дело этакому человеку ребенка доверить.

— Мерзавец, самый настоящий мерзавец.

— А я хочу купаться, — сказала Винни, — ты сказал, что мне можно купаться, если ты съешь два завтрака.

Публика, обступившая их кольцом, чтоб всласть налюбоваться замешательством Тони, неодобрительно переглядывалась.

— Два завтрака?

— Разрешает ребенку купаться?

— Да это какой то чокнутый.

— Ничего, — сказал Тони. — Мы пойдем на мол.

Несколько человек из толпы обошли с ними все автоматы, так им не терпелось посмотреть, до каких зверств может докатиться этот полоумный отец.

— Вон этот человек съел два завтрака зараз, а теперь хочет утопить свою дочку, — вводили они в курс подошедших зевак, подозрительно следя за тем, как Тони пытается занять Винни настольным бильярдом.

Поведение Тони служило подтверждением их взгляда на род человеческий, почерпнутого из еженедельников, которые они все, как один, читали сегодня утром.

— Ну что ж, — сказал поверенный Бренды, — процесс мы подготовили всесторонне, ничего не упустили. Думаю, слушание

скорее всего назначат на следующую сессию — сейчас очень большой наплыв дел, но вреда не будет, если вы заранее подютовите свои показания. Я велел их для вас перепечатать. Во г разберитесь, пожалуйста, и на всякий случай держите их при себе.

— «...Мой брак можно было назвать идеальным, — читала Бренда, — вплоть до рождества прошлого года, когда я почувствовала, что муж ко мне переменялся. Если занятия требовали моего присутствия в Лондоне, он всегда оставался в деревне. И я поняла, что он относится ко мне не так, как прежде. Он стал сильно пить и однажды, напившись, учинил скандал в нашей лондонской квартире, непрерывно звонил по телефону и подсылал пьяного приятеля, барабанить в дверь». А это нужно?

— Не обязательно, но рекомендуется вставить. Психология играет огромную роль. В минуты просветления судьи иногда удивляются, почему абсолютно приличные, счастливые в браке мужья проводят время на взморье с женщинами, которых до этого и в глаза не видели. Поэтому никогда не мешает присовокупить доказательства общей распущенности.

— Понятно, — сказала Бренда. — «С этого времени я наняла частных сыщиков и установила за ним слежку. То, что я узнала из их донесений, заставило меня покинуть дом моего мужа пятого апреля». Да, теперь я как будто разобралась.

III

Леди Сент-Клауд сохраняла первобытную веру во власть я сверхъестественный здравый смысл Главы Семьи, поэтому, узнав, что Бренда сбилась с пути истинного, она первым делом послала телеграмму Реджи с требованием тотчас же вернуться из Туниса, где тот в данный момент осквернял гробницы. Но Реджи остался верен себе и не торопился. Он не сел на первый пароход, не сел он и на второй и, таким образом, прибыл в Лондон в понедельник, уже после того, как Тони вернулся из Брайтона. Он собрал у себя в библиотеке семейный совет в составе Бренды, Марджори, Аллана и поверенных; потом всесторонне обсудил вопрос с каждым из них в отдельности; пригласил на обед Бивера, поужинал с Джеком и даже нанес визит

тетке Тони Фрэнсис. И в заключение договорился с Тони поужинать в четверг вечером у Брауна.

Он был на восемь лет старше Бренды; беглое, трудно уловимое сходство крайне редко угадывалось между ним и Марджори, но и внутренне и внешне он отличался от Бренды, насколько только можно себе представить. Он был толст ранней, неестественной полнотой и носил бремя плоти так, словно еще не успел к нему привыкнуть; словно на него навалили этот груз только сегодня утром и он все пробует, как бы к нему получше приладиться; походка у него была неуверенная, а глаза воровато бегали по сторонам, словно он боится попасть в засаду и сознает, что при его данных ему не убежать. Впечатлением этим, однако, он был обязан исключительно своей внешности; взгляд казался подозрительным, оттого что глаза еле выпядывали из-за складок жира, а движения отличались осторожностью, потому что он с трудом сохранял равновесие, а не потому, что стеснялся своей неуклюжести; ему никогда и в голову не приходило, что он выпядит не совсем обычно.

Куда больше половины своего времени и дохода Реджи тратил за границей на скромные археологические экспедиции. Его дом в Лондоне был битком набит плодами этих раскопок — разбитыми амфорами, позеленевшими бронзовыми топорами, осколками костей и обуглившихся палочек, стояла там и грекоримская мраморная голова с до основания стертыми временем чертами. Реджи написал две небольшие монографии о своих экспедициях и издал их за собственный счет, посвятив членам королевской семьи. Приезжая в Лондон, он аккуратнейшим образом посещал палату лордов; всем друзьям его перевалило далеко за сорок, вот уже несколько лет он тоже считался представителем этого поколения, и лишь очень немногие матери еще лелеяли надежду заполучить его в зятя.

— Вся эта история с Брендой мне представляется крайне неудачной, сказал Реджи Сент-Клауд.

Тони согласился.

— Мать, естественно, весьма расстроена. Я и сам расстроен. Откровенно говоря, я не могу не признать, что она, по моему мнению, вела себя крайне глупо, глупо и неподобающе. Я вполне понимаю, что и вы тоже этим расстроены.

— Да, — сказал Тони.

— И все же, как я ни уважаю ваши чувства, должен сказать, что, по моему мнению, вы ведете себя довольно невеликодушно.

— Я делаю все так, как хочет Бренда.

— Дорогой мой, она сама не знает, чего хочет. Я видел вчера этого самого Бивера. Он мне совершенно не понравился. А вам?

— Я его почти не знаю.

— Так вот, уверяю вас, он мне совершенно не понравился. А вы, можно сказать, кидаете Бренду в его объятия. Вот к чему ведет ваше поведение, как я понимаю, и вот почему я считаю вас невеликодушным. Конечно, сейчас Бренда вбила себе в голову, что она в него влюблена. Но долго это не протянется. Да и может ли быть иначе с этим самым Бивером. Не пройдет и года, как она захочет к вам вернуться, вот увидите. Аллан то же самое говорит.

— Я уже говорил Аллану. Я не хочу, чтобы она возвращалась.

— Ну, это уже невеликодушно.

— Да нет, просто я не смог бы относиться к ней по-прежнему.

— А зачем относиться по-прежнему? Люди с возрастом меняются. Да еще десять лет назад меня не интересовали никакие эпохи после шумерской, а теперь, смею вас заверить, даже христианская эра представляется мне весьма значительной.

И Реджи пустился в пространные рассуждения о *tabulae execrationum*,^[21] которые он недавно откопал.

— Мы находили их почти в каждой могиле, — говорил он, — чаще всего в них сообщается о гонках колесниц, они нацарапаны на свинце. Их обычно бросали в погребения; пока мы обнаружили всего сорок три, но тут случилась эта неприятная история, и мне пришлось вернуться. Естественно, что я расстроен.

Некоторое время он молча поглощал пищу. Последнее умозаключение вернуло разговор к исходной точке. Он явно еще не высказался до конца и теперь размышлял, как половчее приступить к делу. Ел он прожорливо, чавкал (и часто, сам того не замечая, поедал то, что обычно оставляется на тарелке: рыбы головы и хвосты, холмики куриных костей, персиковые косточки и яблочные черенки, сырны корки и волокнистые части артишоков).

— Да и потом, знаете ли, нельзя сказать, чтобы Бренда была во всем виновата.

— Я как-то не думал о том, кто виноват.

— Все это, конечно, хорошо, но вы становитесь в позу оскорбленного супруга — говорите, что не сможете к ней по-прежнему относиться и все такое. Я хочу сказать, для ссоры нужны двое, а у вас, насколько я понимаю, жизнь Давно не ладилась. Вы, к примеру, сильно пили, да, кстати, не хотите ли еще бургундского?

— Это вам Бренда сказала?

— Да. И у вас тоже были увлечения. Вы пригласили какую-то даму с мавританской фамилией в Хеттон, когда Бренда была там. Это уже, знаете ли, несколько чересчур. Я всецело за то, чтоб супруги не стесняли друг друга, но тогда никого нельзя винить, если вы меня поняли.

— Это вам Бренда сказала?

— Да. Не подумайте, будто я хочу читать вам мораль или поучать, но только я чувствую, что вы не вправе поступать с Брендой так невеликодушно при сложившихся обстоятельствах.

— Она сказала, что я пил и был в связи с этой мавританской дамой?

— Ну, не скажу, что она именно так сказала, но она говорила, что вы в последнее время выпивали и явно проявляли интерес к этой даме.

Молодой толстяк напротив Тони заказал чернослив со сливками. Тони сказал, что больше есть не будет.

А ведь всего несколько дней назад ему казалось, что его ничто не сможет удивить.

— Поэтому, я надеюсь, вам будет понятно то, к чему я сей час перейду, вкрадчиво продолжал Реджи. — Речь пойдет о деньгах. Я понял, что, находясь в тяжелом состоянии после смерти ребенка, Бренда пошла на какое-то устное соглашение с вами относительно алиментов.

— Да, я определил ей пятьсот фунтов в год.

— Ну, знаете ли, по моему мнению, вы не имеете права так злоупотреблять ее благородством. С ее стороны было крайне неблагоразумно согласиться на ваше предложение. Она теперь признает, что была тогда не в себе.

— И что же она предлагает?

— Пойдемте отсюда, выпьем кофе.

Когда они расположились у камина в пустой курительной Реджи наконец ответил:

— Видите ли, я обсудил этот вопрос с юристами, и мы нашли, что сумма должна быть увеличена до двух тысяч фунтов.

— Это невозможно. Мне никогда не осилить такой суммы.

— Видите ли, я должен учитывать интересы Бренды. У нее почти ничего нет, и ей не на что надеяться. Мать моя живет на содержание, которое я ей выплачиваю по завещанию отца. Бреиде я не смогу ничем помочь. Все средства, которые мне удастся собрать, я вложу в экспедицию к одному из оазисов в Ливийской пустыне. У этого самого Бивера тоже почти ничего нет, и непохоже, чтоб он мог заработать. Так что, как видите...

— Но, дорогой мой Реджи, вы не хуже меня знаете, что это невозможно.

— Эта сумма составляет меньше трети вашего дохода. — Да, но у меня все до последнего уходит на поместье. А вы знаете, что мы с Брендой вместе не тратили и половины этой суммы на личные расходы? Я и так с трудом смогу сводить концы с концами.

— Никак не ожидал, что вы займете такую позицию, Тони. По моему мнению, это крайне неразумно с вашей стороны. В конце концов в наше время нелепо утверждать, что холостяк не может прилично прожить на четыре тысячи; в год. Да у меня никогда больше не было.

— Это означало бы отказаться от Хеттона.

— Ну и что, я отказался от Брейкли и, смею вас заверять, никогда об этом не жалел. Конечно, тогда пришлось нелегко, старые связи, знаете ли, и все такое, но должен вам сказать, что, когда продажа наконец состоялась, я почувствовал себя другим человеком, я мог ехать куда угодно...

— Но видите ли, дело в том, что я никуда, кроме Хеттона, ехать не хочу.

— Знаете ли, в рассуждениях этих лейбористских молодчиков что-то есть. Большие дома в Англии уходят в прошлое.

— Скажите, когда Бренда соглашалась на это предложение, она понимала, что мне придется расстаться с Хеттоном?

— Да, по-моему, об этом упоминалось. Я полагаю, вам легко удастся продать Хеттон под школу или что-нибудь в этом роде. Помню, когда я пытался сбыть Брейкли, мой агент очень жалел, что это не готика, потому что школы и монастыри падки на готику.

Полагаю, вы получите вполне приличную сумму и в результате ваше финансовое положение только улучшится.

— Нет, — сказал Тони. — Это невозможно.

— Вы всех ставите в крайне неловкое положение, — сказал Реджи. — Не понимаю, что вас заставляет так поступать

— Более того, я не верю, чтобы Бренда ожидала, что я на это пойду или хотела этого.

— Ну, конечно же, она этого хочет, дорогой мой. Смею вас заверить.

— Уму непостижимо.

— Видите ли, — сказал Реджи, попыхивая сигарой, — дело тут не только в деньгах. Пожалуй, лучше раскрыть все карты, хоть я и не собирался этого делать. Откровенно говоря, Бивер полез в бутылку. Он говорит, что если Бренда не будет подобающим образом обеспечена, он не сможет на ней жениться. Это будет непорядочно по отношению к ней, так он говорит. И я, в известной степени, его понимаю.

— И я его понимаю, — сказал Тони. — Итак, ваше предложение на самом деле означает, что мне следует продать Хеттон, чтобы купить Бренде Бивера.

— Ну, зачем же так, — сказал Реджи.

— Так вот, ничего подобного не будет, и решение это окончательное. Если вы ничего больше не имеете мне сказать, я, пожалуй, вас оставлю.

— Нет, нет, это еще не все. Видно, я очень плохо изложил дело. Вот что получается, когда щадишь чужие чувства. Понимаете, я не столько уговаривал вас согласиться на наши предложения, сколько излагал, что собирается предпринять наша сторона. Я старался решить все по-дружески, но теперь, я вижу, сто невозможно. Бренда в судебном порядке потребует две тысячи в год, и при наших свидетельских показаниях мы их получим. Мне очень жаль, но вы вынудили меня высказаться без обиняков.

— Мне такой вариант не приходил в голову.

— По правде говоря, нам тоже. Это идея Бивера.

— Я вижу, вы поставили меня в довольно-таки безвыходное положение.

— Ну, зачем же так.

— Мне хотелось бы удостовериться, что Бренда в этом участвует. Вы не будете возражать, если я ей позвоню?

— Нисколько, старина. Мне случайно известно, что она сегодня вечером у Марджори.

— Бренда, это Тони... Я сейчас ужинал с Реджи.

— Да, он что то такое говорил.

— Он мне сказал, что ты собираешься требовать алименты в судебном порядке. Это правда?

— Тони, не надо меня стращать. Всем занимаются юристы. Не имеет смысла обращаться ко мне.

— Ты знала, что они потребуют две тысячи?

— Да, они говорили. Я понимаю, это очень много, но...

— И ты прекрасно знаешь, как у меня обстоит с деньгами, так ведь? Знаешь, что для этого мне придется продать Хеттон, так ведь?.. Алло, ты меня слушаешь?

— Слушаю.

— И ты знаешь, что это значит?

— Тони, не заставляй меня чувствовать себя скотиной. Все и так нелегко.

— Значит, ты знаешь, чего именно ты требуешь?

— Да... наверное.

— Отлично, это все, что я хотел узнать.

— Тони, ты так странно говоришь... Не вешай трубку.

Тони положил трубку и вернулся в курительную. Многое, что до сих пор удивляло его, вдруг стало понятным Готический мир трещал по швам... не сверкали доспехи на лесных полянах, не порхали вышитые туфельки по зеленым газонам, кинулись врассыпную золотые и пятнистые единороги. Телеса Реджи выпирали из кресла.

— Ну как?

— Я дозвонился Бренде. Вы были правы. Извините, что я вам не поверил. Мне поначалу это показалось невероятным.

— Все в порядке, старина.

— Теперь я окончательно решил, что делать дальше.

— Отлично.

— Я не дам Бренде развода. Показания брайтонских свидетелей гроша ломаного не стоят. По случайному стечению обстоятельств в номере все время находился ребенок. Девочка спала обе ночи в

комнате, которую должен был занимать я. Если вы обратитесь в суд, я буду защищаться, и победа останется за мной, но только мне кажется, когда вы ознакомитесь со свидетельскими показаниями, у вас отпадет охота подавать в суд. Я уеду месяцев на шесть или около того. По возвращении — если Бренде это еще будет нужно — я разведусь с ней, но ни о каких алиментах не может быть и речи. Ясно?

— Но послушайте, старина.

— Спокойной ночи. Спасибо за ужин. Желаю удачных раскопок.

Выходя из клуба, Тони заметил, что на голосование поставлена кандидатура Джона Бивера из Брэтт-клуба.

— Ну кто бы мог подумать, что старикан выкинет такой фортель? спросила Полли Кокперс.

— Теперь мне понятно, почему в газетах только и пишут, что нужно изменить закон о разводе, — сказала Вероника. — Просто преступление, если ему это сойдет с рук.

— Не надо было ему говорить заранее, вот в чем ошибка, — сказала Суки

— Ах, Бренда такая доверчивая, — сказала Дженни Абдул Акбар.

— Я считаю, Тони очень плохо показал себя в этой истории, — сказала Марджори.

— Не знаю, — сказал Аллан, — я думаю, это все твой болван братец напортачил.

ГЛАЗА ПЯТАЯ ПОИСКИ ГРАДА

I

— Имеете представление, сколько раз надо обойти палубу, чтоб пройти милю?

— Боюсь, что ни малейшего, — сказал Тони. — Но я бы сказал, вы довольно много прошли.

— Двадцать два круга. Когда привык много двигаться, в море быстро выбиваешься из колеи. Суденышко так себе. Часто ездите по этой линии?

— В первый раз.

— А я решил, у вас дела на островах. В эту пору года туристы туда не ездят. Чаще оттуда. Домой возвращаются, если вы меня понимаете. Далеко путь держите?

— В Демерару.

— А. Полезные ископаемые ищете?

— Нет, по правде говоря, я ищу град.

Компанейский пассажир было удивился, потом рассмеялся.

— Мне слышалось, вы сказали, что ищете град.

— Да.

— Вы так и сказали?

— Да.

— Я и подумал, что вроде вы так и сказали... Ну, пока. Надо сделать еще несколько кругов до обеда. — Он зашагал дальше по палубе, для равновесия слегка расставляя ноги и то и дело хватаясь за поручни.

Вот уже около часу этот человек проходил мимо Тони каждые три минуты. Поначалу при его приближении Тони поднимал глаза, потом отворачивался и продолжал смотреть на море. Немного погодя этот человек стал кивать ему, потом говорить «Привет», или «Покачивает», или «А вот и мы», и в конце концов остановился и завязал разговор.

Тони ушел на корму, чтобы положить конец этому обременительному чередованию. Он спустился по сходному трапу на нижнюю палубу. Здесь, в клетках, пришвартованных к борту, томилась различная живность: племенные быки, закутанная в попону скаковая лошадь, пара гончих, которых экспортировали на Вест-Индские острова. Тони пробрался между клетками и люками, сел на корме у лебедки и смотрел, как вздымается и падает горизонт над трубами и они встают черными силуэтами на фоне темнеющего неба. Здесь качало меньше, чем в средней, части корабля; животные беспокойно копошились в своих тесных клетушках, гончие временами подвывала. Матрос-индиец снимал с веревки белье, которое трепыхалось там целый день.

Высокие валы мгновенно накрывали носовой бурун. Они шли на всех парах по каналу на запад. К вечеру на французском берегу засветились маяки. Вскоре по ярко освещенной палубе прошел стюард, отбивая банки по гонгу из медных цилиндров; компанейский пассажир спустился вниз, чтобы принять перед обедом ванну из теплой морской воды, которая колыхалась из стороны в сторону и превращала мыло в клейкую пену. Кроме него, никто к обеду не переодевался. Тони просидел в надвигающейся тьме, пока не прозвенел второй звонок. Потом занес пальто в каюту и пошел обедать.

Так прошел его первый вечер на море.

Тони поместили за столом капитана, но капитан не покидал мостика. По обе стороны от Тони стояли пустые стулья. Качка была не сильная, и сетку не натягивали, но стюарды убрали со стола вазы и намочили скатерть, чтобы не скользила. Напротив Тони сидел цветной архидиакон. Ел он очень изящно, но его черные руки казались огромными на мокрой белесой скатерти.

«...к сожалению, наш стол сегодня не в очень хорошей форме, — сказал он, — я вижу, вы не страдалец. Моя жена не выходит из каюты. Она страдалица».

Он возвращался с конгресса, так он сказал Тони. Над лестницей помещался салон, именуемый «Музыкальный салон и кабинет». Свет здесь всегда был приглушен: днем — цветными стеклами окон, вечером — шелковыми розовыми абажурами, затенявшими электрические свечи. Тут пассажиры пили кофе, расположившись на

громоздких, обитых гобеленами диванах или на вертящихся креслах, намертво закрепленных перед письменными столами. Здесь же стюард по часу в день священнодействовал у набитого романами шкафа, составляющего судовую библиотеку.

— Суденьшко так себе, — сказал компанейский пассажир, подсаживаясь к Тони, — но, надо надеяться, выйдет солнце, и станет повеселее.

Тони закурил сигару и получил замечание от стюарда:

В этой комнате курить не разрешалось.

— Ничего, — сказал компанейский пассажир, — мы все равно идем сейчас в бар. Знаете, — сказал он через несколько минут, — я должен перед вами извиниться. Перед самым обедом я было подумал, что у вас не все дома; когда вы сказали, что едете в Демерару искать град, я так и подумал, ей-ей. Но потом эконома — я за его столом сижу; самая веселая компания всегда за столом эконома, это проверено, и обслуживают там лучше всего, — так вот эконома рассказал мне о вас. Вы ведь исследователь, верно?

— Да вроде так, — сказал Тони. До него как-то не сразу дошло, что он исследователь. Он стал им всего две недели назад. Даже два огромных ящика в трюме, помеченные его именем, с ярлыками «Востребовать по прибытии», с такими новыми и непривычными предметами, как аптечка, автоматический дробовик, лагерное оборудование, вьючные седла, кинокамера, динамит, дезинфицирующие средства, разборное каноэ, фильтры, консервированное масло, и самое диковинное из всего этого — набор всевозможных товаров, который доктор Мессингер именовал «обменным фондом», — никак не убеждали его в серьезности экспедиции. Всем распоряжался доктор Мессингер. Он сам выбирал музыкальные шкатулки, заводных мышей, зеркальца, гребенки, духи, пилюли, рыболовные крючки, топоры, цветные шутихи и рулоны искусственного шелка, которыми был набит ящик с надписью «Обменный фонд». Да и с самим доктором Мессингером, который сейчас лежал на койке и, как сказал бы цветной священнослужитель, «страдал», он познакомился совсем недавно, и сегодня впервые за время их знакомства Тони увидел, что он человек как человек.

Тони почти не жил за границей. Когда ему было восемнадцать, перед поступлением в университет его поселили на лето неподалеку

от Тура у пожилого господина, с тем чтоб он выучил язык. (...серый каменный дом, обвитый виноградом. В ванной чучело спаниеля. Старик называл его Стоп; в ту пору считалось высшим шиком давать собакам английские имена. Тони катил на велосипеде к замку по прямым белым дорогам, к багажнику у него был приторочен сверток с булками и холодной телятиной, мелкая пыль просачивалась сквозь бумагу и скрипела на зубах. С Тони жили еще два парня, тоже англичане, и французский он так толком и не выучил. Один из них влюбился, а другой упился в первый раз в жизни искристым «Вуври» на городской ярмарке. В этот вечер Тони выиграл в лотерею живого голубя; он выпустил его на свободу, а потом увидел, как хозяин балагана изловил голубя сачком...) Потом он поехал на несколько недель в Центральную Европу с другом из Бейлляола.^[22] (Непрекращающееся падение марки неожиданно сделало их богачами, и они купались в непривычной роскоши в лучших апартаментах отелей. Тони купил за несколько шиллингов горжетку и подарил ее одной девушке в Мюнхене, которая не знала ни слова по-английски.) А потом медовый месяц с Брендой на Итальянской Ривьере в чужой вилле. (...Кипарисы и оливковые деревья, увенчанная куполом церковь ниже по холму, на полпути между виллой и гаванью, кафе, где они сидели по вечерам, глядя на рыбацьи лодки и отражавшиеся в воде огни, и поджидали, когда, взбурлив воду и возмутив тишину, подойдет быстроходный катер. Назывался катер «Джазистка», владельцем его был франтоватый молодой чиновник. Казалось, он по двадцать часов на дню влетает и вылетает из бухты...) Потом они с Брендой поехали как-то раз в Ле-Туке вместе с гольф-командой Брэтгг-клуба. Вот и все. После смерти отца он больше не выезжал из Англии. Не удавалось выкроить денег; поездки, как и многое другое, откладывались до тех времен, когда будет выплачен налог на наследство; кроме того, он не любил уезжать из Хеттона, а Бренда не хотела оставлять Джона Эндрю.

Поэтому Тони не предьявлял к путешествиям особых запросов и, решив уехать за границу, прежде всего отправился в туристическое агентство и вынес оттуда кипу пестрых проспектов, рекламирующих комфортабельные морские круизы на фоне пальм, негритянок и разрушенных колоннад. Он уезжал, потому что этого ждут от мужа в подобных обстоятельствах, потому что все связанное с Хеттоном

было для него надолго отравлено, потому что ему хотелось пожить несколько месяцев вдали от людей, которые знали его или Бренду, и в местах, где он бы не наткнулся вечно на нее, Бивера или Реджи Сент-Клауда, вот с этим-то желанием убежать куда глаза глядят он унес проспект в Гревилль-клуб. Он состоял его членом несколько лет, но бывал там крайне редко; не вышел он оттуда лишь потому, что периодически забывал отправить в банк указание прекратить уплату взносов. Теперь, когда Брэтт и Браун ему опостытели, он радовался, что не вышел из Гревилля. Это был клуб интеллектуального направления, в нем состояли профессора, несколько писателей, работники музеев и члены научных обществ. В клубе были приняты простецкие манеры, так что Тони несколько не удивился, когда к нему — он сидел в кресле, обложившись иллюстрированными брошюрами, — подошел незнакомый ему член клуба и спросил, не предполагает ли он поехать в путешествие. Куда больше он удивился, когда, подняв глаза, рассмотрел подошедшего.

Доктор Мессингер, хотя и был молод, носил бороду, а Тони почти не встречал бородатых молодых людей. Он был тщедушен, загорел и преждевременно лыс; красноватый загар обрывался на середине лба четкой линией, над которой бледным куполом вздымался лоб; он носил очки в стальной оправе, и было явно заметно, что синий саржевый костюм его стесняет.

Тони признался, что подумывает поехать в морское путешествие.

— Я скоро уезжаю в Бразилию, — сказал доктор Мессингер. — Во всяком случае, это или Бразилия, или Нидерландская Гвиана. Трудно сказать. Границу так и не провели. Я должен был уехать еще на прошлой неделе, но мои планы рухнули. Кстати, вы случайно не знаете одного типа из Никарагуа, он себя называет то Понсонби, то Фитцкларенс?

— Нет, скорее всего не знаю.

— Ваше счастье. Он только что украл у меня две сотни фунтов и несколько пулеметов.

— Пулеметов?

— Да, я всегда вожу с собой один-другой. Больше, знаете ли, чтобы поугадать или для обмена, а теперь их не купишь. Вы когда-нибудь пробовали купить пулемет?

— Нет.

— Ну так вот, можете поверить мне на слово, это нелегко. Не войдешь же прямо в магазин и не спросишь с ходу пулемет.

— Да, вроде не спросишь.

— Конечно, в крайнем случае можно обойтись и без пулеметов. Но без двухсот фунтов мне не обойтись.

На коленях Тони лежал проспект, раскрытый на фотографии Агадирской бухты. Доктор Мессингер через плечо Тони заглянул в проспект.

— Как же, как же, — сказал он. — Интересное местечко. Вы, конечно, встречались там с Зингерманном?

— Нет, я там еще не был.

— Он бы вам понравился — очень порядочный человек. Большие деньги делал на продаже боеприпасов атласским шейхам до замирения. Конечно, при всех этих капитуляциях деньги сами в руки плывут, но он всех заткнул за пояс. Кажется, у него сейчас ресторанчик в Могадоре. — И продолжал мечтательно: — Вся беда в том, что я не могу впутывать в это дело КГО.^[23] Деньги на экспедицию нужно раздобыть у частного лица.

К часу комната набилась народом; какой-то египтолог показывал увязанных в платок скарабеев издателю церковного еженедельника.

— Пожалуй, пора идти обедать, — сказал доктор Мессингер.

Тони не собирался обедать в Гревияле, но отклонить приглашение было трудно, к тому же он был свободен.

Доктор Мессингер пообедал яблоками и рисовым пудингом. («Я должен быть очень осторожен с едой», — сказал он.). Тони съел холодный бифштекс и пирог с почками. Они сидели у окна в большом зале наверху. Места вокруг скоро заполнили члены клуба, которые в своих освященных традицией простецких манерах зашли так далеко, что, перегнувшись через спинки стульев, разговаривали с сидящими за другими столиками, сбивая с толку и без того нерадивых официантов. Но Тони ничего не слышал, так увлек его рассказ доктора Мессингера.

— Понимаете, предание о Граде существует с шестнадцатого века, со времен первых исследователей. Местонахождение его определяли по-разному, иногда около Мату-Гроссу, иногда в верховьях Ориноко — сейчас там территория Венесуэлы. Сам я думаю, что Град где-то в районе Урарикуэры. Я там побывал в прошлом году, и тогда-

то мне и удалось завязать отношения с индейцами племени пай-вай; ни одному белому еще не удава» лось вырваться от них живым. Так вот от пай-ваев я и узнал, где искать Град. Никто из них, конечно, не бывал там, но они о нем знают. Любому индейцу от Сьюдад-Боливара до Пары о нем известно. Но говорить о нем они ни за что не хотят. Чудной народ. Правда, мне удалось побрататься с одним пай-ваем — весьма интересный обряд. Меня зарыли по горло в глину, и женщины племени по очереди плевали мне на голову. Потом мы съели жабу, и змею, и жука, и я стал кровным братом этого индейца, так вот, он-то мне и сказал, что Град лежит между истоками Корантейна и Такуту. Там огромные пространства неисследованных земель. Мне давно хотелось побывать в тех местах. Историю вопроса я тоже изучил, так что мне более или менее понятно, почему Град возник именно там. Это было следствием миграции из Перу в начале пятнадцатого века, в пору расцвета инков. Упоминание об этом содержится во всех ранних испанских документах, так что предание было явно очень распространено. Один из младших царьков взбунтовался и увел свой народ в леса. У большинства племен сохранилось в той или иной форме сказание о том, как через их земли проходят чужие племена.

— Как вы думаете, а какой он. Град?

— Трудно сказать. Каждое племя «называет его по-своему Пай-вай называют его Блестящий или Сверкающий, арекуны — Многоводный, патамоны Пестрокрылый, а варрау, как ни странно, называют его тем же словом, что и душистое повидло, которое они варят. Разумеется, нельзя предсказать, как за пять веков изоляции развилась или деградировала цивилизация...

Прежде чем уйти из Гревилля, Тони изорвал все проспекты — он сговорился участвовать в экспедиции доктора Мессингера.

— И много вы в экспедиции ездите?

— Нет, по правде говоря, первый раз.

— А что, наверное, это еще интереснее, чем кажется со стороны, признал компанейский пассажир, — а иначе с чего бы все вдруг стали в экспедиции ездить?

Корабль — если при его постройке вообще думали об удобствах предназначался для тропиков. В курительном салоне было несколько холоднее, чем на палубе. Тони прошел в каюту, достал пальто и шапку и вернулся на корму, где просидел до самого ужина. Ночь была

беззвездная и за пределами маленького ярко освещенного круга возле корабля не было видно ни зги, только одинокий маяк посылал сигналы короткий-длинный, короткий-длинный слева по носу.

Гребни волн отражали огни прогулочной палубы и, на миг озарившись их светом, проваливались в черную бездну. Проснулись и завывали гончие.

Вот уже несколько дней Тони не думал о событиях последних недель. Мысли его занимал Град — Блестящий, Многоводный, Пестрокрылый, Душистое Повидло. Он стоял у него перед глазами. Град был построен в готическом стиле: с флюгерами и башенками, горгульями, зубчатыми стенами, крестовыми сводами и каменной резьбой, беседками и террасами — словом, преображенный Хеттон, где вымпелы и стяги развевал легкий ветерок, и все мерцало и переливалось; коралловая крепость венчала поросший маргаритками зеленый холм, вокруг которого журчали ручейки и шелестели рощи; гобеленоподобный пейзаж с раскиданными там и сям непропорционально огромными симметрично расположенными цветами.

Корабль, мотаясь из стороны в сторону по темным водам, прокладывая дорогу к этому лучезарному святилищу.

— Интересно, присматривает ли кто за псами, — сказал компанейский пассажир, выныривая из-под локти у Тони, — справлюсь-ка я завтра у казначея. Мы могли бы их понемногу прогуливать. А то они своим воем тоску нагоняют.

На следующий день они вышли в Атлантический океан. Из мрачных темных бездн вздымались тяжеловесные волны. Испещренными пеной гребнями они напоминали холмистый край, где на вершинах еще сохранился не поддавшийся оттепели снег. Свинцово-серые и серо-голубые при свете солнца, тускло-зеленые и болотно-коричневые, как солдатские мундиры. По небу мутно-стального цвета ветер гнал пухлые облака, выпускавшие солнце не больше чем на полчаса. Мачты медленно раскачивались, перерезая небо, а нос вздымался и падал под линией горизонта. Компанейский пассажир выгуливал по палубе гончих. Гончие, натягивая цепи, рвались обнюхивать шпигаты; пассажир ковылял за ними, раскачиваясь на ходу. Он носил полевой бинокль, в который время от

времени обозревал морские просторы; проходя мимо Тони, он всякий раз предлагал ему бинокль.

— Говорил с радистом, — сказал он. — Около одиннадцати пройдем совсем близко от Ярмутского замка.

Почти никто из пассажиров не вставал. Те, кто вышли на палубу, уныло лежали в шезлонгах с подветренной стороны, обмотавшись пледами. Доктор Мессингер остался в каюте. Тони зашел к нему и нашел его весьма вялым: доктор принимал большие дозы хлорала.

К вечеру ветер покрепчал, и к утру начался шторм; иллюминаторы задраили и все бьющиеся предметы положили на пол; внезапно пароход накренился, и в «Музыкальном салоне и кабинете» грохнулась дюжина чашек. В эту ночь почти никто на борту не спал; обшивка трещала, грузы кидало от стены к стене. Тони накрепко привязал себя к койке спасательным поясом и думал о Граде.

...Ковры и балдахины, гобелены и бархат, опускные решетки и бастионы, водяная птица и лютики по берегам рва, павлины, волочащие роскошные хвосты по лужайкам; высоко над головой в сапфировом и лебяжье-пуховом небе перезвон серебряных колоколов в белоснежной башенке.

Дни тусклые и утомительные: соленый ветер и промозглый туман, вой сирены и непрерывный скрежет и лязг металла. Но после Азорских островов этому пришел конец. Натянули тенты, и пассажиры перебрались на наветренную сторону.

Жаркий полдень и ровный киль; плеск голубой воды о борт корабля, тянущейся сеткой ряби до самого горизонта; граммофоны и метание колец через сетку; взлетающие ослепительными параболами рыбы («Эрни, скорее сюда, смотри, там акула». — «Это не акула, это дельфин». — «А мистер Бринк сказал, что это морская свинья». — «Вот, вот он опять». — «Ох, был бы у меня аппарат»); прозрачная гладь вод и равномерные обороты и шаг винта; когда гончие носились по палубе, к ним тянулось множество рук. Среди общего хохота мистер Бринк заявил, что мог бы прогуливать лошадь, и даже — давши волю фантазии — быка.

Мистер Бринк сидел в развеселой компании за столом казначея.

Доктор Мессингер покинул каюту и стал появляться на палубе и в столовой. Появилась и жена архидиакона; она была гораздо светлее мужа. По другую руку от Тони сидела девушка по имени Тереза де

Витрэ. Он раз или два обратил на нее внимание еще в непогожие дни: одинокая фигурка, затерявшаяся среди мехов, подушек и пледов; бледное личико с широко расставленными темными глазами. Она сказала:

— Последние дни были ужасны. Я видела, вы перенесли их на ногах. Как я вам завидовала.

— Теперь обязательно установится хорошая погода, — и неизбежное: Далеко едете?

— В Тринидад. Это моя родина... Я пыталась догадаться по списку пассажиров, кто вы.

— Ну и как, кто же я?

— Я решила, что вы... полковник Стрэппер.

— Неужели я выгляжу таким старым?

— А разве полковники старые? Я не знала. В Тринидаде их редко видишь. Но теперь я знаю, кто вы: я спросила старшего стюарда. Пожалуйста, расскажите мне о вашем путешествии.

— Расспросите лучше доктора Мессингера. Он знает об этом куда больше меня.

— Нет, расскажите вы.

Ей было восемнадцать лет; маленькая и смуглая; с крохотным, оканчивающимся нежным узким подбородочком, личиком, которое почти целиком занимали серьезные глаза и высокий лоб. Она совсем недавно превратилась из пухлой школьницы в девушку и поэтому теперь не двигалась, а порхала, словно только что сбросила с себя тяжелую ношу и на ее плечи не успели еще лечь другие тяготы. Она проучилась два года в парижском пансионе.

«...некоторые девочки прятали у себя в комнатах помаду и румяна и по ночам красились. А одна девочка, ее звали Антуанетта, пошла так к мессе в воскресенье. Она жутко поскандалила с мадам де Сюпплис, и ей пришлось после конца семестра уйти из школы. На такое у нас никто не отваживался. Все ей завидовали... Только она была некрасивая и вечно жевала конфеты...»

«...Я еду домой, чтобы выйти замуж... Нет, я еще не помолвлена, понимаете, у нас не так уж много молодых людей, за которых можно выйти замуж. Мой муж непременно должен быть католиком и уроженцем островов. Я не могу выйти замуж за чиновника и уехать с ним в Англию. Но выйти замуж мне будет очень просто, потому что у

меня нет братьев и сестер, а дом моего отца один из лучших в Тринидаде. Вы обязательно должны его увидеть. Дом каменный, он стоит за городом. Моя семья переселилась в Тринидад во время французской революции. У нас есть еще две-три богатых семьи, и я выйду замуж в одну из них. Дом перейдет нашему сыну. У нас все очень просто...»

Она носила маленькое пальто модного в том сезоне покроя и никаких украшений, кроме нитки жемчуга.«...У мадам де Сюпплис жила одна девочка из Америки, она была помолвлена. У нее даже было кольцо с большим бриллиантом, но она могла надевать его только ночью в постели. А потом она получила письмо от жениха, он ей сообщал, что женится на другой. Как она плакала. И мы все читали письмо, и почти все плакали... Но у нас в Тринидаде это очень просто».

Тони рассказал ей об экспедиции, о средневековых переселенцах из Перу, об их нескончаемых караванах, пробиравшихся через горы и леса, о ламах, навьюченных изделиями искусных ремесленников, о постоянно просачивающихся на побережье слухах, которые заманивали в леса искателей приключений; и еще о том, как они поднимутся по реке, проберутся через заросли по индейским тропам и нехоженным землям; о реке, которая, как сказал доктор Мессингер, пересечет их путь, о том, как они соорудят там каноэ из коры и снова пойдут по воде; и о том, как, наконец, они придут к стенам Града, как викинги к Византии.

— Конечно, — добавил он, — вполне возможно, что никакого Града там нет. Но путешествие в любом случае обещает быть интересным.

— Как жаль, что я не мужчина, — сказала Тереза де Витрэ. После обеда они танцевали на палубе под граммофон, и девушка сидела на скамейке рядом с баром, потягивая лимонад через две соломинки.

В эту неделю синие воды с каждым днем становились все прозрачней и спокойней, солнце светило все жарче, обласкивая корабль и пассажиров и принося веселье и непринужденность; синие воды тысячами блестящих точек отражали солнце, и когда вы высматривали вдаль дельфинов и летающих рыб, слепили вам глаза; прозрачные синие воды на отмелях, где на много саженой вглубь видно дно, устланное серебряным леском и обточенной галькой;

томный теплый сумрак под тентами; корабль плыл среди пустынных горизонтов по огромному синему диску, и его синева искрилась на солнце.

Тони и мисс де Витрэ метали кольца и кидали диски, бросали веревочные петли в стоявшее неподалеку ведро. («Мы поедем на небольшом пароходе, говорил доктор Мессингер в Лондоне, — чтоб избежать этих дурацких палубных игр».) Тони угадал ход судна и дважды сорвал тотализатор; приз был восемнадцать шиллингов. Он купил мисс де Витрэ шерстяного зайца у судового парикмахера. Тони редко кого называл «мисс». Он не мог припомнить, чтоб обращался так к кому-нибудь, кроме мисс Тендрил. Но Тереза сама первая назвала его Тони, прочтя выгравированное почерком Бренды имя на его портсигаре.

— Какое совпадение, — сказала она, — так звали человека, который не женился на той американской девушке у мадам де Сюпплис.

После чего они стали называть друг друга по имени, к вящему удовольствию остальных пассажиров, которых в скучной жизни корабля только и радовало, что развитие этого романа.

— Просто не верится, неужели это тот самый корабль, что в те ненастные дни, — сказала Тереза.

Они подошли к первому острову; зеленый пояс пальм, а за ними поросшие лесом холмы и городок, лепящийся вдоль залива.

Тереза и Тони сошли на берег купаться. Тереза плавала плохо, она нелепо поднимала голову над водой. «В Тринидаде по-настоящему негде купаться», объяснила она. Они полежали на твердом серебристом пляже, потом поехали в город на тряской двуконной коляске, нанятой Тони, мимо жалких развалюх, из которых выскакивали черные мальчишки — попрошайничать или покататься на оси среди клубов белой пыли. Обедать в городе было негде, и на закате они вернулись на пароход. Пароход стоял на рейде, но с палубы, куда они вышли после обеда, когда не работала лебедка, было слышно болтовню и пение на улицах. Они стояли, перегнувшись через перила, и Тереза продела руку в руку Тони, но палубы кишели пассажирами, коммивояжерами и чернявыми человечками: со списками грузов. Танцев в этот вечер не было. Они поднялись на шлюпочную палубу, и Тони поцеловал Терезу.

Доктор Мессингер вернулся на борт последним катером. Он встретил знакомого в городе. Ему в высшей степени не нравилась растущая дружба Тони и Терезы, и он в качестве предостережения рассказал Тони, как его друга пырнули ножом где-то на задворках Смирны; вот, мол, что ждет тех, кто путается с женщинами.

На островах налаженная жизнь корабля расстроилась. На смену одним пассажирам пришли другие; черный архидиакон удалился, пожав руки всем пассажирам; в последнее утро его жена обошла всех с кружкой, призывая жертвовать на ремонт органа. Капитан так ни разу и не появился в столовой. Даже первый приятель Тони прекратил переодеваться к обеду; в каютах было невыносимо душно: их весь день держали закрытыми.

На Барбадосе Тони и Тереза снова купались, потом объехали остров, посещая похожие на замки церкви. Обедали они в загородном отеле высоко над морем и ели летающую рыбу.

— Вы должны обязательно прийти ко мне домой и отведать настоящей креольской кухни, — сказала Тереза. — У нас готовят много старинных плантаторских блюд. Вы должны познакомиться с мамой и папой.

С террасы отеля были видны огни их корабля; по ярко освещенным палубам шныряли крохотные фигурки, светился двойной ряд иллюминаторов.

— Послезавтра мы будем в Тринидаде, — сказал Тони. Они поговорили об экспедиции, и Тереза сказала, что она наверняка будет очень опасной.

— Мне совсем не нравится ваш доктор Мессингер, — сказала она. — Ну ни чуточки.

— А вам придется выбирать мужа.

— Да. Их всего семь. Мне нравился один, его зовут Оноре, но я ведь его целых два года не видела. Он учился на инженера. И еще один есть. Его зовут Мендоза, он очень богатый, но он не настоящий тринидадец. Его дед приехал с Доминики, и у нас говорили, что в нем есть цветная кровь. Скорее всего я выйду за Оноре. Мама всегда упоминала о нем в письмах, и он посылал мне разные подарки к рождеству и к именинам. Довольно глупые, потому что в Порт-оф-Сиейне нет хороших магазинов.

Позже она сказала:

— Вы ведь будете возвращаться через Тринидад, правда? Так что я вас еще увижу. Вы долго пробудете в лесах?

— А вы, наверное, к тому времени уже выйдете замуж.

— Тони, а почему вы так и не женились?

— Но я женат.

— Женат?

— Да.

— Вы дразнитесь.

— Да нет, правда же. Во всяком случае, был женат.

— А.

— Вы удивлены?

— Да нет. Просто мне почему-то казалось, что вы не женаты. А где она?

— В Англии. Мы поссорились.

— А... Сколько сейчас времени?

— Еще рано.

— Пора возвращаться.

— Вы действительно хотите вернуться?

— Да, пожалуйста. Мы прекрасно провели день.

— Вы это сказали так, словно прощаетесь.

— Разве? Да нет.

Чернокожий шофер домчал их до города. Потом они сидели в гребной шлюпке и, медленно покачиваясь, плыли к пароходу.

Днем в припадке веселости они купили вместе чучело рыбы. Тереза вспомнила, что забыла его в отеле.

— Это неважно, — сказала она.

За Барбадосом голубые воды кончились. Около Тринидада море стало мутным и бесцветным. Оринок нес с материка взбаламученную грязь Тереза паковала вещи и весь день не выходила из каюты.

Назавтра она наспех попрощалась с Тони. Отец выехал ей навстречу на посыльном судне. Он был жилистый и загорелый, с длинными седыми усами, в панаме, элегантном шелковом костюме и с манилой в зубах — вылитый работорговец прошлого века. Тереза не представила его Тони. «Так, познакомились здесь, на корабле», — явно объяснила она.

Тони увидел ее на следующий день в городе, она ехала с дамой, явно с матерью. Она помахала ему рукой, но не остановилась. «Жутко замкнутые, эти старые креольские семейства, — заметил пассажир, первым подружившийся с Тони и теперь снова прибившийся к нему. — Почти все бедны, как церковные крысы, но уж нос здоровы драть. Не сосчитать, сколько раз со мной так бывало, подружишься с креолом на корабле, а как придешь в порт — прости-прощай. Думаете, они вас пригласят к себе в дом? Да ни в жизнь».

Тони провел два дня со своим первым другом, у которого были в городе деловые знакомые. На второй день пошел дождь, и они безвыходно просидели на террасе отеля. Доктор Мессингер наводил какие то справки в сельскохозяйственном институте

Грязное море между Тринидадом и Джорджтауном; освобожденный от груза пароход кренится под ударами волн. Доктор Мессингер снова удаляется в кабину. Непрерывно моросит дождь, корабль окутан легкой дымкой, и кажется, что он плывет в крохотной коричневой луже; дождь регулярно пререзают звуки сирены. На корабле не осталось и дюжины пассажиров, и Тони безутешно бродит по опустевшим палубам или одиноко сидит в музыкальном салоне, и мысли его убегают по запретным тропам, к высокой аллее вязов и распускающимся рощам.

На следующий день они пришли в устье Демерары. В таможенных навесах стояли густые испарения сахара; жужжание пчел заглушало все звуки. Выгрузка товаров сопровождалась томительно длинными формальностями. Доктор Мессингер взял их на себя, а Тони закурил сигару и вышел на набережную. В устье стояли на причале мелкие транспортные суда всех родов и видов, дальний берег порос зеленой бахромкой ризофоры; из-за пушистых пальм выглядывали железные крыши городских домов; после недавнего дождя с земли поднимался пар. Ухали враз черные грузчики; вестиндцы деловито сновали взад-вперед с накладными и списками фрахтов. Наконец доктор Мессингер объявил, что все улажено и они могут идти в отель.

Фонарь стоял на земле между двумя гамаками; окутанные белыми москитными сетками, они походили на гигантские коконы шелкопряда. Было восемь часов, прошло два часа с захода солнца; река и лес давно погрузились в ночь. Ревуны замолкли, но окрестные квакши завели свой бесконечный хриплый хор; проснулись птицы, они перекликались и пересвистывались, и где-то из глуби леса вдруг доносился протяжный стон и за ним громовой раскат — это падало засохшее дерево

Шесть негров — личный состав лодки — сидели неподалеку на корточках вокруг костра. Дня три назад они набрали кукурузных початков на погребенной под нашествием дикой растительности заброшенной ферме. В буйной поросли, поглотившей ферму, то и дело встречались чужеродные растения — плодовые и злачные, пышно разросшиеся и дичающие. Негры пекли початки на углях.

Костер и фонарь вместе давали мало света; Они смутно обрисовывали очертания ветхой крыши над головой, сгруженные с лодки товары, на которых кишмя кишели муравьи, а за ними подрост, наступающий на вырубку, и огромные колонны стволов, вздымающихся над головой и исчезающих в темноте.

Летучие мыши гроздьями свисали с кровли, как тронутые гнилью плоды; бегали гигантские пауки, оседлая на скаку свои тени. Здесь когда-то жили собиратели каучука. Дальше торговцы с побережья не проникали. Доктор Мессингер обозначил стоянку на карте треугольником и поименовал ее «Первый опорный лагерь» крупными красными буквами.

Первая стадия путешествия закончилась. Десять дней, пытая мотором, шли они вверх по течению. Раз или два им встречались речные пороги (тут подвесному мотору приходилось помогать; гребцы враз взмахивали веслами под команду капитана; на носу стоял боцман и длинным шестом отталкивался от камней). На закате они разбивали лагерь на песчаных отмелях или на вырубках, расчищенных в густых зарослях. Раз или два им попадался дом, брошенный собирателями каучука или золотоискателями.

Целый день Тони и доктор Мессингер валялись среди грузов под самодельным навесом из пальмовых листьев; иногда в жаркие утренние часы они засыпали. Ели они из банок прямо в лодке и пили ром, смешанный с буровой, но прозрачной речной водой. Ночи

казались Тони нескончаемыми; двенадцать часов тьмы и шум сильнее, чем на городской площади: визг, рев и рык обитателей леса. Доктор Мессингер мог определять время по тому, в каком порядке следуют звуки.

Читать при свете фонаря не удавалось. Сон после томительно отупляющих дней был прерывистым и коротким. Говорить было не о чем: все переговорено за день, в жаркой тени, среди грузов. Тони лежал без сна и чесался. С тех пор, как они покинули Джорджтаун, у него ныло и болело все тело. Солнце, отраженное рекой, сожгло ему лицо и шею, кожа висела клочьями, и он не мог бриться. Жесткая щетина подбородка колола горло. Все оставшиеся незащищенными кусочки кожи искушали мухи кабури. Они проникали сквозь петля и шнуровку бриджей, а когда он по вечерам переодевался в брюки, впивались в лодыжки. В лесу он подцепил кровососов, они заползали под кожу и копошились там; горькое масло, которым доктор Мессингер пользовал от них в свою очередь, повсеместно вызывало сыпь. Каждый вечер, умывшись, Тони прижигал кровососов сигаретой, но от ожогов оставались зудящие шрамы; оставляли шрамы и джиги, которых один из негров выковырял у него из-под ороговевшей кожи на пятках, подушечках пальцев и ногтей на ногах. От укуса марабунты на левой руке вскочила шишка.

Тони расчесывал укусы, сотрясая раму, к которой крепились гамаки. Доктор Мессингер поворачивался на другой бок и говорил: «Бога ради». Сначала Тони старался не чесаться, потом пытался чесаться тихо, потом в бешенстве чесался что есть мочи, раздирая кожу. «Бога ради», — говорил доктор Мессингер.

«Полдевятого, — думал Тони. — В Лондоне начинают накрывать к ужину. В эту пору в Лондоне каждый вечер приемы». (Когда-то, когда он лез из кожи вон, чтоб стать женихом Бренды, он ходил на все приемы подряд. Если они ужинали в разных домах, он, не найдя Бренды в толпе, слонялся, поджидая ее у подъезда. А позже так же слонялся, ожидая, когда ее можно будет проводить домой. Леди Сент-Клауд помогала ему изо всех сил. А потом, после свадьбы, те два года до смерти отца Тони, которые они прожили в Лондоне, они реже ходили на приемы, всего раз или два в неделю, кроме того беспечного месяца, когда Бренда оправилась после родов Джона Эндрю.) Тони стал представлять себе гостей, съезжающихся сейчас в Лондоне на

ужин, и среди них Бренду, и тот удивленный взгляд, которым она встречает каждого входящего. Если уже топят, она постарается сесть как можно ближе к камину. Но топят ли в конце мая? Он не мог припомнить. В Хеттоне в любой сезон почти всегда топили по вечерам

Потом, начесавшись всласть. Тони вспомнил, что в Англии сейчас не половина девятого. Пять часов разницы во времени. В дороге они постоянно переставляли часы. Но в какую сторону? Это нетрудно сообразить. Солнце встает на востоке. Англия к востоку от Америки, так что ему и доктору Мессингеру солнце достается позже. Им оно достается из вторых рук и уже слегка замусоленным после того, как им вдоволь попользовались Полли Кокперс, миссис Бивер и княгиня Абдул Акбар... Как Поллины платья, которые Бренда скупала по десять-пятнадцать фунтов за штуку... Он заснул.

Проснувшись через час, он услышал, как доктор Мессингер ругается, и увидел, что тот сидит на гамаке верхом и обрабатывает йодом и бинтами большой палец ноги.

— Вампир до меня добрался. Я, должно быть, во сне прислонил ногу к сетке. Бог знает сколько он над ней трудился, прежде чем я проснулся. Считается, что лампа должна их отпугивать, но почему-то так не получается.

Негры что-то жевали у костра; они так и не ложились.

— Вампир дут злой-злой, — сказал негр. — Потому наша сидит огонь.

— Проклятье, так недолго и заболеть, — сказал доктор Мессингер. — Я, наверное, потерял литры крови.

Бренда и Джок танцевали у Энкориджей. Было уже поздно, ряды гостей редели, и в первый раз за вечер можно было танцевать в свое удовольствие. Увешанную гобеленами бальную освещали свечи. Леди Энкоридж только что с реверансами проводила последнего представителя королевской семьи.

— Если б ты знал, до чего я ненавижу засиживаться в гостях, — сказала Бренда, — но было б ужасно жестоко увести моего мистера Бивера. Он на седьмом небе, что попал сюда, и мне было не так-то легко устроить, чтоб его пригласили... Кстати говоря, — добавила она позже, — наверное, на следующий год мне и самой не попасть на такой прием.

— Будете доводить развод до конца?

— Не знаю, Джок. Это от меня не зависит. Вся штука в том, чтоб удержать мистера Бивера. Он стал очень нравным последнее время. Мне приходится чуть не каждую неделю подкидывать ему один-другой великосветский прием, ну, а если развод состоится, этому конец. Есть какие-нибудь известия о Тони?

— Давно не было. Я получил от него телеграмму по прибытии. Он уехал в экспедицию с каким-то жуликом-доктором.

— А это не опасно?

— Не думаю. Весь мир цивилизовался, верно? Куда ни ткнишь, повсюду прогулочные автомобили и куковские агентства.

— Да, наверно, ты прав... Надеюсь, он не хандрит. Мне было б неприятно, если б ему было плохо.

— Думаю, он понемногу свыкается.

— Очень хочется верить. Ты же знаешь, как я люблю Тони, хотя он чудовищно со мной поступил.

В миле-двух от лагеря находилась индейская деревушка. Там Тони и доктор Мессингер рассчитывали набрать носильщиков для двухсотмильного перехода в страну пай-ваев. Негры были речными жителями и на индейскую территорию идти не хотели. Они должны были уплыть обратно с той же лодкой.

На заре Тони и доктор Мессингер выпили по чашке горячего какао, заели его бисквитами и остатками мясных консервов, открытых с вечера. Потом направились в деревню. Один чернокожий шел впереди, расчищая путь мачете. Вслед за ним друг другу в затылок шагали доктор Мессингер и Тони; второй чернокожий плелся сзади; он нес образчики товаров — двадцатидолларовое бельгийское ружье, несколько рулонов набивного ситца, ручные зеркальца в пестрых целлулоидных рамах, бутылочки резко пахнувшей помады

Заросшую, полузаброшенную тропу во многих местах преграждали упавшие стволы; они перешли вброд по колена в воде два ручейка, которые питали большую реку; жесткую вязь оголенных корней под ногами сменяла сырая и скользкая листовенная прель.

Вскоре они подошли к деревне. Она возникла перед ними неожиданно, когда они вынырнули из кустов на широкую зарубку. Тут стояли восемь-девять круглых глинобитных хижин под пальмовыми крышами.

Никого не было видно, но два-три тонких столбика дыма, прямо тянувшихся к небу в прозрачном утреннем воздухе, говорили о том, что люди здесь есть.

— Очень взе бугались, — сказал негр.

— Пойди приведи кого-нибудь, надо поговорить, — сказал доктор Мессингер.

Негр подошел к низкой двери ближнего домика и заглянул внутрь.

— Зовзем бусто, одна зензина, — доложил он, — зебя одевают. Выходи зкорей зюда! — прокричал он во мрак. — Хозяин твой говорить.

Наконец из хижины выползла старуха, одетая в засаленное коленкоровое платье, явно приберегаемое для официальных встреч. Она подковыляла к ним на кривых ногах. Лодыжки ее были туго обмотаны голубыми бусами. Прямые волосы свисали рваными прядями; она не спускала глаз с глиняной миски с какой-то жидкостью, которую держала в руках. За несколько мет ров от Тони и доктора Мессингера она поставила миску на землю и, по-прежнему не поднимая глаз, поздоровалась с ними. Потом наклонилась, подняла миску и поднесла ее доктору Мессингеру.

— Кассири, — объяснил он. — Местное питье из перебродившей маниоки.

Он несколько раз отхлебнул и передал миску Тони. В ней колыхалась густая фиолетовая жижа.

Когда Тони отпил несколько плотков, доктор Мессингер объяснил:

— Очень любопытен способ изготовления этого напитка: женщины пережевывают корень и сплевывают жвачку в выдолбленный ствол.

Он обратился к женщине на вапишане. И тут она впервые подняла на него глаза. На ее коричневом монгольском лице ничего не отразилось — ни любопытства, ни понимания. Доктор Мессингер повторил вопрос, расширив его. Женщина взяла миску у Тони и поставила на землю.

Тем временем из соседних хижин стали выглядывать другие лица. Но лишь одна из женщин решилась выйти. Очень грузная, она доверительно улыбалась гостям.

— Здравствуй, — сказала она. — Как живешь? Я Роза. Хорошо говорю англиски. Я спать два года с мистер Форбс. Дай сигарета.

— Почему эта женщина нам не отвечает?

— Она не говорить англиски.

— Но я же с ней говорил на вапишане.

— Она макуши. Здесь вся макуши.

— А. Я не знал. А где мужчины?

— Мужчина ушла три дня охота.

— Когда они вернутся?

— Они пошли за кабаном.

— Когда они вернутся?

— Нет кабана. Много кабана. Мужчина вся охота. Дай сигарета.

— Послушай, Роза, мне надо пройти к пай-ваям.

— Нет, тут макуши. Вся-вся макуши.

— Но нам нужно к пай-ваям.

— Нет, тут вся макуши. Дай сигарета.

— Безнадежно, — сказал доктор Мессингер. Придется ждать возвращения мужчин.

Он вынул из кармана пачку сигарет.

— Смотри, — сказал он, — сигареты.

— Дай.

— Когда мужчины вернутся с охоты, ты придешь к реке и скажешь мне. Поняла?

— Нет, мужчина вся охота. Дай сигарета.

Доктор Мессингер дал ей сигареты.

— Что твой есть еще? — спросила она. Доктор Мессингер указал на тюк, который второй негр положил на землю.

— Дай, — сказала она.

— Когда мужчины вернутся, я тебе много чего дам, если они проводят меня к пай-ваям.

— Нет, тут вся макуши.

— Да, так толку не добиться, — сказал доктор Мессингер. — Придется возвратиться в лагерь и ждать. Мужчины ушли три дня назад. Вряд ли они долго задержатся. Какая жалость, что я не говорю на макуши.

Их колонна развернулась и в том же порядке ушла из деревни. Когда они прибыли в лагерь, на часах Тони было десять.

Когда на реке Ваурупанг было десять часов, в Вестминстере началось обсуждение запросов. Джок, понукаемый избирателями, давным-давно подал свой запрос. Его поставили на обсуждение сегодня утром.

— Номер двадцатый, — сказал он.

Лишь немногие члены парламента обратились к означенной бумаге. N 20.

«Запросить министра сельского хозяйства, не собирается ли distinguished член парламента в связи с демпинговым ввозом японских пирогов со свининой, наводнивших нашу страну, рассмотреть вопрос об изменении модификации томасовских чушек с принятого утолщения в два с половиной дюйма в объеме на два дюйма».

За министра отвечал его заместитель:

— Запрос внимательнейшим образом изучается. Как, несомненно, известно distinguished члену, вопрос о ввозе пирогов со свининой подлежит ведению Департамента торговли, а не Департамента сельского хозяйства. Что же касается томасовской чушки, я должен напомнить distinguished члену, что, как ему, без сомнения, известно, вышеуказанная чушка должна отвечать потребностям заготовителей бекона, и к мясу, применяемому для изготовления пирогов, вышеозначенная чушка прямого отношения не имеет. Этим вопросом занимается специальный комитет, который пока еще не представил своего доклада.

— Не собирается ли distinguished член рассмотреть вопрос об увеличении максимальной толщины заплечиков?

— Запрос должен быть представлен заблаговременно.

В этот день Джок покинул палату с чувством удовлетворения. Он сознавал, что на славу потрудился для своих избирателей.

Через двое суток индейцы вернулись с охоты. Дни ожидания, тянулись тоскливо. Доктор Мессингер каждый день по несколько часов проверял товары. Тони уходил в лес с ружьем, но дичь покинула этот берег. Одному из негров сильно поранил ногу скат, и они прекратили купаться и мылись в цинковом ведре. Едва весть о

возвращении индейцев дошла до лагеря, Тони и доктор Мессингер отправились в деревню, но там уже шел пир горой и все мужчины перепились. Они возлежали в гамаках, а женщины сновали взад-вперед от одного к другому, разнося тыквы с кассири.

Пахло жареной свининой.

— Им нужно не меньше недели, чтобы протрезветь, — сказал доктор Мессингер.

Всю эту неделю негры слонялись по лагерю; иногда они стирали одежду и развешивали ее на планширах лодки сушиться на солнышке, иногда отправлялись удить рыбу и возвращались с внушительной добычей, надетой на палку (рыба была резиноподобной и безвкусной); по вечерам они обычно пели песни у костра. Пострадавший от ската не вылезал из гамака, он громко стонал и все время требовал лекарств.

На шестой день показались индейцы. Они пожали всем по очереди руки, затем отошли на край опушки и встали там таращась на лагерное оборудование. Тони пытался их сфотографировать, но они убегали, хихикая как школьницы. Доктор Мессингер разложил на земле товары, приобретенные для обменных операций.

На закате индейцы удалились, но на седьмой день явились вновь, в расширенном составе. Пожаловало все население деревни. Роза присела на гамак Тони под пальмовым навесом.

— Дай сигарета, — сказала она.

— Скажи им, я хочу, чтоб мужчины повели меня к пай-ваям, — сказал доктор Мессингер.

— Пай-вай — плохой народ. Макуши к пай-вай не ходить.

— Скажи, мне нужно десять мужчин. Я дам им ружья.

— Дай сигарета. — Переговоры продолжались два дня. В конце концов согласились идти двенадцать человек, семеро из них не пожелали идти без жен. Одной из жен оказалась Роза. Когда все было улажено, в деревне состоялась пирушка, и индейцы снова перепились. Однако на этот раз они пришли в чувство быстрее, потому что женщины не успели наготовить достаточно кассири. Через три дня караван смог отправиться в путь.

У одного из мужчин была длинная одностволка, заряжающаяся с дула; другие несли луки и стрелы; шли они совершенно голые, лишь в красных набедренных повязках.

Женщины надели перепачканные коленкоровые платья, преподнесенные им много лет назад странствующим священником и хранившиеся специально для такого рода okazji; за спиною они несли плетеные корзины, которые держались лыком, охватывающим лоб. Самые тяжелые грузы, включая продовольствие для себя и своих мужчин, женщины переносили в корзинах. Роза, помимо всего, волокла еще зонтик с погнутой серебряной ручкой, память о сожителстве с мистером Форбсом.

Негры уплыли вниз по течению на побережье. Груды провианта в прочных жестяных ящиках оставили под развалившимся навесом у берега.

— Тут его никто не возьмет. В случае чего мы всегда можем послать за грузами от пай-ваев, — сказал доктор Мессингер.

Тони и доктор Мессингер шли следом за мужчиной с ружьем, который служил им проводником; за ними вереницей, растянувшейся по лесу на полмили, а то и больше, брели индейцы.

— Теперь карта нам ни к чему, — сказал доктор Мессингер с облегчением.

(Сверните карту — отныне она вам не понадобится сколько там бишь лет, сказал Вильям Питт^[24]... слова доктора Мессингера напомнили Тони частную школу, перепачканные чернилами парты, раскрашенную картинку, изображающую набег викингов, и мистера Троттера, который преподавал у них историю а носил галстуки ядовитой расцветки.)

III

— Мамчик, Бренда хочет поступить на работу.

— Зачем?

— Ну, за тем же, зачем и все: не хватает денег, нечего делать. Она просила узнать, не могла бы она пригодиться в лавке.

— Ну... трудно сказать. В любое другое время я б оторвала такую продавщицу с руками и ногами... а теперь не знаю, что и сказать. И потом мне лично кажется, что при сложившихся обстоятельствах это вряд ли удобно.

— Я сказал, что спрошу, только и всего.

— Джон, ты никогда со мной не делишься, и мне не хотелось бы, чтобы ты думал, будто я вмешиваюсь; но скажи, что все-таки вы с Брендой намерены делать дальше?

— Не знаю.

— Ты никогда со мной не делишься, — повторила миссис Бивер, — Но до меня доходят всякие слухи. Развод будет?

— Не знаю.

Миссис Бивер вздохнула.

— Что ж, мне пора на работу. Где ты обедаешь?

— У Брэтта.

— Бедняжка. Между прочим, мне казалось, что ты подал в Браун-клуб.

— Они мне ничего не сообщали. Я не знаю, были у них выборы или нет.

— Твой отец состоял членом этого клуба.

— По-моему, я не пройду... Да, кроме того, мне это действительно не по карману...

— Ты меня беспокоишь, Джон. И мне лично кажется, что те надежды, которые я питала перед рождеством, не оправдываются.

— Мой телефон. Может, это Марго. Она уж бог знает сколько никуда меня не приглашала. Но это была всего лишь Бренда.

— К сожалению, у мамы нет для тебя работы, — сказал он.

— Ладно. Надеюсь, что-нибудь подвернется. Я б не отказалась сейчас от улыбки фортуны.

— Я тоже. Ты спрашивала Аллана о Браун-клубе?

— Да, спрашивала. Он говорит: на прошлой неделе избрали десять человек.

— Значит, меня прокатили?

— Откуда мне знать. Когда заходит речь о клубах, мужчин не поймешь.

— Я рассчитывал, что ты заставишь Аллана и Реджи поддержать меня.

— Я их просила. Да и какое это имеет значение? Хочешь поехать на уикенд к Веронике?

— Вряд ли я поеду...

— Я была бы очень рада.

— У нее такой паршивый домишко... и потом мне лично кажется, что Вероника ко мне плохо относится. А кто там будет?

— Я буду.

— А... ладно, я тебе дам знать.

— Я тебя увижу сегодня вечером?

— Я тебе дам знать.

— О господи, — сказала Бренда, вешая трубку. — Теперь он взъялся на меня. А разве я виновата, что его в Брауне прокатили? Кстати говоря, я уверена, что Реджи и в самом деле пытался помочь.

У нее сидела Дженни Абдул Акбар. Она приходила каждое утро через лестничную площадку, и они читали за компанию газеты. На Дженни был халат из полосатого берберского шелка.

— Пойдем уютненько пообедаем в «Ритце», — предложила она.

— В «Ритце» вовсе неуютно в обеденное время, да и обед обходится в восемь и шесть. Я уже три недели не решаюсь получить по чеку, Дженни. Неприятно иметь дело с юристами. Я впервые в таком положении.

— Не знаю, что бы я сделала с Тони. Это же надо оставить тебя на мели.

— Что толку поносить Тони? Вряд ли он так уж развлекается в Бразилии, или где он там.

— Я слышала, в Хеттоне встраивают дополнительные ванны — и это когда ты буквально голодаешь. И вдобавок он даже не заказал их у миссис Бивер.

— Да, вот уж это и в самом деле чистая мелочность. Немного погодя Дженни отправилась переодеваться, а Бренда позвонила в закусокную за углом и попросила прислать ей сэндвичи. Она сегодня не встанет с постели; теперь ей случалось проводить так по два-три дня в неделю. Если Аллан, как всегда, выступает с речью, Марджори может позвать ее на обед. У Хелм-Хаббардов сегодня вечером ужин, но Бивер не зван. А пойти туда без него — полный разрыв... Да, кстати говоря, скорей всего Марджори приглашена туда. Что ж, я всегда могу пообедать сэндвичами. У них есть всех сортов. Спасибо хоть за эту лавчонку за углом. Она читала недавно вышедшую биографию Нельсона; биография длинная, ее хватит далеко за полночь.

В час пришла Дженни попрощаться (у нее был ключ от квартиры Бренды), приедет для уютенького обеда в «Ритце».

— Позвала Полли и Суки, — сказала она. — Закатимся в Дейзину забегаловку. Какая жалость, что ты не идешь.

— Кто? Я? Все в порядке, — сказала Бренда и подумала:

«Могла б раз в кои веки догадаться поставить подруге обед».

Они шли две недели, делая в среднем по пятнадцать миль в день. Иногда гораздо больше, иногда — гораздо меньше; индеец, шедший впереди, выбирал места для лагеря; выбор его определялся наличием воды и злых духов.

Доктор Мессингер составлял по компасу карту маршрута. Это давало ему пищу для размышлений. Каждый час он снимал показания с anerоида. Вечерами, если они останавливались достаточно рано, он при последних лучах угасающего солнца детально разрабатывал карту. «Пересохшее русло, три заброшенные хижины, каменистая почва»...

— Мы теперь в бассейне Амазонки, — объявил он в один прекрасный день с удовлетворением, — видите, вода бежит на юг.

Но они тут же наткнулись на ручей, который тек в обратном направлении. «Весьма любопытно, — сказал доктор Мессингер. — Это открытие имеет подлинную научную ценность».

На следующий день они перешли вброд четыре ручья; одни текли на север, другие на юг. Карта начала принимать фантастические очертания.

— У этих ручьев есть названия? — спросил он Розу.

— Макуши называют его Ваурупанг.

— Нет, нет, не ту реку, где наш первый лагерь. Эти реки.

— Да, Ваурупанг.

— Вот эту реку.

— Макуши все называют Ваурупанг.

— Безнадёжно, — сказал доктор Мессингер.

Им приходилось пробираться через сплошной кустарник. У берегов тропа заросла, и ее то и дело перегораживали стволы упавших деревьев; углядеть и запомнить ее мог только индеец; иногда они проходили крохотными участками пересохшей саванны: темно-серая трава пучками выбивалась из растрескавшейся земли, тысячи ящериц стремглав пускались наутек при их приближении, трава шуршала под

ногами, как газета; на этих огражденных стеной леса участках стояла палящая жара. Иногда, чтоб их прохватило ветерком, они влезали на холм по осыпающейся, больно бьющей по ногам гальке; после этих мучительных восхождений они ложились с подветренной стороны и лежали так, пока мокрая одежда не начинала холодить тело: с этих небольших высоток были видны другие холмы, пройденные ими участки леса и шеренга носильщиков, идущая следом. Подходя, все, и мужчины и женщины, поочередно опускались на сухую траву и опирались на свой груз; когда показывался завершавший шествие, доктор Мессингер подавал команду, и они снова пускались в путь, продираясь сквозь охватившие их плотным кольцом зеленые чащобы.

Тони и доктор Мессингер почти не разговаривали друг с другом как на марше, так и во время передышек, потому что всегда были на пределе сил и едва не валились с ног от усталости. По вечерам, умывшись и переодевшись в сухие рубашки и фланелевые брюки, они перебрасывались парой фраз, в основном о том, сколько миль они сегодня прошли, где находятся и как сбили ноги. Выкупавшись, они пили ром с водой; на ужин обычно ели мясные консервы с рисом или клецками. Индейцы ели фаринью и копченое мясо кабана, а временами лакомились добытыми по пути деликатесами: броненосцами, ящерицами, жирными белесыми червями, живущими на пальмах. Женщины захватили с собой вяленую рыбу — ее хватило на восемь дней; вонь с каждым днем становилась все сильнее, пока, наконец, рыбу не съели; однако и они сами и товары насквозь пропитались рыбным запахом; правда, со временем он стал слабее, смешавшись с общим нераспознаваемым запахом лагеря. В этой местности индейцы не селились. В последние пять дней марта стала ощущаться нехватка воды. Ручьи на пути по большей части пересохли, и приходилось обследовать русла в поисках тепловатых стоячих луж. Но через две недели они снова вышли к реке, полноводно и быстро несущей свои воды на юго-восток. Здесь начинался край пай-ваев. Доктор Мессингер поименовал эту стоянку «Второй опорный лагерь». Над рекой тучами носились мухи кабури.

— Джон, я думаю, тебе пора отдохнуть.

— Отдохнуть от чего, мамчик?

— Ну, переменить обстановку... Я в июле еду в Калифорнию. К Фишбаумам не к тем, что в Париже, а к миссис Арнольд Фишбаум. Я

думаю, было б хорошо, если б ты поехал со мной.

— Да, мамчик.

— Ты б хотел со мной поехать, не так ли? — Кто? Я? Конечно, хотел.

— Это ты у Бренды научился. Мужчине смешно так говорить.

— Извини, мамчик.

— Отлично, значит решено.

На закате кабури исчезли. Но весь день от них приходилось укрываться; они набрасывались на обнаженные участки кожи, как мухи на варенье; их укусы давали себя знать, только когда они, насытившись, отваливались, оставляя алый болезненный кружок с черной точечкой в центре.

Тони и доктор Мессингер не снимали специально привезенных из Англии нитяных перчаток и муслиновых сеток, спускающихся из-под шляп. Позже они подрядили двух женщин, и те, усевшись на корточках у гамаков, обмахивали их ветками; мух разгоняло легчайшее дуновение, но стоило Тони и доктору Мессингеру задремать, как женщины откладывали опахала, мухи накидывались на путешественников с удесятеренной энергией, и те тут же просыпались. Индейцы относились к насекомым так же покорно, как коровы к слепням; лишь иногда в приступе раздражения они хлопали себя по лопаткам и ляжкам.

С наступлением темноты становилось легче; в этом лагере москитов почти не было, но зато они слышали, как всю ночь напролет вампиры машут крыльями и тычутся в сетку.

Индейцы ни за что не желали здесь охотиться. Они уверяли, что тут нет дичи, но доктор Мессингер говорил, что они боятся пайвайских злых духов.

Провизия уходила гораздо быстрее, чем рассчитывал доктор Мессингер. Уследить за провиантом во время переходов было невозможно. Они недосчитались мешка муки, полмешка сахара и мешка риса. Доктор Мессингер урезал рацион; он раздавал еду сам и строго отмерял продукты эмалированной кружкой, но женщины все равно изловчались за его спиной подобраться к сахару. Они с Тони прикончили весь ром, кроме одной бутылки, оставленной про запас.

— Мы не можем позволить себе сидеть на одних консервах, — сказал доктор Мессингер брюзгливо. — Придется мужчинам

отправиться на охоту.

Но мужчины выслушали приказание с безучастным выражением на опущенных долу лицах, и остались в лагере.

— Здесь нет птица, нет зверь, — объяснила Роза. — Вся ушла. Они могут поймать рыба.

Но индейцы не желали себя утруждать и не поддавались ни на какие уговоры. Они видели, что на берегу лежат груды мешков и тюков с едой; вот иссякнут запасы, тогда можно подумать и об охоте.

А пока надо было строить каноэ.

— Это явно воды Амазонки, — сказал доктор Мессингер. — Они, по всей вероятности, впадают или в Рио-Бранко или в Рио-Негро. Пай-ваи селятся вдоль берегов, а Град, судя по всему, расположен на одном из притоков где-то вниз по течению. В первой же пай-вайской деревушке мы раздобудем проводников.

Каноэ сооружали из коры. Три дня ушло на то, чтобы отыскать четыре прямых дерева подходящего возраста и свалить их. Обработывали деревья прямо на месте. Кору обдирали ножами с широкими лезвиями; на это ушла еще неделя. Индейцы работали терпеливо, но сноровки у них не было, и, снимая с одного дерева кору, они повредили ее.

Тони и доктор Мессингер ничем не могли помочь им: они провели эту неделю, охраняя от женщин сахар. Мужчины бесшумно двигались по лагерю и близлежащим зарослям. Они беззвучно раздвигали голыми плечами дремучий подлесок; под их босыми ногами не шуршали опавшие листья; речи их были коротки и почти неслышны, они никогда не присоединялись к болтовне и хихиканью женщин; за работой они иногда ухали в такт; развеселились они всего раз: у одного индейца — он обдирал ствол — соскользнул нож и врезался в мякоть пальца. Доктор Мессингер обработал рану йодом и забинтовал. После этого женщины не давали ему проходу, они то и дело показывали ему царапины на руках и ногах и просили помазать йодом.

С двумя деревьями удалось покончить за один день; на третье ушел весь следующий день (это было то самое, у которого повредили кору), а на четвертое — еще два: оно было больше других. Когда последние волокна были обрублены, четверо мужчин встали вокруг ствола и сняли кору целиком. Она тут же скрючилась, образовав

полый цилиндр, который мужчины отнесли к реке и спустили на воду, привязав лозой к дереву.

После того как кору подготовили, сделать из нее каноэ было не слишком сложно. Четверо мужчин растягивали кору, двое других укрепляли распоры.

Концы оставляли незаделанными и слегка загибали так, чтобы они вздымались над водой (при полной загрузке каноэ должно было погружаться в воду лишь на один-два дюйма).

Потом мужчины принялись за однолопастные весла; это тоже было довольно несложно.

Доктор Мессингер ежедневно спрашивал Розу:

— Когда лодки будут готовы? Спроси мужчин. И она отвечала:

— Вот сейчас.

— Сколько еще дней понадобится? Четыре? Пять? Сколько?

— Нет, совсем мало. Лодка кончат, совсем сейчас. Когда стало ясно, что работы близятся к концу, доктор Мессингер занялся подготовкой к отъезду. Он разобрал запасы, разбив грузы первой необходимости на две группы; они с Тони должны были сидеть в разных лодках, каждый брал с собой ружье и патроны, фотоаппарат, рацион консервов, товары для обмена и личные вещи. На третье каноэ, где должны были плыть одни индейцы, грузились мука, рис, сахар, фаринья и еда для индейцев. Каноэ явно не могло увезти все товары, и «аварийный фонд» свалили в кучу неподалеку от берега.

— С нами пойдут восемь человек. Четверо останутся с женщинами охранять лагерь. Главное, добраться до пай-ваев, дальше все пойдет как по маслу. Тогда макуши могут отправляться домой. Думаю, они не разграбят наших запасов. Здесь нет ничего такого, на что бы они позарились.

— А не взять ли нам с собой Розу, чтоб она служила переводчиком?

— Да, надо бы взять. Я ей скажу.

К вечеру было готово все, кроме весел. И едва наступила благословенная тьма, Тони и доктор Мессингер сбросили перчатки и сетки, действовавшие им весь день на нервы, и затребовали Розу на ту половину лагеря, где они спали и ели.

— Роза, мы решили взять тебя с собой вниз по реке. Ты нам нужна, чтоб объясняться с мужчинами. Поняла?

Роза молчала; на лице ее, освещенном снизу стоявшим на ящике фонарем, ничего не отразилось; тень от высоких скул скрывала глаза; прямые, рваные космы, редкая вязь татуировки на лбу и губах, бочкообразная фигура в засаленном ситцевом платье, коричневые ноги колесом.

— Поняла?

Она снова промолчала; казалось, она всматривается в темную чащу поверх их голов, но глаза ее крылись в тени.

— Дослушай, Роза, все женщины и четверо мужчин останутся здесь в лагере. Восемь человек поплывут на лодках до деревни пай-ваев. Ты поедешь на лодке. Как только мы придем к пай-ваям, ты и восемь мужчин вернетесь на лодках назад в лагерь. И потом все вместе назад к макуши. Поняла? Наконец Роза заговорила:

— Макуши не ходить с пай-вай.

— Я вас не прошу ходить с пай-ваями. Ты и мужчины дойдете с нами до пай-ваев, а потом вернетесь к макуши. Поняла?

Роза подняла руку и очертила в воздухе круг, охватывающий лагерь, дорогу, по которой они пришли, и широкие просторы саванны позади.

— Макуши там, — сказала она. Потом подняла другую руку и махнула в сторону далекого края, лежащего где-то вниз по течению реки. — Пай-вай там, — сказала она. — Макуши с пай-вай не ходить.

— Послушай, Роза. Ты разумная, культурная женщина. Ты прожила два года с черным джентльменом мистером Форбсом. Ты любишь сигареты...

— Да, дай сигарета.

— Ты поедешь с мужчинами в лодках, и я дам тебе много-много сигарет.

Роза безучастно смотрела перед собой и молчала.

— Послушай. С тобой едут твой муж и еще семь мужчин они не дадут тебя в обиду. Как же мы будем разговаривать с мужчинами без тебя?

— Мужчина не ходить, — сказала Роза.

— Разумеется, мужчины пойдут с нами. Вопрос только в том, пойдешь ли ты?

— Макуши с пай-вай не ходить, — сказала Роза.

— Господи, — устало сказал доктор Мессингер, — ладно поговорим об этом утром.

— Дай сигарета...

— Мы попадем в хороший переплет, если она не пойдет.

— И еще в лучший, если никто из них не пойдет, — сказал Тони.

Назавтра лодки были готовы. К полудню их спустили на воду и поставили на прикол. Индейцы молча занялись приготовлением обеда. Тони и доктор Мессингер ели язык, вареный рис и консервированные персики.

— С запасами все в порядке, — сказал доктор Мессингер, — нам их хватит по меньшей мере на три недели, а мы доберемся до пай-ваев за день-два, не больше. Выходим завтра

Ружья, рыболовные крючки и рулоны ситца — жалованье индейцам — они оставили в деревне.

Но у них было с собой еще с полдюжины ящичков с «обменным фондом» для использования на последующих стадиях путешествия. По местной системе цен нога кабана стоила пригоршню дробы или двадцать ружейных пистонов; за упитанную птицу требовали бусы.

Около часа, когда с обедом было покончено, доктор Мессингер призвал Розу.

— Завтра выходим, — сказал он.

— Да, прямо сейчас.

— Передай мужчинам, что я сказал тебе вчера вечером. Восемь человек едут в лодках, остальные ждут здесь. Ты тоже едешь в лодке. Все эти запасы грузятся в лодки. Передай это мужчинам.

Роза ничего не сказала.

— Поняла?

— Мужчина не ходит лодка, — сказала она. — Наша вся ходит туда, — и она указала рукой на тропинку, по которой они пришли.

— Завтра-послезавтра мы ходит назад деревня.

Последовала долгая пауза, наконец доктор Мессингер сказал:

— Скажи мужчинам, пусть идут сюда... Не имеет смысла им угрожать, сказал он Тони, когда Роза, переваливаясь, пошла к костру. — Народец они чудной и боязливый. Если им угрожать, они перепугаются и удерут оставив вас на мели. Не беспокойтесь, я сумею их убедить.

Они видели, как Роза что-то говорила у костра; но никто из индейцев не сдвинулся с места. Передав поручение, Роза тоже замолкла и уселась на корточки, положив к себе на колена голову одной из женщин. Она искала у подруги вшей, когда доктор Мессингер, призвав ее, прервал это занятие.

— Надо подойти к ним, поговорить.

Некоторые индейцы лежали в гамаках. Другие сидели на корточках; набрав земли, они засыпали ею костер. Они уставились на Тони и доктора Мессингера щелчками свинячьих глазок.

Только Роза осталась безразличной; она отвернулась и вся ушла в работу, ее пальцы деловито шныряли, извлекая из волос подруги вшей и давя их.

— В чем дело? — спросил доктор Мессингер. — Я тебя просил привести мужчин. Роза молчала. — Значит, макуши трусы. Они боятся пай-ваев;

— Все маниок, — сказала Роза, — надо ходить копать маниок. А то будет плохой.

— Послушай. Мне нужны мужчины на одну-две недели. Не больше. Потом конец, они могут идти домой.

— Пора копать маниок. Макуши копать маниок до большой Дождь. Мы ходить сейчас домой.

Мессингер и Тони вскрыли один из ящиков и разложили товары на одеяле. Они выбирали эти вещи вместе в дешевой лавке на Оксфорд-стрит. Индейцы в полном молчании следили за демонстрацией. Из ящика появлялись бутылочки духов и пилюль, яркие целлулоидные гребенки, утыканые стекляшками, зеркала, перочинные ножи с узорными алюминиевыми ручками, ленты, ожерелья и более солидный обменный товар в виде топоров, мелких патронных гильз и плоских красных пороховниц с черным порохом.

— Дай мне, — сказала Роза, выбрав бледно-голубую розетку, сувенир лодочных гонок, — дай мне, — повторила она, покапав на ладонь духами и вдыхая их запах.

— Каждый, кто пойдет на лодках, может взять три вещи из этого ящика.

Роза монотонно отвечала:

— Макуши прямо сейчас копать маниок.

— Ничего не получается, — сказал доктор Мессингер, потратив полчаса на бесплодные переговоры. — Придется пустить в ход мышей. Я хотел попридержать их для пай-ваев. Жаль. Но вы увидите, против мышей им не устоять. Я индейцев знаю как свои пять пальцев.

Мыши обошлись довольно дорого: в три шиллинга шесть пенсов штука, и Тони живо вспомнил, какой конфуз он пережил в отделе игрушек, когда мышей запустили по полу.

Мыши немецкого производства размером с крупную крысу были весьма броско расписаны зелеными и белыми пятнами; у них были выпученные стеклянные глаза, жесткие усы и кольчатые бело-зеленые хвосты; мыши передвигались на скрытых колесиках, и при беге внутри корпуса у них звенели колокольчики. Доктор Мессингер вынул одну мышь из коробки, развернул папиросную бумагу и подержал игрушку для всеобщего обозрения в воздухе. Аудитория следила за ним затаив дыхание. Тогда он завел мышь. Индейцы заметно насторожились.

Лагерь располагался на застывшей, как камень, глиняной площадке, которая затоплялась при разливе реки. Доктор Мессингер поставил игрушку на землю и запустил: весело позванивая, мышь покатила к индейцам. На какой-то миг Тони испугался, что она перевернется или застрянет у какого-нибудь корня, но механизм работал отлично, и, к счастью, мышь не встретила на своем пути никаких помех.

Эффект превзошел все его ожидания. Сначала у индейцев перехватило дыхание. Затем раздались сдавленные, полные ужаса вздохи, потом пронзительный женский визг — и вдруг индейцы пустились врассыпную; еле слышный топот босых коричневых подошв по опавшей листве; голые ноги неслышно, как нетопыри, продираются через подлесок, ветхие ситцевые платья клочьями повисают на колючих кустарниках. Не успела мышь, звеня всеми своими колокольчиками, домчать до ближайшего индейца, как лагерь опустел.

— Фу ты черт, — сказал доктор Мессингер, — результат оправдал все ожидания.

— Во всяком случае, он их явно превзошел.

— Все в порядке. Они вернутся. Я индейцев знаю как свои пять пальцев.

Но к закату они не появились. И весь день напролет Тони и доктор Мессингер, обмотавшись сетками от кабури, провалялись в гамаках, изнывая от жары. Пустые каноэ лежали на глади реки; заводных мышей убрали в ящик. Когда солнце зашло, доктор Мессингер сказал:

— Пожалуй, надо развести костер. Они вернутся, как только стемнеет.

Они смели землю со старых углей, принесли сучьев, развели костер и зажгли фонарь.

— Не мешало бы поужинать, — сказал Тони. Они вскипятили воду и сварили какао, открыли банку, лососины и прикончили оставшиеся с обеда- персики. Потом закурили трубки и натянули на гамаки противомоскитные сетки, И все это почти без слов.

Немного погодя они решили лечь спать.

— К утру они все будут здесь, — сказал доктор Мессингер. — Это нравный народец.

Вокруг раздавался свист и хрип лесных обитателей; и с каждым часом, пока ночь переходила в утро, одним голосам приходили на смену другие.

В Лондоне занимался рассвет, прозрачный и нежный, сизоголубой и золотистый, предвестник хорошей погоды; фонари бледнели и гасли, по пустынным улицам струилась вода, и восходящее солнце расцветивало извергающиеся из водоразборных кранов потоки; мужчины в комбинезонах крутили жерла шлангов, и струи взлетали фонтанами и ниспадали водопадами в сверкании солнечных лучей.

— Давай попросим открыть окно, — сказала Бренда. — Здесь душно.

Официант отдернул занавески, распахнул окна.

— Смотри, совсем светло, — добавила она.

— Шестой час. Не пора ли по домам?

— Да.

— Еще неделя — и конец приемам, — сказал Бивер.

— Да.

— Ну что ж, пошли.

— Ладно. Ты не можешь заплатить? У меня совсем нет денег.

Они зашли после гостей позавтракать в клуб к Дейзи. Бивер заплатил за копченую селедку и чай.

— Восемь шиллингов, — сказал он. — И Дейзи еще хочет, чтобы ее лавочка имела успех. Это с такими-то ценами.

— Да, и впрямь недешево... Значит, ты все-таки едешь в Америку?

— Приходится. Мать уже взяла билеты.

— И все, что я тебе сегодня говорила, не играет никакой роли?

— Дорогая, не заводись. Ну сколько можно. Ты же знаешь, иначе нельзя. К чему портить нашу последнюю неделю?

— Но ведь тебе было хорошо летом, правда?

— Разумеется... Ну так как, пошли?

— Пошли. И можешь не трудиться меня провожать.

— Ты, правда, не обидишься? Придется делать большой крюк, и потом уже поздно.

— Как знать, на что я обижусь.

— Бренда, дорогая, ради бога... Зачем ты заводись. Это на тебя непохоже.

— А я никогда особенно не набивала себе цену.

Индейцы вернулись ночью, пока Тони и доктор Мессингер спали; маленький народец молча выполз из укрытий; женщины оставили платья в кустах, чтоб ни одна задетая ветка не выдала их;) обнаженные тела бесшумно пробирались через подлесок, луна зашла, и тлеющие угли костра и фонарь служили единственным освещением. Они собрали плетеные корзины, свою долю фариньи, луки и стрелы, ружье и ножи; свернули гамаки в тугие тучки. Они взяли только то, что принадлежало им. И уползли, пересекая тени, назад во тьму.

Проснувшись, Тони и доктор Мессингер сразу поняли, что произошло.

— Положение серьезное, — сказал доктор Мессингер, — но не безнадежное.

IV

Четыре дня подряд Тони и доктор Мессингер гребли вниз по течению. Они сидели на концах шаткого каноэ, изо всех сил стараясь

сохранить равновесие; между ними лежали грудой жизненно необходимые запасы; остальные вместе с двумя каноэ были оставлены в лагере: они пошлют за ними, когда заручатся помощью пай-ваев. Но даже этот необходимый минимум, выбранный доктором Мессингером, был слишком тяжел для каноэ, и оно дало низкую осадку; от любого неосторожного движения вода переплескивалась через планшир, грозя потопом; править было нелегко, и они продвигались крайне медленно, по большей части довольствуясь тем, что плывут по течению. На пути они дважды наткнулись на водопады, и тут им приходилось подтягивать лодку к берегу, разгружать и, придерживая ее руками, идти рядом по воде, то проваливаясь по пояс, то переползая через скалы. Когда течение становилось спокойным, они ставили каноэ на прикол и переносили грузы сквозь заросли. Дальше русло расширялось, и река утихомиривалась; на темной поверхности воды четко отражались стоящие по обоим берегам стволы деревьев, вырастающие из подлеска, которые где-то в вышине, в сотне, а то и больше футов над головой венчали цветущие кроны. Кое-где река вдруг оказывалась сплошь усыпанной опавшими лепестками; они долго плыли среди них, лишь немногим быстрее течения; казалось, будто они отдыхают на цветущем лугу. По ночам они растягивали брезент на сухих участках берега или вешали гамаки в лесу. Лишь мухи кабури да изредка застывшие словно статуи аллигаторы нарушали мирное течение их дней. Они внимательно оглядывали берега, но никаких признаков человеческого жилья не появлялось.

А потом Тони подхватил лихорадку. Она напала на него совершенно неожиданно, на четвертый день. Когда они остановились в полдень на привал, он прекрасно себя чувствовал и даже подстрелил маленького оленя, который пришел, на другой берег на водопой, а через час его так трясло, что весло пришлось отложить; голова у него горела, руки и ноги окоченели, к заходу солнца он начал бредить.

Доктор Мессингер смерил ему температуру, оказалось 104 по Фаренгейту. Он дал Тони двадцать пять гранов хинина и развел костер соевем рядом с гамаком, так что к утру тот обуглился и закоптился. Он велел Тони закутаться как следует в одеяло и не раскрываться, и ночью Тони то и дело просыпался, обливаясь потом; его мучила жажда, и он хлебал речную воду кружка за кружкой.

Ни вечером, ни на следующее утро он не мог есть. Однако наутро температура опять упала. Он чувствовал себя слабым и изможденным, но все же смог сесть в лодку и даже понемногу грести.

— Это ведь просто приступ, он пройдет? — сказал Тони. — Завтра я совершенно поправлюсь, правда ведь?

— Надо надеяться, — сказал доктор Мессингер.

В полдень Тони выпил какао и съел чашку риса.

— Чувствую себя молодцом, — сказал он.

— Вот и прекрасно.

В эту ночь его снова трепала лихорадка. Они разбили лагерь на песчаной отмели. Доктор Мессингер грел камни и прикладывал их Тони к ногам и к пояснице. Он почти всю ночь не спал; подбрасывал дрова в костер и снова и снова наполнял водой кружку Тони. На рассвете Тони подремал с час и почувствовал себя лучше; он то и дело принимал хинин, отчего в ушах раздавался глухой звон, словно он припал ухом к раковине, в которой, как ему говорили в детстве, слышен шум прибоя.

— Надо ехать, — сказал доктор Мессингер. — Мы наверняка недалеко от деревни.

— Ужасно себя чувствую. Может, лучше подождать денек, пока я не поправлюсь окончательно?

— Ждать тот смысла. Надо ехать. Доктор Мессингер понимал, что Тони прихватило надолго. Почти все утро Тони пролежал без движения на носу. Грузы передвинули так, чтобы он мог вытянуться во весь рост. Потом его снова затрясла лихорадка, да так, что застучали зубы; Тони сел, уткнув голову в колени, его било мелкой дрожью, лоб и щеки обжигало полуденное солнце. Деревня по-прежнему не показывалась.

День уже клонился к концу, когда он впервые увидел Бренду. Какое-то время он разглядывал странный предмет в средней части судна, где были свалены товары, потом понял, что это человеческая фигура.

— Значит, индейцы вернулись? — спросил он.

— Да, по-видимому. Постарайтесь лежать тихо.

— Вот дура-то, испугалась заводной мыши, — презрительно обратился Тони к женщине в лодке. И тут он увидел, что это Бренда.

— Извини, — сказал он. — Я не знал, что это ты. Ты б никогда не испугалась заводной мыши.

Она не отвечала. Она сидела сгорбившись, как частенько сидела над своей миской хлеба с молоком, когда возвращалась в былые дни из Лондона.

Доктор Мессингер отвел лодку к берегу. Он помог Тони выйти на берег — и они чуть не перевернули каноэ. Бренда самостоятельно вышла на берег. Она ступала изящно и уверенно, не колебля лодки.

— Вот — что значит уметь держать себя, — сказал Тони. — Знаете, мне как-то попалась анкета, которую заполняют, нанимаясь на работу в одну американскую фирму; так вот, там есть вопрос: «Умеете ли вы держать себя?»

Бренда ждала его на берегу.

— И самое глупое в этом вопросе, что им приходится принимать на веру слова претендента, — объяснил он старательно; — Ведь если ты сам считаешь, что умеешь себя держать, это еще не доказательство.

— Посидите тихо, пока я привешу гамак.

— Да, я посижу здесь с Брендой. Я так рад, что она смогла приехать. Она, по-видимому, успела на 3.18.

Она провела с ним всю ночь и весь следующий день. Он без умолку разговаривал с ней, но она отвечала редко и загадочно. На следующий вечер с него опять потоками лился пот. Доктор Мессингер развел большой костер прямо у гамака и закутал Тони в свое одеяло;

За час до рассвета Тони уснул, а когда он проснулся, Бренда исчезла.

— Вот вы и опять пришли в норму.

— Слава богу. Меня здорово прихватило, верно? Я почти ничего не помню.

Доктор Мессингер разбил некое подобие лагеря. Он вырубил квадратик подлеска размером с крохотную комнатку. Их гамаки висели друг против друга. На берегу аккуратной кучкой были сложены на брезенте грузы.

— Как вы себя чувствуете?

— Молодцом, — сказал Тони, и, выбравшись из гамака, обнаружил, что у него подгибаются ноги. — Ну, конечно, я ведь ничего не ел. Наверное, пройдет день-два, прежде чем я приду в себя.

Доктор Мессингер ничего не ответил; он старательно очищал чай от листьев, медленно переливая его из одной кружки в другую; потом разболтал в нем столовую ложку сгущенного молока.

— Попробуйте выпить.

Тони с удовольствием выпил чай и съел несколько бисквитов.

— Мы сегодня поедем дальше? — спросил он.

— Надо подумать. — Доктор Мессингер отнес кружки на берег и помыл их в реке. Вернувшись, он сказал: — Пожалуй, лучше вам прямо сказать, как обстоят дела. Не стоит думать, будто вы поправились, только потому что лихорадка отпустила вас на день. Так всегда бывает. Один день трясет, другой отпускает. Это может тянуться неделю, а то и дольше. Надо смотреть фактам в лицо. Везти вас в каноэ слишком большой риск. Позавчера мы из-за вас несколько раз чуть не перевернулись.

— Мне померещился один знакомый мне человек.

— Вам много чего мерещилось. И этому нет конца. А провизии у нас всего на десять дней. Особых оснований тревожиться нет, но забывать об этом не следует. Кроме того, вам нужна

крыша над головой и постоянный уход. Если б мы были в деревне...

— Боюсь, что я вам причиняю массу хлопот.

— Не в этом дело. Прежде всего мы должны решить, как нам лучше всего поступить.

Но Тони так устал, что не мог думать. Он задремал на час-другой. Когда он проснулся, доктор Мессингер расширял вырубку: «Я хочу натянуть брезентовый навес».

Эта стоянка получила наименование «Вынужденный опорный лагерь». Тони безучастно следил за доктором. Немного погодя Тони сказал:

— Послушайте, а почему бы вам не оставить меня здесь и не спуститься за помощью вниз по реке?

— Я уже думал об этом. Слишком рискованно.

Днем Бренда вернулась, и Тони снова трясся и метался в своем гамаке.

Когда Тони в следующий раз очнулся, он заметил у себя над головой брезентовый навес, привязанный к стволам деревьев. Он спросил:

— И давно мы здесь?

— Всего три дня.

— Сколько сейчас времени?

— Около десяти утра.

— Ужасно себя чувствую. Доктор Мессингер дал ему супу.

— Я на день спущусь вниз по реке, — сказал он, — посмотрю, нет ли поблизости деревни. Мне очень не хотелось бы вас оставлять, но стоит рискнуть. Пустое каноэ пойдет быстрее. Лежите тихо. Не выходите из гамака. Я вернусь до темноты. И, надо надеяться, с индейцами; они нам помогут.

— Отлично, — сказал Тони и заснул.

Доктор Мессингер пошел к берегу и отвязал каноэ, с собой он взял ружье, кружку и запас провизии на день. Сев на корму, он оттолкнулся от берега, течение подхватило лодку и в несколько взмахов весла он очутился на середине реки.

Солнце стояло высоко, и его отражение в воде слепило глаза и сжигало кожу; доктор Мессингер греб неторопливо и равномерно, но течение волокло лодку вперед. Вдруг русло сузилось, и река почти целую милю неслась так стремительно, что доктору Мессингеру только и оставалось, что рулить веслом, потом лес, стоявший стеной по обоим берегам, расступился, и лодку внесло в огромное озеро, где ему пришлось грести изо всех сил, чтобы хоть немного сдвинуться с места; он не сводил глаз с берегов в надежде, что где-то вдруг покажется струйка дыма, пальмовая крыша, крадущаяся по подлеску коричневая фигура, скот, пришедший на водопой, — словом, какой-то признак жилья. Нигде ничего Выплыв на гладь озера, он вынул полевой бинокль и изучил поросшие лесом берега. Нигде ничего. Потом река снова сузилась, и каноэ помчалось вперед, увлекаемое быстрым течением. Впереди гладь воды прерывали пороги, вода бурлила и клубилась воронками; глухой монотонный рокот предупреждал, что за порогами начинается водопад. Доктор Мессингер погреб к берегу. Течение было мощным, и доктор Мессингер греб что было мочи, но за десять ярдов до порогов он врезался носом в мель. Над водой свисали густые заросли терновника, каноэ проскользнуло под ними и врезалось в берег; доктор Мессингер, не сдвигаясь с места, осторожно потянулся к ветке над головой. И тут он потерпел крах: лодка понеслась кормой вниз по течению, и не

успел он схватить весло, как лодку уже поволокло бортом по взбаламученным водам; и там, крутясь и кувыркаясь, она помчалась зигзагами. Доктора Месеингера вышвырнуло в реку; местами там было совсем мелко, он пытался ухватиться за отполированные, как слонобая кость, камни, но руки его срывались, он дважды перевернулся, очутился на глубоком месте, попытался плыть, снова очутился среди валунов, снова попытался взять их на абордаж. И тут на его пути встал водопад.

Водопад по местным понятиям был невидный — он низвергался футов с десяти, а то и меньше, — но доктору Мессингеру и этого хватило. У его подножья вспененные потоки стихали в большой, почти неподвижной заводи, осыпанной лепестками с цветущих по берегам деревьев.

Шляпа доктора Мессингера медленно поплыла к Амазонке, воды сомкнулись над его лысой головой.

Бренда отправилась к семейному поверенному в делах.

— Мистер Грейсфул, — сказала она. — Мне необходимо получить хотя бы еще немного денег.

Мистер Грейсфул грустно посмотрел на нее.

— По моему мнению, с этим вопросом вам следовало бы обратиться в ваш банк. Насколько мне известно, принадлежащие вам ценные бумаги положены на ваше имя, и банк выплачивает вам дивиденды.

— Похоже, что теперь никогда не выплачивают дивидендов. И потом, правда, очень трудно жить на такую мизерную сумму.

— Несомненно, несомненно.

— Мистер Ласт передал вам все полномочия, не так ли?

— Моя власть весьма ограничена, леди Бренда. Я получил указание оплачивать жалованье служащим в Хеттоне и все расходы, связанные с содержанием поместья: мистер Ласт встраивает новые ванны и восстанавливает украшения в утренней комнате, которые были уничтожены. Но, увы, распоряжаться банковским счетом мистера Ласта для других надобностей не в моей власти.

— Но, мистер Грейсфул, я уверена, что он не собирался оставаться за границей так долго. Не хотел же он, чтобы я осталась на мели, правда ведь?.. Правда?

Мистер Грейсфул помолчал и слегка поерзал на стуле.

— Откровенно говоря, леди Бренда, боюсь, что именно таковы были его намерения. Я поднял этот вопрос незадолго до его отъезда. Он был неколебим.

— Но неужели ему позволят так со мной поступить? То есть я хочу сказать, неужели брачный контракт не дает мне никаких прав или что-нибудь в этом роде?

— Вы ничего не можете требовать, не обращаясь в суд. Вы могли бы найти поверенных, которые посоветуют вам предпринять подобный шаг. Не стану уверять, что я хотел бы стать одним из них. Мистер Ласт будет биться до последнего и, я думаю, при сложившихся обстоятельствах, суд вынесет решение в его пользу. В любом случае это будет затяжное, дорогостоящее и несколько сомнительное судебное дело.

— А, понимаю... ну что ж, раз так, значит так, правда?

— Другого выхода и впрямь нет. Бренда встала.

Лето было в разгаре, сквозь открытые окна виднелись купающиеся в солнечных лучах сады Линкольнз-инн.

— И еще одно. Не знаете ли вы, то есть не можете ли вы мне сказать, сделал ли мистер Ласт другое завещание?

— К сожалению, я не имею права обсуждать этот вопрос.

— Да, конечно. Извините, если я задала не деликатный вопрос. Я просто хотела знать, на что мне рассчитывать.

Она застыла на полдороге от стола к двери и выглядела совершенно потерянной в своем пестром летнем платье.

— Наверное, я могу вам кое-что сказать, чтоб вы знали, чем руководствоваться. Предполагается, что Хеттон отойдет родственникам мистера Ласта — семье Ричарда Ласта из Принсес-Рисборо. Зная характер и взгляды мистера Ласта, вы могли бы предвидеть, что он наверняка завещает состояние вместе с поместьем, чтобы оно содержалось в том виде, который мистер Ласт считает подходящим.

— Да, — сказала Бренда. — Я могла бы и догадаться. Ну что ж, до свиданья.

И она очутилась одна на ярком солнечном свету.

Тони провел весь день один: то и дело он куда-то проваливался и терял ощущение времени. Он немного поспал; раз или два он вставал было из гамака, но ноги у него подкашивались и перед глазами все

плыло. Он попытался пролотить что-нибудь из еды, оставленной доктором Мессингером, но безуспешно. Только когда стемнело, он понял, что день прошел. Он зажег фонарь и стал собирать дрова для костра, но сучья падали из рук; каждый раз, когда он нагибался, у него темнело в глазах, так что после нескольких попыток он в сердцах швырнул охапку на землю и залез обратно в гамак. И там, укутавшись в одеяло, заплакал.

Через несколько часов после наступления темноты свет лампы стал тускнеть. Тони с трудом перегнулся через край гамака и потряс ее. Лампу надо было залить. Он знал, где керосин, и пополз туда, сначала держась за веревки гамака, потом за ящики. Он нашел канистру, вынул затычку и стал наливать лампу, но руки у него тряслись, а голова так закружилась, что пришлось закрыть глаза; канистра перевернулась и с тихим журчанием вылилась на землю. Осознав, что случилось, Тони снова заплакал. Он лег в гамак, и через несколько минут свет совсем ослаб, мигнул и погас. От рук и намокшей земли разлило керосином. Тони лежал в темноте и плакал.

Перед рассветом лихорадка вернулась, и настырная шайка призраков снова морочила ему голову.

Бренда проснулась в таком подавленном настроении, что хуже некуда. Предыдущий вечер она просидела одна в кино. Она проголодалась — ей не удалось толком поесть, — но у нее не хватило духу пойти одной в ресторан, где подавали поздний ужин. Она купила в ларьке мясной пирог и понесла домой. Выпядел он очень привлекательно, но приступив к еде, она обнаружила, что у нее начисто пропал аппетит. Когда она проснулась, остатки пирога валялись на туалетном столике.

Стоял август, и она осталась в городе одна. Бивер в этот день высаживался в Нью-Йорке. Он послал ей телеграмму с полпути, что путешествие идет прекрасно. Больше она о нем не слышала. Парламент распустили, и Джок Грант-Мензис поехал с ежегодным визитом к своему старшему брату в Шотландию. Марджори и Аллан в последний момент вскочили на яхту лорда Мономарка и теперь в неге и роскоши плавали вдоль берегов Испании, посещая бои быков (они даже попросили ее присмотреть за Джинном). Мать ее жила на Женевском озере в шале, которое ей всегда отдавала на лето леди

Энкоридж. Полли была всюду и везде. Даже Дженни Абдул Акбар путешествовала вдоль берегов Балтики.

Бренда развернула газету и прочла статью одного молодого журналиста, в которой сообщалось, что лондонский сезон, как его понимали раньше, отжил свой век: теперь все слишком заняты, чтобы соблюдать довоенные обычаи; теперь не устраивают больших балов, а развлекаются более скромно; теперь август в Лондоне — самое веселое время (он писал одно и то же ежегодно, слегка переставляя слова). Бренду эта статья не утешила.

Вот уже много недель она пыталась не сердиться на Тони за то, как он с ней поступил; но тут она не выдержала и, зарывшись в подушку, зарыдала от обиды на Тони и жалости к себе.

В Бразилии она носила драное ситцевое платье того же фасона, что и Роза. Оно ей, пожалуй, даже шло. Тони долго наблюдал за ней, прежде чем заговорить.

— Почему ты так оделась?

— Тебе не нравится? Я купила это платье у Полли.

— Уж очень оно грязное.

— Ведь Полли много путешествует. А теперь вставай, тебе пора на заседание Совета графства.

— Разве сегодня среда?

— Нет, но в Бразилии другое время; неужели ты не помнишь?

— Я не могу уехать в Пигстэнтон. Я должен остаться здесь, пока не приедет доктор Мессингер. Я болен. Он велел мне лежать спокойно. Он вернется сегодня вечером.

— Но Совет графства прибыл в полном составе. Их привезла на своем самолете лихая блондинка.

Все и впрямь были тут. На председательском месте сидел Реджи Сент-Клоуд. Он сказал: «Я требую, чтобы Милли вывели из комитета, у нее дурная репутация».

Тони выдвинул протест.

— У нее есть дочь. Она имеет ничуть не меньше прав заседать здесь, чем леди Кокперс.

— К порядку, — сказал мэр, — я призываю вас, джентльмены, придерживаться обсуждаемой темы. Нам предстоит решить вопрос о расширении Бейтон-Пигстэнтонского шоссе. Поступают жалобы, что

автобусам Зеленой Линии небезопасно сворачивать на углу Хеттон-кросс.

— Крысам Зеленой Линии.

— Я сказал: «Крысам Зеленой Линии». Заводным крысам Зеленой Линии. Они нагнали ужас на многих жителей в деревне, и те покинули свои дома.

— Я покинул, — сказал Реджи Сент-Клауд. — Меня выжили из дому заводные зеленые крысы.

— К порядку, — сказала Полли Кокперс. — Вношу предложение, чтобы мистер Ласт обратился к собравшимся с речью.

— Правильно, правильно.

— Дамы и господа, — сказал Тони, — прошу извинить меня: я болен и не могу встать из гамака. Доктор Мессингер оставил твердые распоряжения.

— Винни хочет купаться.

— В Бразилии купаться запрещено. В Бразилии купаться запрещено, подхватило крик собрание. — В Бразилии купаться запрещено.

— Но вы же съели два завтрака.

— К порядку, — сказал мэр. — Лорд Сент-Клауд предлагает поставить вопрос на голосование.

— Мы должны решить вопрос, следует ли подряд на расширение перекрестка Хеттон-кросс отдать миссис Бивер. Ее смета самая дорогая, зато, насколько я понимаю, она предусматривает постройку обшитой хромированными панелями стены на юге деревни...

— ...и два завтрака, — подсказала Винни.

— ... и два завтрака для рабочих. Кто за это предложение, поквохтите, как куры, кто против, скажите: гав-гав.

— В высшей степени неподобающее предложение, — сказал Реджи, — что могут подумать слуги.

— Нам надо что-то сделать, пока Бренда ничего не знает.

— ...Кто? Я? Все в порядке.

— Значит, предложение принимается.

— Я так рада, что миссис Бивер получила подряд, — сказала Бренда. Понимаете, я влюблена в Джона Бивера. Я влюблена в Джона Бивера. Я влюблена в Джона Бивера.

— Это решение комитета?

— Да. Комитет постановляет: она влюблена в Джона Бивера.

— Решение принято единогласно.

— Нет, — сказала Винни. — Он съел два завтрака.

— ...подавляющим большинством голосов.

— Почему вы переодеваетесь? — спросил Тони: они облачались в охотничьи костюмы.

— У нас сбор. Сегодня съезжаются соседние своры.

— Но летом же нет охоты.

— В Бразилии время другое, и здесь купаться запрещено.

— Я вчера видел лисицу в Брутонском лесу. Заводную зеленую лисицу с колокольчиком внутри; когда она бежит, колокольчик позванивает. Она на них такого страху нагнала, что они убежали; весь берег опустел, и теперь купаться запрещено всем, кроме Бивера. Ему разрешено купаться каждый день, потому что в Бразилии другое время.

— Я влюблен в Джона Бивера, — сказал Эмброуз.

— А я и не знал, что вы здесь.

— Я пришел напомнить вам, что вы больны, сэр. Вы ни при каких обстоятельствах не должны покидать гамак.

— Но как же я попаду в Град, если останусь здесь?

— Град будет подан прямо в библиотеку, сэр.

— Да, именно в библиотеку. Не имеет смысла пользоваться столовой, раз ее милость будет жить в Бразилии.

— Я передам ваш приказ на конюшню, сэр.

— Но мне не нужен пони. Я велел Бену продать его.

— Вам придется проехать в курительную верхом, сэр. Доктор Мессингер взял каноэ.

— Отлично, Эмброуз.

— Благодарю вас, сэр.

Комитет в полном составе пошел по аллее, за исключением полковника Инча, который перешел на другую дорожку и теперь трусил по направлению в Комптон-Ласт. Тони и миссис Рэттери остались одни.

— Гав-гав, — сказала она, собирая карты. — Решение принято.

Оторвав глаза от карт, Тони увидел за деревьями крепостной вал и зубчатые стены Града; он был совсем рядом, геральдический флаг на надвратной башне полоскался на тропическом ветру. Тони с трудом

присел и сбросил одеяла. Лихорадка придавала ему сил. Он продирался сквозь кусты терновника; из-за блистающих стен неслась музыка; какая-то процессия или карнавальное шествие обходило Град. Тони налетал на стволы деревьев, спотыкался о корни, путался в усах лозы, но шел вперед, несмотря на боль и усталость.

Наконец он выбрался на открытое пространство. Перед ним распахнулись ворота; со стен трубили трубачи, с бастиона на бастион на все четыре стороны света передавали весть о его приходе; в воздухе кружились лепестки миндального и яблоневого цвета; они устилали путь ковром, как после летней бури в садах Хеттона. Золоченые купола и белоснежные шпили сверкали под солнечными лучами.

— Град подан, — объявил Эмброуз.

ГЛАВА ШЕСТАЯ. DU COTE DE CHEZ TODD^[25]

Хотя мистер Тодд прожил в Амазонас около шести лет, о его существовании знали лишь несколько семей пай-ваев. Дом его стоял на клочке саванны, одном из крохотных, мили три в поперечнике, островков песка и травы, изредка возникающих в этих местах, которые со всех сторон обступал лес.

Ручеек, орошавший его, не значился ни на одной карте, он бежал через пороги, грозный, а большую часть года и вовсе непроходимый, и впадал в верховья реки там, где потерпел крах доктор Мессингер. Никто из обитателей здешних мест, кроме мистера Тодда, никогда не слышал ни о правительстве Бразилии, ни о правительстве Нидерландской Гвианы, каждое из которых время от времени предъявляло на них права.

Дом мистера Тодда был больше домов его соседей, но в остальном ничем от них не отличался — крыша из пальмовых листьев, плетеные, обмазанные глиной стены высотой до груди и глинобитный пол. Ему принадлежало примерно с полдюжины голов заморенного скота, щипавшего траву в саванне, плантация маниоки, несколько банановых и манговых деревьев, собака и единственный в этом краю одноствольный дробовик. Немногие товары из цивилизованного мира, в которых он нуждался, попадали к нему через бесконечных торговцев, переходили из рук в руки, обменивались на двенадцати языках, пока не попадали на самый конец длинной нити той коммерческой паутины, что тянется от Манаоса до отдаленнейшей цитадели, укрытой в лесах.

Однажды, когда мистер Тодд набивал патроны, к нему пришел пай-вай и сообщил, что по лесу приближается белый человек, совсем больной. Мистер Тодд кончил набивать патрон, зарядил дробовик, положил уже готовые патроны в карман и отправился в указанном направлении.

Когда мистер Тодд заметил пришельца, тот уже выбрался из лесу: он сидел на опушке, и видно было, что он совсем плох. Он был бос, с непокрытой головой, изорванная в клочья одежда прилипла к

мокрому от пота телу и только тем и держалась, израненные ноги распухли, а просвечивавшая сквозь дыры одежды кожа была покрыта полузарубцевавшимися укусами насекомых и вампиров; глаза его обезумели от лихорадки. Он в бреду разговаривал сам с собой, но, когда мистер Тодд обратился к нему по-английски, он замолк.

— Вот уже много дней, как со мной никто не говорил, — сказал Тони. Другие и останавливаться не хотели... Катили себе мимо на велосипедах... Я устал... Сначала со мной шла Бренда, но она испугалась заводных мышей и уплыла на каноэ. Она обещала к вечеру вернуться, но не вернулась. Она, наверное, гостит у новых друзей в Бразилии... Вы ведь с ней встречались, правда?

— Я давным-давно не видел тут ни одного иностранца.

— Она перед уходом надела цилиндр. Так что вы б ее сразу заметили. — И он обратился к кому-то, рядом с мистером Тоддом, хотя там никого не было.

— Видите тот дом? Как вам кажется, сможете вы до него добраться? Если нет, я пришлю индейцев, они вас донесут.

Тони прищурился и поглядел на стоявшую на другом краю саванны хижину мистера Тодда.

— Архитектурное решение привязано к пейзажу, — сказал он, — постройка выполнена целиком из местных материалов. Только ни за что не показывайте ее миссис Бивер, не то она вам ее обошьет хромированными панелями снизу доверху.

— Постарайтесь идти.

Мистер Тодд поднял Тони, придерживая его за спину своей могучей рукой.

— Я поеду на вашем велосипеде. Это ведь мимо вас я только что проехал?.. Но у вас борода другого цвета. У того была борода зеленая... зеленая, как мышь.

Мистер Тодд повел Тони к дому по травянистым пригоркам.

— Тут недолго. Когда мы придем, я вам дам одно снадобье, и вам полегчает.

— Вы очень любезны... Страшно неприятно, когда жена уплывает бог знает куда на каноэ. Но это было давным-давно. Я с тех пор ничего не ел. — Немного погодя он сказал: — Слушайте, ведь вы англичанин. Я тоже англичанин. Моя фамилия Ласт.

— Отлично, мистер Ласт, а теперь ни о чем больше не беспокойтесь. Вы нездоровы и проделали нелегкий путь. Я о вас позабочусь.

Тони огляделся.

— Вы все англичане?

— Да, да, все.

— Эта брюнетка замужем за мавром... Мне очень повезло, что я вас всех встретил. Вы, наверно, члены велоклуба?

— Да.

— Видите ли, сейчас я слишком устал и не могу ехать на велосипеде... по правде сказать, никогда особенно им не увлекался... а вам, ребята, надо достать велосипеды с мотором — и быстрее, и шуму больше... Давайте остановимся здесь.

— Нет, мы должны дойти до дома. Тут недалеко.

— Отлично... Только вам, наверно, нелегко будет раздобыть здесь бензин.

Едва переступая, они, наконец, дошли до дома.

— Ложитесь в гамак.

— То же самое и Мессингер говорил. Он влюблен в Джона Бивера.

— Я для вас кое-что достану.

— Вы очень добры. Пожалуйста, мой обычный завтрак на подносе — кофе, тосты, фрукты. И утренние газеты. Если ее милость уже звонила, я буду завтракать в ее комнате...

Мистер Тодд прошел в дальнюю комнату и вытащил из-под груды шкур жестяную канистру. Она была доверху набита смесью сухих листьев и коры. Мистер Тодд отсыпал пригоршню и пошел к костру. Когда он возвратился, гость неестественно выпрямившись, сидел в гамаке верхом, и раздраженно говорил:

— ...было бы гораздо вежливее и к тому же вы бы лучше меня слышали, если б стояли смирно, когда я к вам обращаюсь, а не ходили кругами. Я говорю для вашей же пользы... Я знаю, вы друзья моей жены и поэтому не желаете слушать меня. Но берегитесь. Она ничего плохого не скажет, не повысит голоса, не будет никаких сцен. Она надеется, что вы останетесь друзьями. Но она от вас уйдет. Она скроется потихоньку посреди ночи. Унесет гамак и свою долю фариньи... Слушайте меня. Знаю, я не так уж умен, но это еще не

повод для того, чтоб начисто забыть о вежливости. Давайте будем убивать как можно деликатнее. Я вам расскажу, что я узнал в лесу, где время совсем другое. Никакого Града нет. Миссис Бивер обшила его хромированными панелями и перегородила на квартирki. Три гинеи в неделю за все с отдельной ванной. Очень подходяще для низкопробных романов. И Полли там будет. Она и миссис Бивер под обломками зубчатых стен...

Придерживая Тони за затылок, мистер Тодд поднес к его губам тыкву-горлянку с травяным отваром. Тони отхлебнул и отвернулся.

— Какая гадость, — сказал он и заплакал. Мистер Тодд стоял около него, держа тыкву наготове. Немного погодя Тони отпил еще несколько плотков, морщась и передергиваясь от горечи. Мистер Тодд не отходил от него, пока тот не допил снадобье: потом выплеснул осадок на земляной пол.

Тони лежал в гамаке и беззвучно рыдал. Вскоре он заснул глубоким сном.

Тони медленно шел на поправку. Сначала дни просветления чередовались с днями бреда; потом температура упала, и он не терял сознания, даже когда был совсем плох. Лихорадка трепала его все реже, под конец перейдя на обычный для тропиков цикл, при котором приступы перемежались долгими периодами относительного благополучия. Мистер Тодд постоянно пичкал его своими целебными настоями.

— Вкус у них гадкий, — говорил Тони, — но пользы от них много.

— В лесу есть всякие травы, — говорил мистер Тодд. — Одними можно вылечить, другими нагнать болезнь. Моя мать была индианка, она мне много трав показала. Остальные я постепенно узнал от своих жен. Всякие есть травы: и чтобы вылечить, и чтобы лихорадку наслать, и чтобы извести, и чтобы свести человека с ума, и чтобы змей отогнать, и чтобы рыбу усыпить, так что ее можно потом из реки голыми руками брать, все равно как плоды с деревьев. А есть такие травы, которых и я не знаю. Говорят, они даже воскрешают покойника, когда он уже начал смердеть, но мне этого не случилось видеть.

— А вы действительно англичанин?

— Мой отец был англичанин, по крайней мере барбадосец. Он прибыл в Гвиану как миссионер. Он был женат на белой, но бросил ее

в Гвиане, а сам отправился искать золото. Тут он сошелся с моей матерью. Пай-вайские женщины уродливые, по очень преданные. У меня их много перебывало. Здесь, в саванне, почти все мужчины и женщины — мои дети. Поэтому они меня и слушаются, и еще потому, что у меня есть ружье. Мой отец дожил до преклонных лет. И двадцати лет не прошло, как он умер. Он был образованный человек. Вы умеете читать?

— Разумеется.

— Далеко не всем так повезло. Я вот не умею.

Тони виновато засмеялся.

— У вас, наверное, не было случая здесь научиться.

— О, конечно. У меня очень много книг. Я вам их покажу, когда вы поправитесь. Пять лет назад здесь жил один англичанин, правда, он был черный, но он получил хорошее образование в Джорджтауне. Он умер. Он мне каждый день читал, пока не умер. И вы будете читать, когда поправитесь.

— С превеликим удовольствием.

— Да, да, вы мне будете читать, — повторил мистер Тодд, склоняясь над тыквой.

В первые дни после того, как Тони пошел на поправку, он почти не разговаривал со своим хозяином, а лежал в гамаке, глядел на пальмовую кровлю и думал о Бренде. Дни — по двенадцать часов каждый — проходили неотличимые один от другого. На закате мистер Тодд шел спать, оставив маленький светильник — самодельный фитиль, вяло плавающий в плошке с говяжьим жиром чтобы отпугивать вампиров.

Когда Тони в первый раз смог выйти из дому, мистер Тодд повел его на ферму.

— Я покажу вам могилу негра, — сказал он, подводя Тони к холмику среди манговых деревьев. — Он был добрый человек. Он мне каждый день читал два часа подряд. Я хочу поставить на его могиле крест, в память о его смерти и вашем появлении. Правда, неплохая мысль? Вы верите в бога?

— Наверное. Я как-то не думал над этим.

— А я очень много думал и еще не решил... Диккенс верил.

— Наверное.

— Да, это чувствуется во всех его книгах. Вот увидите. Днем мистер Тодд начал сооружать крест на могилу негра. Под его рубанком твердое дерево скрежетало и звенело, как металл.

Когда лихорадка отпустила Тони на шесть-семь ночей кряду, мистер Тодд сказал:

— Мне кажется, теперь вы поправились и можете посмотреть книги.

В одном конце хижины к свесу крыши было прибито подобие помоста, образовав нечто вроде чердака. Мистер Тодд вскарабкался наверх по приставной лестнице. Тони полез за ним, шатаясь после недавней болезни. Мистер Тодд сел на помост, а Тони остановился на последней ступеньке и заглянул внутрь. На чердаке валялась куча тюков, связанных тряпками, пальмовыми листьями и сыромятными веревками.

— Очень трудно оберегать их от червей и муравьев. Две связки практически погибли. Индейцы, правда, умеют делать какое-то масло, оно помогает.

Он развернул ближайшую пачку и передал Тони переплетенную в телячью кожу книгу.

Это было одно на первых американских изданий «Холодного дома».

— Неважно, с чего мы начнем.

— Вам нравится Диккенс?

— Ну что вы, нравится — это слишком слабо. Понимаете, ведь я никаких других книг не слышал. Сначала мой отец мне их читал, потом этот негр... теперь вы. Я их по несколько раз слышал, но они мне никогда не надоедают, с каждым разом узнаешь и замечаешь что-то новое: так много людей, и все время разные события, и много разных слов... У меня есть все книги Диккенса, кроме тех, которые сожрали муравьи. На то, чтобы прочесть их, уходит больше двух лет.

— Ну, — сказал Тони беспечно, — столько я у вас не пробуду.

— Что вы, что вы, надеюсь, вы ошибаетесь. Какая радость снова их услышать. Мне кажется, с каждым разом я получаю от них все больше удовольствия.

Они отнесли первый том «Холодного дома» вниз; днем состоялось первое чтение.

Тони всегда любил читать вслух и первый год после свадьбы прочел подряд несколько книг Бренде, пока в минуту откровенности она не созналась, что для нее это пытка. Читал он и Джону Эндрю зимой, в наступавших сумерках, когда мальчик сидел в детской перед камином и ужинал. Но такого слушателя, как мистер Тодд, у него еще не бывало.

Старик сидел верхом в гамаке напротив Тони, сверля его глазами, и беззвучно повторял губами каждое слово. Когда в романе появлялось новое действующее лицо, он обычно говорил: «Повторите это имя, я что-то его забыл», или «Как же, как же, я ее помню, она еще потом умрет, бедняжка». Он то и дело прерывал Тони вопросами, но не о деталях быта, как легко было бы предположить — порядки в канцелярском суде или общественные отношения в то время несколько его не занимали, хотя, по-видимому, и были ему непонятны, а только о персонажах.

— Нет, вы мне объясните, почему она это сказала? Она правда так думает? Она упала в обморок, потому что ей стало жарко от камина или из-за того, что было в этом письме?

Он от души смеялся всем шуткам, а также во многих местах, которые Тони вовсе не казались смешными, просил повторить их по два-три раза, а позже, когда они читали про страдания бедняков в Одиноком Томе, слезы бежали у него по щекам и скатывались на бороду. Замечания его были просты. «По-моему, Дедлок очень гордый человек» или «Миссис Джеллиби не заботится о своих детях».

Тони получал от чтения почти столько же удовольствия, сколько и мистер Тодд.

В конце первого дня старик сказал: «Вы прекрасно читаете, и произношение у вас гораздо лучше, чем у негра. И потом вы лучше объясняете. Мне кажется, что мой отец снова со мной». После каждого сеанса он учтиво благодарил своего гостя: «Я получил сегодня огромное удовольствие. Какая печальная глава. Но, если я не забыл, все кончается хорошо».

Однако, когда они перешли ко второму тому, Тони начали приедаться восторги старика, к тому же он окреп, и им овладело беспокойство. Он не раз заводил разговор об отъезде, расспрашивал о каноэ, дождях и можно ли здесь достать проводников. Но до мистера Тодда намеки, казалось, не доходили, он пропускал их мимо ушей.

Однажды, перелистывая оставшиеся страницы «Холодного дома», Тони сказал:

— А нам еще порядочно осталось. Надеюсь, я успею закончить книгу до отъезда.

— Разумеется, — сказал мистер Тодд, — пусть это вас не беспокоит. У вас будет время закончить ее, мой друг.

Тут Тони впервые заметил в поведении своего хозяина некую угрозу. Вечером, перед закатом, за нехитрым ужином из фариньи и вяленой говядины, Тони возобновил этот разговор.

— Знаете ли, мистер Тодд, пора бы мне вернуться к цивилизации. Я и так слишком злоупотребил вашим гостеприимством.

Мистер Тодд склонился над тарелкой, хрустя фариньей, и ничего не ответил.

— Как по-вашему, скоро мне удастся достать лодку?.. Я говорю, скоро мне удастся достать лодку, как по-вашему? Невозможно передать, как я вам благодарен, но...

— Друг мой, за все, что я мог для вас сделать, вы с лихвой отплатили чтением Диккенса. И не надо больше об этом.

— Что же, я очень рад, что вы получили удовольствие от наших чтений. Я тоже, однако мне и в самом деле пора подумать о возвращении...

— Вот, вот, — сказал мистер Тодд, — с тем черным было то же самое. Он только об этом и думал. Но умер он здесь.

Назавтра Тони дважды пытался возобновить этот разговор, но хозяин уклонялся. В конце концов Тони сказал:

— Извините меня, мистер Тодд, но мне настоятельно необходимо выяснить, когда я смогу достать лодку.

— Здесь нет лодки.

— Так индейцы могут ее построить.

— Вам придется подождать дождей. Сейчас река обмелела.

— И долго надо ждать?

— Ну, месяц... два.

Они прикончили «Холодный дом» и дочитывали «Домби и сына», когда пошли дожди.

— Мне пора готовиться к отъезду.

— Нет, нет, это невозможно. Индейцы не станут делать лодку в сезон дождей. У них такой предрассудок.

— Вы могли бы меня предупредить.

— Разве я не упоминал об этом? Значит, забыл. На следующее утро, пока мистер Тодд хлопотал по хозяйству, Тони, притворившись, как мог, что слоняется без дела, ушел через саванну к индейским хижинам. На пороге одной из них сидела группка пай-ваев. Когда Тони подошел, они не подняли на него глаз. Он обратился к ним с несколькими словами на макуши, которые перенял за время путешествия, но пай-ваи ничем не показали, понимают они его или нет. Тогда он нарисовал на песке каноэ, знаками показал, как работает плотник, поткал пальцами от них в себя, затем нацарапал на песке контуры ружья, шляпы и некоторых других наиболее общепризнанных предметов обмена и знаками показал, как он передает эти вещи им. Одна из женщин захихикала, остальные продолжали сидеть с тем же непроницаемым видом, и он удалился ни с чем.

В полдень за едой мистер Тодд сказал:

— Мистер Ласт, индейцы мне сообщили, что вы хотели с ними договориться. Проще передать все, что вам нужно, через меня. Вы понимаете, правда ведь, что они ничего не делают без моего разрешения. Они считают себя, и во многих случаях вполне правильно, моими детьми.

— Да, кстати говоря, я спрашивал их о каноэ.

— Так они мне и сказали... А теперь, если вы уже поели, мы могли бы прочесть следующую главу. Меня очень захватила эта книга.

Они закончили «Домби и сына». Почти год прошел с тех пор, как Тони покинул Англию; мрачное предчувствие, что его заточению не будет конца, нахлынуло на него с особой силой, когда он нашел между страницами «Мартина Чезлвита» исписанный карандашными каракулями документ:

«Год 1919.

Я Джеймс Тодд из Бразилии обитаю Барнабасу Вашингтону из Джорджтауна, если он закончит книгу Мартин Чезлвит отпустить его как кончет».

За сим следовал толстый карандашный крест и после него:

«Этот крест поставил мистер Тодд подписал Барнабас Вашингтон».

— Мистер Тодд, — сказал Тони, — я должен поговорить с вами откровенно. Вы спасли мне жизнь, и когда я вернусь к цивилизации, я постараюсь вас вознаградить, как только смогу. Я дам вам все, что вы захотите, в разумных пределах, конечно. Но сейчас вы держите меня здесь против моей воли. Я требую, чтобы вы меня освободили.

— Кто вас держит, друг мой? Я вас ни в чем не стесняю. Уходите когда хотите.

— Вы отлично знаете, что я не могу уйти без вашей помощи.

— В таком случае вам придется улаживать старика. Прочтите мне еще главу.

— Мистер Тодд, я готов поклясться чем угодно: когда я доберусь до Манаоса, я подыщу себе заместителя. Я найму человека, который будет читать вам весь день напролет.

— Но мне не нужен никто другой. Вы прекрасно читаете.

— Сегодня я читал в последний раз.

— Ну что вы, — вежливо сказал мистер Тодд.

Вечером к ужину принесли только одну тарелку с вяленным мясом и фариньей, и мистер Тодд ел в одиночестве. Тони лежал, глядя в потолок, и молчал.

Назавтра в полдень опять была подана только одна тарелка, и мистер Тодд держал на коленях взведенное ружье. И Тони начал «Мартина Чезлвита» с того места, где они остановились.

Недели тоскливо тянулись одна за другой. Они прочли «Николаса Никлби», и «Крошку Доррит», и «Оливера Твиста». Потом в саванну забрел полукровка-золотоискатель, один из тех одиноких бродяг, что скитаются всю жизнь по лесам, поднимаются по течению мелких ручейков, намывают гравий, набивают унция за унцией кожаный мешочек золотым песком и в результате по большей части погибают от лишений и голода с золотишком на пять сотен долларов вокруг шеи. Мистера Тодда раздосадовал приход золотоискателя, однако он дал ему фариньи и через час выдворил. Но за этот час Тони успел нацарапать свое имя на клочке бумаги и сунуть его золотоискателю.

С тех пор он жил надеждой. Шли дни с их неизменным распорядком: кофе на восходе солнца; утро, проведенное в

праздности, пока мистер Тодд ковыряется на ферме; фаринья и tasso в полдень, днем — Диккенс, на ужин фаринья, tasso, иногда какой-нибудь плод; с заката до рассвета — молчание, в говяжьем жиру едва тлеет фитилек, над головой смутно виднеется пальмовая кровля; но Тони был спокоен; он верил и надеялся.

Когда-нибудь, в этом году, а может, и в следующем, золотоискатель забредет в бразильскую деревушку и поведаст там о нем. Гибель экспедиции Мессингера не могла пройти незамеченной. Тони представлял себе, с какими шапками выходили тогда газеты; наверное, поисковые партии и по сю пору прочесывают те места, где он проходил; в любой день в саванне могут зазвучать голоса англичан, и сквозь заросли с треском ворвется веселая ватага искателей приключений.

Даже читая, он губами механически воспроизводил напечатанный текст, а мыслями витал где-то далеко-далеко от своего нетерпеливого и безумного хозяина; он представлял в картинах свое возвращение домой и постепенный возврат к цивилизации (он бреется и покупает новую одежду в Манаосе, отправляет телеграмму с просьбой выслать деньги, получает поздравления, наслаждается неторопливым путешествием по реке до Белена, плывет на большом лайнере в Европу; смакует отличный кларет, свежее мясо и весенние овощи; он несколько робел встречи с Брендой и не знал, как себя с ней вести... «Милый, ты так задержался: ты обещал вернуться раньше. Я чуть не поверила, что ты пропал...»).

Тут его прервал мистер Тодд:

— Может, перечтете еще раз этот отрывок? Мне он всегда доставляет огромное удовольствие.

Проходила неделя за неделей; спасатели не показывались, но надежда на завтрашний день помогала Тони прожить сегодняшней; в нем даже пробудилось что-то вроде симпатии к своему тюремщику, и, когда тот после долгой беседы с индейцем предложил пойти на праздник, Тони согласился.

— В этот день местные обычно устраивают пир, — объяснил мистер Тодд. Они уже наготовили пивари. Может, вам оно и не придется по вкусу, но попробовать стоит. Сегодня вечером мы пойдем в гости к этому индейцу.

Как и было договорено, они присоединились к индейцам, собравшимся у очага в одной из хижин на другой стороне саванны. Индейцы, приложившись к большой тыкве-горлянке с какой-то жидкостью, с вялым монотонным пением передавали ее из рук в руки. Тони и мистера Тодда усадили в гамаки и предоставили им отдельные сосуды.

— Надо сразу выпить все до дна. Так требует обычай. Тони, стараясь не распробовать, залпом выпил темную жижу. Но пойло было не такое уж противное, кисловатое и мутное, как почти все напитки, которыми его угощали в Бразилии, зато с привкусом меда и черного хлеба. Он раскинулся в гамаке, испытывая давно забытое блаженство. А вдруг в это самое время поисковая партия разбивает лагерь в нескольких часах ходьбы отсюда? Он согрелся, его стало клонить ко сну. Песня то набирала темп, то снова замирала, и так бесконечно, как литургия.

Ему поднесли еще одну горлянку с пивари, и он осушил ее до дна. Он лежал, раскинувшись в гамаке и наблюдая за игрой теней на кровле, когда пай-ваи начали танцевать. Тогда он закрыл глаза, вспомнил Англию, Хеттон и заснул.

Проснулся он все еще в индейской хижине, с таким ощущением, словно сильно переспал. По положению солнца он понял, что уже далеко за полдень. Он поискал глазами часы, но, к его удивлению, их на руке не оказалось. «По-видимому, оставил дома перед вечеринкой, — решил он. — Наверное, здорово перепил вчера. Зверское пойло».

У него болела голова, и он испугался, как бы не вернулась лихорадка. Опустив ноги на землю, он обнаружил что едва стоит, его шатало, в голове был сумбур, как в те первые недели, когда он шел на поправку. На пути через саванну ему приходилось не раз останавливаться — он закрывал глаза и глубоко дышал. Мистера Тодда он застал дома.

— А, друг мой, вы опоздали к нашим чтениям. Через полчаса уже стемнеет. Как вы себя чувствуете?

— Мерзко. Мне что-то нехорошо от этого пойла.

— Я вам дам одно снадобье, и вам полегчает. В лесу есть всякие лекарства: и чтобы разбудить, и чтобы усыпить.

— Вы не видели моих часов?

— Вы, наверное, их хватились?

— Да, мне казалось, что я их надел. Знаете, я ведь никогда так долго не спал.

— Во всяком случае, с тех пор, как вышли из грудного возраста. Знаете, сколько вы проспали? Два дня.

— Чепуха. Не может быть.

— Нет, правда. Вы очень долго спали. И очень жаль, потому что вы разминулись с нашими гостями.

— С гостями?

— Да, а что такого? Надо сказать, я не скучал, пока вы спали. Три человека издалека. Англичане. Жаль, что вы с ними разминулись. Их тоже жаль: ведь им непременно хотелось повидать вас. Но что мне было делать? Вы так хорошо спали. Они специально проделали весь этот путь, чтобы увидеться с вами, так что я подумал, — вы, наверное, не рассердитесь раз вы сами не могли с ними повидаться, отдам-ка я им ваши часы на память. Они обязательно хотели отвезти какую-нибудь вашу вещицу в Англию: там за сведения о вас обещано вознаграждение. Они очень обрадовались. И еще они сделали несколько фотографий того маленького крестика, который я поставил в честь вашего прибытия. И тоже очень обрадовались. Они всему радовались. Но мне кажется, они к нам больше не приедут, мы живем здесь так уединенно... никаких развлечений, только чтение, мне кажется, к нам больше никто никогда не придет. Не надо, не надо так, я достану одно снадобье, и вам полегчает. У вас болит голова, верно? Сегодня мы не будем читать Диккенса. А вот завтра, послезавтра и послепослезавтра. Давайте перечитаем еще раз «Крошку Доррит». В этой книге есть такие места, которые я не могу слышать без слез.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ. АНГЛИЙСКАЯ ГОТИКА

III

Легкий ветерок в осыпанных росой плодовых садах; холодный солнечный свет над лугами и рощами; в аллее на вязах набухли почки; зима в этом году была мягкая и весна пришла рано. В вышине среди горгулий и каменной листвы часы торжественно отбили четырнадцать ударов. Была половина девятого. Последнее время часы капризничали. Они числились в том списке недоделок, которыми Ричард Ласт собирался заняться, как только выплатит налог на наследство, а черно-бурые лисицы начнут давать прибыль.

Молли Ласт пронеслась по аллее на двухцилиндровом мотоцикле; брюки и волосы у нее были забрызганы отрубями. Она кормила ангорских кроликов.

На посыпанной гравием площадке перед домом возвышался новый памятник, обернутый флагом. Молли прислонила мотоцикл к подъемному мосту и побежала завтракать.

После воцарения Ричарда Ласта Хеттон зажил более деятельной, но куда менее церемонной жизнью. Эмброуз остался на своем посту, но лакеев уволили. Эмброуз с мальчиком и четыре служанки выполняли всю работу по дому. Ричард Ласт именовал их «костяком нашего персонала». Когда с деньгами станет посвободнее, он наберет еще челяди, а пока к закрытым парадным апартаментам с забранными ставнями окнами прибавились столовая и библиотека; семейство ютилось в утренней комнате, курительной и той, что служила Тони кабинетом. Кухонными помещениями по большей части тоже не пользовались, а в одной из буфетных поставили весьма современную и экономичную плиту. К половине восьмого все семейство, кроме копухи Агнес, которая неизменно опаздывала на несколько минут, спустилось к завтраку; Тедди и Молли уже час назад ушли из дому, она — к своим кроликам, он — к черно-бурым лисицам Тедди исполнилось двадцать два, он жил дома. Питер еще учился в Оксфорде

Завтракали все вместе в утренней комнате. Миссис Ласт сидела во главе СТОЛА с одной стороны, ее муж — с другой; между ними

шел постоянный обмен чашками, тарелками, баночками с медом и письмами, которые передавались через весь стол из рук в руки.

Миссис Ласт сказала:

— Молли, опять у тебя в волосах отруби.

— Да ну, все равно придется прибираться перед балаганом.

Мистер Ласт сказал:

— Балаганом. Неужели для вас, дети, нет ничего святого?

Тедди сказал:

— В смердятниках новая беда. У сучки, что мы купили в Оукхэмптоне, ночью отгрызли хвост. Небось просунула ненароком в соседнюю клетку. Те еще птицы, эти лисы.

Последней вошла Агнес, чистенькая осмотрительная девочка с большими серьезными глазами за крупными стеклами очков. Она поцеловала мать и отца:

— Прошу прощения, если опоздала, — сказала она.

— Если, — сказал мистер Ласт благодушно.

— И долго это представление протянется? — спросил Тедди. — Мне надо смотаться в Бейтон, раздобыть кроликов для лисиц. Чивер сказал, что держит для меня пятьдесят штук наготове. Тут на них не настроляешься. Прожорливые твари.

— К половине двенадцатого все будет кончено. Мистер Тендрил не будет читать проповеди. А это не так уж плохо. Ему втемяшилось, что кузен Тони погиб в Афганистане.

— Пришло письмо от кузины Бренды. Она очень сожалеет, что не может приехать на освящение.

— А.

Все замолкли.

— Она пишет, что Джока сегодня срочно вызвали в парламент:

— А.

— Могла б и без него пожаловать, — сказала Молли.

— Она шлет привет всем нам и Хеттону.

Все опять замолкли.

— Чего же лучше, — сказала Молли. — Все равно роль скорбящей вдовы не по ней. Она недолго убивалась, тут же выскочила замуж.

— Молли!

— Да чего там, ты сама так думаешь.

— Что бы мы ни думали о кузине Бренде, я не разрешаю тебе так о ней говорить. Она имела полное право выйти замуж, и я надеюсь, что они с мистером Грант-Мензисом очень счастливы.

— Она вас всегда принимала лучше не надо, когда жила здесь, — сказала Агнес.

— Надо думать, — сказал Тедди. — Это в нашем-то доме.

В одиннадцать часов погода стояла прекрасная, хотя и поднялся ветер; он трепал программу богослужения и чуть было не сорвал до времени флаг с памятника. Присутствовали несколько родственников: леди Сент-Клауд, тетка Фрэнсис и семейство захудалых Ластов, которых никак не обогатило исчезновение Тони. Домочадцы и работники фермы присутствовали в полном составе, пришел кое-кто из арендаторов, большинство деревенских, около дюжины соседей и среди них полковник Инч;

Ричард Ласт и Тедди в этом году все время охотились с пигстэнтонцами.

Мистер Тендрил отслужил короткую службу звучным голосом, перекрывавшим вой ветра. Он дернул за веревку, и флаг упал, тотчас открыв памятник.

Это была простая плита из местного камня с надписью:

ЭНТОНИ ЛАСТ из ХЕТТОНА,
ИССЛЕДОВАТЕЛЬ.

Родился в Хеттоне (1902 г.).

Умер в Бразилии (1984 г.).

Когда местные разошлись, а родственники удалились в дом посмотреть на новые берегающие труд усовершенствования, Ричард Ласт и леди Сент-Клауд оказались вдвоем на площадке.

— Я рад, что мы поставили памятник, — сказал он. — Мне бы никогда самому не додуматься, если б не миссис Бивер. Как только в газетах появилось сообщение о гибели Тони, она мне тут же написала. Я с ней раньше не был знаком. Разумеется, мы знали очень немногих друзей Тони.

— Так это ее идея?

— Да, она написала, что, будучи близким другом Тони, она знает, как приятно было бы покойному иметь памятник в Хеттоне. Она была

очень любезна даже хотела взять на себя переговоры с подрядчиками. У нее, правда, были более грандиозные планы: она предлагала приспособить капеллу под поминальную часовню. Но я думаю, такой памятник пришелся бы Тони больше по вкусу. Камень из нашей каменоломни и обтесан нашими работниками.

— Да, и я думаю, что такой памятник пришелся бы ему больше по вкусу, сказала леди Сент-Клауд.

Тедди выбрал своей спальней Галахада. Он отделался от домашних и помчался наверх снять черный костюм. Через десять минут он уже гнал машину к Чиверу. К обеду он привез кроликов. Они были освежеваны и связаны за ноги по четыре штуки.

— Идешь в смердятники? — спросил он Агнес.

— Нет, приглядываю за кухней Фрэнсис. Она запоролла новый котел, и мама на нее взъелась.

Лисоферма располагалась прямо за конюшнями; длинный двойной ряд проволочных клеток с усыпанными землей и золой проволочными полами, чтоб зверьки не прорыли ходов наружу. Лисы жили парами, некоторые были относительно приручены, но полагаться на них не приходилось; Тедди и Бену Хэккету — он помогал на ферме — за зиму от них не раз доставалось.

Завидев Тедди с кроликами, лисицы кинулись к дверцам клеток. Лиса, которой отгрызли хвост, вроде не слишком пострадала от этой потери.

Тедди с гордостью и нежностью обозрел своих подопечных. С их помощью он надеялся возродить Хеттон в том великолепии, которое он знал во времена кузена Тони.

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке Royallib.ru](http://royallib.ru)

[Оставить отзыв о книге](#)

[Все книги автора](#)

Примечания

1

Перевод А. Сергеева.

«В сторону Бивера» (франц.) — перефраз названия романа М. Пруста «Du cote de chez Swann» (франц.). (Здесь и далее примечания переводчика.)

Томас Мэлори (1394–1471) — писатель и переводчик, автор «Смерти Артура», романа о рыцарях Круглого стола. Изойда, Элейн, Мордред, Мерлин, Гавейн, Бедивер, Ланселот, Персиваль, Тристрам, Галахад, Моргана ле Фэй, Гиневра — герои цикла сказаний о короле Артуре и рыцарях Круглого стола.

«Чамз» («Друзья-приятели») — детский иллюстрированный журнал, издававшийся с 1892 года.

Бевис Гемптонский — герой цикла стихотворных романов XIII века, в XVII веке переделанных в народную книгу.

Книга, написанная девятилетней девочкой Дейзи Эшфорд, о приключениях престарелого мистера Солтины и его молодой воспитанницы Этель Монтикью, изданная известным английским писателем Джеймсом М. Барри с сохранением всех особенностей и ошибок подлинника.

Имеется в виду королева Виктория, в правление которой (1837–1901) была написана проповедь. Действие романа происходит в начале 30-х годов, при Георге V (1910–1936).

Имеется в виду оккупация Джелалабада (1879–1880) английскими войсками в ходе второй англо-афганской войны.

Ванбру Джон (1664–1726) — английский комедиограф и архитектор.

Статуя английского скульптора и художника Д. Ф. Уотса (1817–1904), изображающая всадника на коне — олицетворение физической мощи.

Имеются в виду «Барнардовские приюты» — приюты для беспризорных и бездомных детей, названные в честь их основателя и первого директора Томаса Джона Барнардо (1845–1905), известного английского филантропа.

Сласти в бумажных обертках с напечатанными на них изречениями нравоучительного характера.

Королевский военный колледж в Сандхерсте, основанный в 1802 году.

В сказаниях о короле Артуре деревня, расположенная около Корнуолла и, по преданию, ушедшая под море.

При Марстон-Муре 2 июля 1644 года состоялась битва между силами роялистов и Кромвеля.

Вся территория Англии разделена на участки соответственно числу существующих в стране собачьих свор.

Рене Лалик — французский ювелир. Владелец фабрик, в основном изготавливавших туалетные приборы для массового потребления.

Неприятности (франц.).

В Англии судейский чиновник, осуществляющий надзор за проведением бракоразводных процессов.

Лишними (франц.).

Табличках заклятий (латин.) — эти таблички клали в могилы в Древнем Риме.

Один из колледжей Оксфорда.

Королевское географическое общество.

Английский государственный деятель Вильям Питт-младший (1759–1806) после крупных военных неудач третьей антинаполеоновской коалиции сказал: «Сверните карту Европы, она вам не понадобится еще десять лет», тем самым точно предсказав дату крушения наполеоновской империи.

«В сторону Тодда» (франц.) — перифраз названия романа М. Пруста «В сторону Сванна».